ISSN 2542-2197

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

11
выпуск (866)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2022

1930

ISSN 2542-2197

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY
HUMANITIES

11 Issue (866)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2022

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 11(866)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

доктор филологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (ИМЛИ РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Гос. ИРЯ имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 11(866)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-chief
G. G. BONDARCHUK **Doctor of Philology, Professor**

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A.P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V.V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K.V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O.V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IWL RAS)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU “Higher School of Economics” in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osminina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Russian Language Institute)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M.V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вербализация эмоций в немецкоязычных интервью-воспоминаниях
АНИЩЕНКО А. В., ДИДЕНКО В. Д. 9

Языковая объективация идеи диалектического движения в мотиве пути в романе «Странствия Франца Штернбальда» Людвига Тика
БАШИЛОВА Ю. В. 16

Текстообразующие функции оронимов в немецкоязычной горной прозе Швейцарии
ВОРОНИНА А. И., ЛЮБИМОВА Н. В. 23

Языковые средства инсценировки межличностных взаимоотношений в социальной сети Twitter
ИВАНОВА М. А. 32

Полифункциональность жестовых описаний в литературном тексте (на примере романа «Будденброки» Томаса Манна)
КАРПЕНКО Е. И. 39

Языковые особенности конструирования имиджа в СМИ (на примере имиджа министра иностранных дел ФРГ А. Бербок)
КЛИНОВСКАЯ А. А. 46

Аспекты медиатизации немецких терминов
КОВТУНОВА Е. А., ЕЗАН И. Е. 54

Немецкие антропонимы **König**, **Fürst** и **Herzog** в лингвокогнитивных сравнительных моделях
КУЛИКОВА В. А. 62

Развитие абстрактной лексики в средневековой проповеди (на примере слова **tugent** в наследии Мейстера Экхарта)
ЛАЗАРЕВА Т. А., ЦВЕТАЕВА Е. Н. 69

Кинорецензии на фильм Веймарской республики «Голубой ангел» в современных немецких СМИ
НОВИКОВА А. С., ВОРОНИНА Г. Б. 76

Особенности современной многоязыковой меметики
ПОТАПОВА Р. К., ПОТАПОВ В. В. 83

Функционирование и роль средств разговорности в немецкой художественной литературе для детей и юношества
ПРИВАЛОВА Е. П. 92

Специфика социально-психологического воздействия в период пандемии коронавируса (на материале немецкоязычного фельетона)
СЕВЕРИНА Е. А. 99

СОДЕРЖАНИЕ

Особенности репрезентации ключевых понятий общественно-политического дискурса в формате «Leichte Sprache» на сайтах органов власти ФРГ
СТРЕЛЬЦОВА В. В. 109

Языковая репрезентация состояний погоды (на материале немецкоязычной прозы)
ТАКТАЕВА О. А. 117

Полиаспектность перевода оригинальных и модифицированных немецких пословиц
ШИТИКОВА А. В. 126

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Тема странствий в творчестве Вас. И. Немировича-Данченко
АЗАРОВ Ю. А. 134

Протофеминизм Маргарет Этвуд
НАЙДЕНОВА Р. Р. 142

Готический контекст в творчестве Р. Д. Харриса: рецепция мотивов тайны и пространственной изоляции в сюжетной организации постмодернистского романа («Помпеи», «Очищение»)
ЩЕМЕЛЕВА Е. Б. 149

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Содержание понятия «Work-Life-Balance» в немецкой лингвокультуре
ХЛОПОВА А. И. 157

Культурный аспект брендинга территорий в китайских соцсетях
ЧЕЛНОКОВА-ЩЕЙКА А. В. 165

LINGUISTICS

Verbalization of Emotions in German Oral Memories
ANISHCHENKO A. V., DIDENKO V. D. 9

Linguistic Representation of the Idea of Dialectic Movement in the Way Motif in the Novel «Franz Sternbald's Journey» by Ludwig Tieck
BASHILOVA YU. V. 16

Text-Forming Functions of Oronyms in the Swiss Mountain Prose (German Language)
VORONINA A. I., LYUBIMOVA N. V. 23

Linguistic Means of Interpersonal Relations Staging in Social Network Twitter
IVANOVA M. A. 32

The Polyfunctionality of Gesture Descriptions in a Literary Text ("The Buddenbrooks" by Thomas Mann)
KARPENKO E. I. 39

Linguistic Means of Image Making in Mass Media (on the image of German Minister of Foreign Affairs A. Baerbock)
KLINOVSKAYA A. A. 46

Mediatization Aspects of German Terms
KOVTUNOVA E. A., JESAN I. J. 54

German Anthroponyms **König**, **Fürst** and **Herzog** in Linguocognitive Comparative Models
KULIKOVA V. A. 62

Development of Abstract Vocabulary in Medieval Sermon (on the case of the word **tugent** in the Legacy of Meister Eckhart)
LAZAREVA T. A., TSVETAEVA E. N. 69

Film Reviews of the Weimar Republic Film «The Blue Angel» in Modern German Media
NOVIKOVA A. S. , VORONINA G. B. 76

Features of Modern Multilingual Memetics
POTAPOVA R. K., POTAPOV V. V. 83

Functioning and Role of Conversational Means in German Fiction for Children and Youth
PRIVALOVA E. P. 92

The Specifics of Socio-Psychological Impact during the Covid-19 Pandemic (based on the material of German satirical article)
SEVERINA E. A. 99

Features of Representation of the Key Concepts of Socio-Political Discourse in the «Leichte Sprache» Format on the Websites of German Authorities
STRELTSOVA V. V. 109

CONTENTS

Linguistic Representation of States of Weather (based on German Prose)
TAKTAEVA O. A. 117

Multi-Aspect Translation of Original and Modified German Proverbs
SHITIKOVA A. V. 126

LITERARY STUDIES

The Theme of Wandering in the Creative Activity
of Vas. I. Nemirovich-Danchenko
AZAROV YU. A. 134

Margaret Atwood's Proto-Feminism
NAYDENOVA R. R. 142

The Gothic Context in the Work of R. D. Harris: Reception of the Motives of Mystery and Spatial Isolation
in the Plot Organization of the Postmodern Novel ("Pompeii", "Lustrum")
SCHEMELEVA E. B. 149

CULTUROLOGY

Content of the Concept of "Work-Life-Balance" in German Linguoculture
KHLOPOVA A. I. 157

Cultural Aspect of Territory Branding in Chinese social media
CHELNOKOVA-SIEJKA A. V. 165

Научная статья
УДК 811.112
DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_9

Вербализация эмоций в немецкоязычных интервью-воспоминаниях

А. В. Анищенко[1], В. Д. Диденко[2]

[1]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
allan031@yandex.ru
[2]*Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Россия*
wikadidenko@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются языковые репрезентации эмоций очевидцев значимых событий немецкой истории XX в. Исследование проводится на материале немецкоязычных воспоминаний-интервью, размещенных на портале *www.zeitzeugen-portal.de* в рамках государственного проекта, ориентированного на формирование коллективной памяти. При помощи количественного и контекстного анализа авторы исследуют способы вербализации таких эмоциональных состояний, как *страх, радость, печаль, надежда*. Выявляются события, вызвавшие эти эмоции; подчеркивается роль эмотивов в фиксации и трансляции значимых событий истории Германии.

Ключевые слова: коллективная память, Oral History, воспоминания-интервью, репрезентация эмоций, эмотив

Для цитирования: Анищенко А. В., Диденко В. Д. Вербализация эмоций в немецкоязычных интервью-воспоминаниях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 9–15. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_11_866_9

Original article

Verbalization of Emotions in German Oral Memories

Alla V. Anishchenko[1], Victoria D. Didenko[2]

[1]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, allan031@yandex.ru*
[2]*MGIMO University, Moscow, Russia, wikadidenko@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the analysis of verbal representations of the eyewitnesses' emotions concerning significant events in the German history of the 20th century. The study is conducted on the material of German-language oral memories from the website www.zeitzeugen-portal.de which is a part of a state project aimed at forming collective memory. With the help of quantitative and contextual analysis, the authors explore ways of fixing such emotional states as fear, joy, sadness, and hope. As result, the events that caused these emotions are identified; the role of emotives in recording and broadcasting significant events in the history of Germany is emphasized.

Keywords: collective memory, Oral History, oral memories, representation of emotions, emotive

For citation: Anishchenko, A. V., Didenko, V. (2022). Verbalization of emotions as reaction to historical events. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 9–15. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_9

ВВЕДЕНИЕ

В современном научном дискурсе нельзя не отметить рост числа узкоспециальных и междисциплинарных исследований, направленных на различные аспекты формирования коллективной и культурной памяти нации. В обществе, существующем в условиях взаимодействия культур, где в контексте индивидуальной и коллективной идентичности поднимаются вопросы легитимности политических режимов, идеологического манипулирования, моральных аспектов прошлого и его влияния на настоящее, задачи фиксации и трансляции коллективной памяти как культурной национальной ценности выходят на государственный уровень и реализуются в форме государственных проектов. В этой связи тема языковой реализации эмоциональной экспрессии, вызванной важнейшими национально значимыми событиями, является актуальной и требующей научной разработки.

Исследование интервью с очевидцами важнейших событий немецкой и в целом европейской истории, инспирировано публикациями, связанными с социокультурными и культурологическими исследованиями последних лет Я. Ассманна (1992), А. Ассманн (2007), П. Нора (1999), П. Х. Хаттон (2003), М. Хальбвакс (2005), изучающими различные формы памяти: культурной, исторической, социальной, коллективной и др. Воспоминания, зафиксированные при помощи аудиовизуальных средств, являются одним из новых видов исторических источников, сбором и сохранением которых занимается относительно молодая отрасль научных исследований – устная история (Oral History). Ученые, разрабатывающие это направление, ищут ответы на вопросы: как из поколения в поколение передаются воспоминания и как они изменяются; как взаимодействуют горизонты памяти различных поколений; что влияет на статус воспоминания в памяти поколений? [Ассман, 2019].

Коллективная память формируется судьбоносными событиями прошлого, воспоминания о которых сохраняются и передаются будущим поколениям. В настоящее время всё сильнее проявляется тенденция исследовать исторически и культурно значимые процессы в прямой связи с личными переживаниями свидетелей-современников исторических событий. Зафиксированные на информационном носителе, они становятся достоянием всего социума и составляют основу коллективного знания. Индивидуальные воспоминания не существуют как закрытые системы, а соприкасаются, усиливаются, пересекаются, модифицируются, поляризуются в социальной реальности с другими воспоминаниями и импульсами забывания, они могут быть переведены в коллективную память, принимающую форму, которую можно транслировать дальше. Исторические события формируют сознание всего поколения, они сохраняются в памяти и потом могут быть вновь актуализированы в качестве воспоминаний. Индивидуальные и коллективные воспоминания всё меньше и меньше признаются спонтанными, естественными или священными актами и всё больше и больше признаются социальными и культурными конструкциями, которые со временем изменяются и приобретают свою собственную историю [там же]. Таким образом, в контексте исторических событий, затрагивающих всех представителей определенного лингвосоциума, память перестает быть индивидуальной и становится культурообразующей.

Очевидно, что индивидуальные воспоминания о событиях, связанных с сильными эмоциональными переживаниями, запечатлеваются в памяти особенно глубоко. Какие же эмоции хотят зафиксировать в коллективной памяти и передать будущим поколениям свидетели исторических событий? Какие события вызвали у них наибольший эмоциональный отклик? На эти вопросы мы хотим попытаться дать ответ в предлагаемом исследовании, цель которого – выявление вербальных репрезентантов эмоций в интервью-воспоминаниях об исторических событиях XX века и соотнесение их языковых средств с описываемыми историческими процессами и ситуациями.

ЭМОТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УСТНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

В последние годы современная лингвистика интенсивно занималась прагматическими, грамматическими, семантическими и когнитивными вопросами вербализации эмоций, однако важные лингвистические темы и, в частности, междисциплинарные аспекты исследования эмоций, как отмечает М. Шварц-Фризель, требуют более тщательного анализа. Она выделяет один из важных аспектов языковой эмоциональности, а именно: вопрос о вербальном моделировании эмоций в теориях памяти [Schwarz-Friesel, 2007].

Интервью с очевидцами исторических событий в рамках устной истории (Oral history) зарекомендовало себя как эмоциональный формат, который может активировать определенные эмоции и реакции у реципиента в отношении важных моментов истории. Хотя эмоциональные состояния не могут быть вызваны намеренно, это не относится к эмоциям, связанным с событиями, хранящимися в памяти. В интервью с очевидцами событий истории интервьюер, задавая вопросы, может реактивировать

чувства, которые протагонист испытал когда-то в прошлом. Эти вопросы заранее прорабатываются интервьюером, согласовываются с интервьюируемым, но остаются скрытыми от массового реципиента, хотя легко могут быть реконструируемы из текста интервью. Из этого следует, что интервью-воспоминание не является спонтанным и должно быть подготовлено заранее и обработано после завершения для размещения на сайте. Хотя интервьюер контролирует или даже помогает формировать процесс воспоминания посредством заранее сформулированных вопросов и стимулирующих реплик, его активное участие часто остается скрытым от массового реципиента. При подготовке интервью с очевидцем запланированные вопросы предоставляются интервьюируемому, чтобы он мог лучше подготовиться к ответам. Перед самим интервью проводится короткая предварительная беседа для создания непринужденной атмосферы. В то же время, модератор дает интервьюируемому достаточно свободы и возможность включить в разговор важные вопросы и темы. Необходимо отметить, что автор текста / журналист при редактировании интервью впоследствии делает акцент на номинациях эмоциональных состояний, формулируя заголовок или подзаголовок-аннотацию (Lead) для размещения на сайте и фокусируя тем самым внимание реципиента – потенциального зрителя интервью – на важной эмоции.

Заголовки и лиды к интервью очевидцев рассматриваются нами как тексты с высоким эмоциональным потенциалом. В то же время, они выступают как эмотивные контексты, то есть контексты, в которых вербализуется эмоция и которые дают возможность определить объект / триггер эмоции и характер эмоциональной реакции.

Существенным положением для анализа является наличие внутритекстовой связи между заголовком, лидом и собственно текстом интервью очевидца исторического события, который, в отличие от заголовка и лида, не зафиксирован письменно, а излагается в устной форме и представлен в режиме видеоинтервью. Важно подчеркнуть, что заголовок и лид, которые позволяют реципиенту ориентироваться в размещенной на портале информации, выступают как вторичные тексты, созданные разработчиками проекта. Заголовки, выполняющие информационно-селективную функцию, обращены непосредственно к массовому реципиенту и привлекают его внимание. Лид представляет интервью в сжатой форме и дает краткое изложение его содержания. Заголовок и лид, авторами которых не являются сами интервьюируемые, формируются на основе интервью модераторами проекта, которые не могут при этом не учитывать его цели и задачи, в том числе задачи по формированию определенного отношения реципиента к событиям и процессам национальной истории.

Анализ материала исследования показал, что многие заголовки и лиды ссылаются на эмоциональные состояния, которые испытывали интервьюируемые по отношению к событиям, о которых они рассказывают. Данный факт находит свое объяснение в политике проекта по обработке воспоминаний. В процессе переписки с организаторами проекта нам удалось выяснить, что все потенциально эмоциональные моменты заранее согласовываются с интервьюируемым с целью создания наиболее комфортной для откровенной беседы атмосферы. Кроме того, если в результате беседы интервьюируемый попадает в уязвимое эмоциональное состояние, то данный фрагмент вырезается из разговора в процессе редактирования и не включается в итоговую версию интервью. Очевидно, что интервьюеры могут сознательно определять ключевое настроение видеофрагмента, что не может не сказываться на его восприятии зрителями, и, следственно, имеет воздействие на процесс формирования коллективной исторической памяти.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ И АЛГОРИТМ АНАЛИЗА

Для лингвистического анализа был выбран веб-сайт *www.zeitzeugen-portal.de*, на котором размещены интервью очевидцев исторических событий в Германии XX–XXI веков. Портал приглашает всех интересующихся историей, в том числе школьников и студентов, преподавателей и ученых, заглянуть в прошлое и «открыть для себя малые и большие события немецкой истории»[1] через рассказы очевидцев.

Целью финансируемого государством проекта является фиксация интервью в видео- и аудиоформате, их систематизация, обеспечение их доступности для современников и потомков. Таким образом передается из поколения в поколение и закрепляется в коллективной памяти нации история страны. Благодаря цифровым средствам фиксации и трансляции информации стирается грань между прошлым и настоящим, прошлое становится активной частью культуры. В настоящее время портал содержит около 8 тыс. отдельных клипов. Среди них около 40 интервью с видными фигурами современной немецкой истории (например, Гельмутом Колем, Гельмутом Шмидтом, Вольфгангом Штреземанном, Гюнтером Шабовски и другими представителями немецкой истории и культуры).

[1] URL: https://www.zeitzeugen-portal.de/ueber-uns

Каждое размещенное на портале интервью имеет четкую структуру и содержит имя интервьюируемого, год рождения, а также название и лид (Lead) – подзаголовок-аннотацию. Рассказы очевидцев охватывают XX и начало XXI века: от Первой мировой войны до наших дней. К ним можно получить доступ через три представленных на сайте раздела: «Эпохи» («Zeiträume»), «Темы» («Themen») и «Личности» (Personen»).

В эмотиологии под выражением эмоций понимается их непосредственное речевое проявление, производимое при помощи специфических единиц – эмотивов, семантика которых «индуцирует эмоциональное отношение» [Шаховский, 1987] к обозначаемому объекту действительности. Как правило, эмоции вербализируются в форме:

- номинаций, обозначающих / называющих реакцию или внутреннее состояние (*страх, интерес, радость, гнев* и др.);
- дескрипций, описывающих внутренние процессы или признаки их выражения (*плакать, смеяться, краснеть* и т. п.);
- экспликаций, вербализующих непосредственные эмоциональные реакции (*ура, увы, браво* и др.)

В данном исследовании мы предпринимаем анализ номинаций эмоций, т. е. лексем, называющих эмоции.

Поскольку в немецком языке насчитывается более четырехсот лексем, обозначающих эмоциональные состояния [Dornseiff, 2004] и анализ всех номинантов эмоций не представляется возможным, мы ограничимся в данной работе несколькими из них. Рассмотрим наиболее частотные в исследовательском корпусе номинанты негативных и позитивных эмоций: *страх и грусть* (*Angst / Furcht и Trauer*), *надежда и радость* (*Hoffnung и Freude*).

На первом этапе анализа были отобраны интервью, содержащие существительное, называющее эмоцию:

а) в заголовке интервью-воспоминания, например:

Christa Schirg: Leben in Angst – жизнь в страхе;
Nina Neufeld: Freude ohne Ende – радость без конца;
Roswitha Klekottka-Last: Trauer und Furcht – печаль и страх;

б) в лиде интервью-воспоминания, например:

Walther Hofer: Der damalige Schüler und spätere Historiker Walther Hofer fürchtete nicht nur das deutsche Militär, sondern auch die NS-Propaganda. Vor allem die Angst um die Existenzberechtigung der Schweiz prägte das Klima in Bevölkerung[1]. – Историк Вальтер Хофер, в то время школьник, боялся не только немецких военных, но и национал-социалистической пропаганды. Прежде всего страх за право Швейцарии на существование определял настроение населения[2].

Ella Steingräber: Im Frühjahr 1969 konnte die Bessarabien-Deutsche Ella Steingräber zusammen mit ihrem Sohn endlich in die Bundesrepublik ausreisen. Sie beschreibt, wie unermesslich groß die Freude darüber war[3]. – В начале 1969 года Элле Штайнгрэбер, немке бессарабского происхождения, удалось, наконец, вместе с сыном эмигрировать в ФРГ. Она описывает, какой неизмеримо большой была радость по этому поводу.

Edelgard Grothey: Mit drei Jahren kommt das ostpreußische Flüchtlingskind Edelgard Grothey ins Grenzdurchgangslager Friedland. Sie erinnert sich an eine bedrückende Situation und Verzweiflung in den Gesichtern der Menschen. – В три года дочь беженцев из Восточной Пруссии, Эдельгард Гротей, попадает в приемный пограничный лагерь Фридланд. Она вспоминает гнетущую обстановку и отчаяние на лицах людей.

На втором этапе определялось, на какой объект / событие направлены эмоции и / или факторы, провоцирующие эти эмоции. С помощью количественного и контекстного анализа выявлялось, какие эмоции встречаются в данных воспоминаниях и какими языковыми средствами они реализуются.

Следует отметить, что языковые средства, транслирующие эмоциональные состояния, могут быть сгруппированы в пределах лексико-семантических полей, где номинанты эмоций образуют ядерные зоны. Помимо базовых лексем *Angst* и *Furcht*, в лексико-семантическое поле «страх» могут войти также обозначающие разную степень аналогичного отрицательного эмоционального состояния единицы: *Ängstlichkeit, Scheu, Beklemmung, Bangigkeit, Schreck / Schrecken, Entsetzen, Furcht, Grausen, Gräuel, Panik*. Наряду с лексемой *Trauer* в лексико-семантическое поле «грусть» войдут: *Traurigkeit, Trübsal, Betrübnis, Kummer, Elend, Leid, Schwermut, Gram, Sehnsucht, Unglück, Seelenschmerz, Leidwesen*. Диапазон обозначений положительного эмоционального состояния *радости* – приподнятости и внутренней бодрости – также достаточно широк

[1] URL: https://www.zeitzeugen-portal.de/videos/o4YinjK8pqY
[2] Зд. и далее перевод наш. – *В. Д.*
[3] URL: https://www.zeitzeugen-portal.de/videos/h9r5RgjnRi8

и представлен в немецком языке следующими существительными: *Begeisterung, Behagen, Glück, Freudigkeit, Frohmut, Frohsinn, Fröhlichkeit, Glückseligkeit, Heiterkeit, Vergnügen, Triumpf*. Пространство вокруг ядра лексико-семантического поля «надежда» в значении ожидания чего-либо благоприятного, радостного включает такие лексемы, как *Erwartung, Glaube, Traum, Wunsch, Hoffnungsstrahl, Hoffnungsschimmer, Zuversicht, Optimismus, Chance, Aussicht, Perspektive*.

Анализируя приведенные выше лексемы с точки зрения теории прототипов и принимая во внимание признаки, характерные для каждой из соответствующих групп, можно выделить *страх* как наиболее типичный пример (прототип) негативного эмоционального состояния угрозы; *грусть* как отражение состояния подавленности, *радость* как наиболее характерный пример (прототип) положительного эмоционально-приподнятого настроения и счастья, *надежду* как наиболее яркое отражение состояния ожидания [Анищенко, 2019; Анищенко, 2020]. Для анализа были отобраны именно эти номинанты эмоций (*Angst / Furcht, Trauer, Freude, Hoffnung*) как наиболее типичные для своей категории.

Другим основанием для выбора в качестве объектов анализа вышеперечисленных лексем является то, что в большинстве теорий [Izard, 1991; Schwarz-Friesel, 2007] эмоции *страх, радость, печаль / горе-страдание* и *интерес-волнение* относят к базовым эмоциям. Кроме того, данные эмоции можно квалифицировать как эмоции, связанные с конкретным событием [Ortony, Clore, Collins, 1988]. Эти эмоции оцениваются с точки зрения желаний и целей человека и представляют собой внутренние состояния и чувства, вызванные событиями или явлениями.

Возникновение эмоции *надежда* связано с ценностью исторического события, поскольку указывает на важность его последствий не только для интервьюируемого, но и зачастую всего лингвосоциума. *Страх* обусловлен ожиданием нежелательного события, *печаль* появляется как реакция на неудовлетворенность результатами события. В *радости* актуализируется положительное значение рассматриваемого события. При этом, событие, вызвавшее соответствующую эмоцию, является одновременно как объектом, так и причиной / триггером этой эмоции.

ЛЕКСЕМЫ *ANGST / FURCHT, TRAUER, HOFFNUNG, FREUDE* В ЗАГОЛОВКАХ И ЛИДАХ УСТНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

В проанализированных заголовках и лидах интервью, размещенных на портале www.zeitzeugen-portal.de, в 163 случаях встречается лексема *Angst*, в десяти контекстах фигурирует лексема *Furcht*, в десяти – лексема *Trauer*, обнаружено 40 эмотивных контекстов с лексемой *Freude* и 66 контекстов с лексемой *Hoffnung*.

Анализ выявленных эмотивных контекстов показал, что лексемы *Angst / Furcht*, *Trauer* встречаются при анонсировании (в заголовках) и в кратком описании перед самим интервью (в лиде) о следующих исторических событиях:

1) приход нацистов к власти. Это страх перед шествиями национал-социалистов (*Angst vor Aufmärschen der Nationalsozialisten*); страх быть арестованным (*Angst vor einer Verhaftung*); страх перед расовыми репрессиями (*in stetiger Angst vor den rassistischen Repressionen*); страх перед солдатами СА и СС, перед гестапо (*Angst vor SA- und SS-Männern, Angst vor der Gestapo*) и т. д.;

2) окончание Второй мировой войны и связанная с этим событием оккупация территории Германии войсками Советского Союза, Франции, Великобритании и США. В этих интервью очевидцы исторических событий сообщают о своем страхе перед русскими, в частности перед солдатами Красной Армии (*Angst vor den Russen, Angst vor Rotarmisten*), о страхе перед солдатами союзных армий (*Angst vor Marokkanern, Angst vor de Gaulle*), о том, что страх перед русскими сильнее, чем страх перед американцами (*mehr Angst vor den Russen als vor den Amerikanern*);

3) возведение Берлинской стены и бегство из ГДР. События, связанные с этим периодом, воспринимались немцами со слезами на глазах (*mit Tränen in den Augen*); повергали людей в состояние страха и ужаса (*in Angst und Schrecken versetzt*), которое было вызвано неизвестностью и неопределенностью будущего (*Angst vor dem Unbekannten*), возможностью и вероятностью преследований и арестов (*Angst hatte, erneut von der Stasi entführt zu werden*);

4) конец социалистической эпохи и падение Берлинской стены. Это время страданий и счастья (*eine Zeit des Leidens und Glücks*). Страх осенью 1989 года (*die Angst im Herbst 1989*) был вызван тем, что правительство ГДР по примеру Китая отреагируют насилием на происходящие волнения (*die Angst, dass die DDR-Staatsmacht nach chinesischem Vorbild mit Gewalt reagieren würde; Gewalt gegen die eigenen Landsleute anwenden; die Angst vor Gewaltanwendung im Verlauf der Friedlichen Revolution*).

Достаточно многочисленны интервью, где очевидцы событий немецкой истории делятся своей радостью (*Freude*), при этом, большая часть употреблений лексемы *Freude* (32 из 40) встречается не в самих заголовках к интервью очевидцев,

а в лидах. Это, прежде всего, эмотивные контексты, отражающие воссоединение Германии. Люди испытывали огромную радость по случаю падения Стены (*riesengroße Freude über Mauerfall*); они радовались тому, что могут быть причастными к процессу воссоединения и разделить свою радость с другими (*die Freude darüber, den Einigungsprozess mitgestalten zu können; die Freude der Menschen miterleben*). Это чувство характеризуется ими как необузданная, безграничная радость (*ausgelassene Freude; grenzenlose Freude*). Высшая степень проявления данной эмоции прослеживается в интервью о падении Берлинской стены, где наряду с лексемой *Freude* встречается лексема *Euphorie*, обозначающая восторг, состояние сильного душевного подъема (*Euphorie nach dem Mauerfall, Euphorie angesichts der deutschen Einheit*). В контекстах, описывающих послевоенные годы, лексема *Freude* встречается в сочетаниях *Freude machen* (*доставлять радость*), *Freude schenken* (*дарить радость*), где протагонисты говорят о «маленьких радостях» жизни.

Особенностью функционирования лексемы *Hoffnung* (*надежда*) является то, что она встречается равномерно при описании всех исторических периодов и связана, как правило, с лично значимыми ситуациями: надеждой на встречу с близкими (*Hoffnung auf Heimkehr*), надеждой на изменения и лучшие времена (*Mit dem Kriegsende verband sie die Hoffnung auf bessere Zeiten; Hoffnung auf Veränderungen*), надеждой на выкуп из тюрьмы в ГДР *(Hoffnung auf Freikauf)* или на спасение после аварии на шахте (*Hoffnung durch das Licht der Taschenlampe*).

Использование данной лексемы также может быть связано с именами тех людей, которые олицетворяли собой надежду: Фридрихом Эбертом (*Friedrich Ebert als Hoffnungsträger*), Джоном Кеннеди (*große Hoffnungen in den charismatischen US-Präsidenten*), Михаилом Горбачевым (*Hoffnungsträger Gorbatschow*).

Таким образом, представляется возможным проследить связь между мировыми историческими событиями XX века, их местом в истории Германии и отношением интервьюируемых как представителей немецкого лингвосоциума к этим событиям. Данное отношение находит свое отражение в эмоциональной оценке, репрезентантами которой являются среди прочих средств эмоциональной выразительности лексемы-номинанты. Лексемы *Angst / Furcht, Trauer,* сопровождают «темные» страницы немецкой истории, *Freude* является лидером по частотности упоминаний в отношении позитивных исторических моментов, тогда как лексема *Hoffnung*, с одной стороны, олицетворяющая тревогу за настоящее, а с другой – веру в позитивное будущее, встречается в обоих типах контекстов и связана с широким спектром исторических и индивидуально значимых событий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, воспоминание выступает как реконструируемый через призму индивидуального, часто эмоционально окрашенного восприятия фрагмент национальной истории.

Воспоминания разных людей, принадлежащих к одному поколению, характеризуются выражением сходных или одинаковых эмоций, связанных с конкретными событиями. Индивидуальные воспоминания, которые собираются, сохраняются и передаются в рамках проекта, поддерживаемого государством, переходят из категории частного в категорию социального. Поскольку они публично реконструируются и транслируются в рамках государственного проекта, они могут воздействовать на коллективное знание о прошлом и становиться частью культурной памяти нации.

Описывая события прошлого и давая им оценку, очевидцы актуализируют пережитые ими эмоциональные состояния, среди которых наиболее частотными являются эмоции *страха, грусти, надежды, радости*. Использование соответствующих лексем *Angst / Furcht, Trauer, Hoffnung, Freude*, согласно проведенному анализу, связано с важнейшими событиями немецкой истории, ознаменовавшими переломные моменты в истории нации, повлиявшими на образ жизни и быт каждого ее представителя и оставившими глубокие эмоциональные следы: приход Гитлера к власти, окончание Второй мировой войны, возведение и падение Берлинской стены.

Реципиенты переживают чувства и эмоции, описываемые очевидцами событий прошлого, и принимают таким образом участие в погружении в историческое событие и его реконструкцию в коллективной памяти. Эмоции обеспечивают сохранение опыта прошлого в памяти человека, а повторение эмоциональной оценки события в воспоминаниях разных свидетелей формирует картину эпохи в культурной памяти лингвосоциума.

Лингвистический анализ эмоциональных оценок позволяет изучить и сравнить отношение членов лингвосоциума к различным событиям истории. Полученные данные могут быть использованы для определения места исторических событий в самосознании нации, а также для изменения статуса событий в памяти лингвосоциума.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
2. Schwarz-Friesel M. Sprache und Emotion. Thübingen und Basel: A. Francke Verlag, 2007.
3. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1987.
4. Dornseiff F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. 8., völlig neu bearbeitete und mit einem vollständigen alphabetischen Zugriffsregister versehene Auflage von Uwe Quasthoff. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2004.
5. Анищенко А. В. О влиянии информационной коммуникационной среды на процессы концептуализации эмоций // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 11 (827). С. 9–19.
6. Анищенко А. В. Репрезентация эмоции ужаса в немецкой и русской лингвокультурах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 2 (831). С. 21–29.
7. Izard C. E. The psychology of emotions. London: Plenum Press, 1991.
8. Ortony A., Clore G. L., Collins A. The cognitive structure of emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

REFERENCES

1. Assmann, A. (2019). Zabveniye istorii – oderzhimost' istoriyey / per. s nem. B. Khlebnikov = Forgetting history – obsession with history. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.)
2. Schwarz-Friesel, M. (2007). Sprache und Emotion. Thübingen und Basel: A. Francke Verlag. (In Germ.)
3. Shakhovsky, V. I. (1987). Kategorizatsija emotsij v leksiko-semanticheskoj sisteme jazika = Categorization of emotions in the lexico-semantic system of the language. Voronezh: Publishing house of Voronezh University. (In Russ.)
4. Dornseiff, F. (2004). Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. 8., völlig neu bearbeitete und mit einem vollständigen alphabetischen Zugriffsregister versehene Auflage von Uwe Quasthoff. Berlin, New York: Walter de Gruyter. (In Germ.)
5. Anishchenko, A. V. (2019). On the influence of information and communication environment on the processes of conceptualization of emotions. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11 (827), 9–19. (In Russ.)
6. Anishchenko, A. V. (2020). Horror emotion representation in German and Russian linguocultures. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2 (831), 21–29. (In Russ.)
7. Izard, Carroll E. (1991). The psychology of emotions. London: Plenum Press.
8. Ortony, A., Clore, G. L., Collins, A. (1988). Cambridge: The cognitive structure of emotions. Cambridge University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анищенко Алла Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Диденко Виктория Дмитриевна

преподаватель кафедры немецкого языка факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anishchenko Alla Valerievna

PhD (Philology), Associate Professor, Head of the Department of German Lexicology and Stylistics, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Didenko Victoria Dmitrievna

Lecturer at the Department of the German language, Faculty of International Relations, MGIMO University

Статья поступила в редакцию 11.07.2022
одобрена после рецензирования 12.08.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 11.07.2022
approved after reviewing 12.08.2022
accepted for publication 14.09.2022

Научная статья
УДК 811.112.2
DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_16

Языковая объективация идеи диалектического движения в мотиве пути в романе «Странствия Франца Штернбальда» Людвига Тика

Ю. В. Башилова
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
j.b-wulf@yandex.ru

Аннотация. В статье описана языковая объективация идеи диалектического движения в романе Л. Тика «Странствия Франца Штернбальда». Лексико-семантический анализ показал, что данная идея реализуется в мотиве пути в физическом (продвижение героя в художественном пространстве) и ментальном (стадия ментальной трансформации героя) аспектах. В статье рассмотрен первый аспект. Путь протагониста структурирован на пять фаз, для каждой характерен определенный набор лексико-семантических средств.

Ключевые слова: романтизм, мотив пути, хронотоп, диалектика, Людвиг Тик

Для цитирования: Башилова Ю. В. Идея диалектического движения в мотиве пути в романе «Странствия Франца Штернбальда» Людвига Тика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 16–22. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_11_866_16

Original article

Linguistic Representation of the Idea of Dialectic Movement in the Way Motif in the Novel «Franz Sternbald's Journey» by Ludwig Tieck

Yulia V. Bashilova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
j.b-wulf@yandex.ru

Abstract. The article is purposed on the research of the way motif and its lexical-semantic representation in the novel *Franz Sternbald's Journey* by Ludwig Tieck. The idea of dialectic movement is involved in the representation of the way motif in two aspects: dynamic characteristics of art space and mental transformation. The article brings up the first aspect. The protagonist's way is suggested to be structured by identifying five stages: these are preparation, beginning, way process, culmination and comeback.

Keywords: romanticism, way motif, chronotope, dialectic, Ludwig Tieck

For citation: Bashilova, Yu. V. (2022). Linguistic representation of the idea of dialectic movement in the way motif in the novel «Franz Sternbald's Journey» by Ludwig Tieck. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 16–22. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_16

ВВЕДЕНИЕ

Путь как элемент мифопоэтической картины мира является предметом многочисленных исследований в области лингвистики, семиотики, литературоведения. Наше исследование проводится на литературном немецкоязычном материале. Целью исследования – выявление и описание лексико-семантической организации мотива пути в романе Людвига Тика «Странствия Франца Штернбальда». Жанровые особенности произведения позволяют охарактеризовать его как роман-путешествие, что обусловливает его репрезентативность для раскрытия заявленной темы. Корпус исследования составили микроконтексты, выделенные нами в тексте романа и содержащие тематически релевантную лексику.

Нами проработаны два издания: оригинальное 1798 года, написанное фрактурой, и переводное издание 1987 года. Впервые роман перевела на русский язык С. С. Белокриницкая. Текстовые примеры приводятся на основании источника: Tieck L. *Franz Sternbalds Wanderungen. Eine altdeutsche Geschichte*. Herausgegeben von L. Tieck. Berlin, Druck und Verlag von G. Reimer. 1843 года. Перевод на русский язык приводится по изданию: Тик Л. Странствия Франца Штернбальда. М.: Наука, 1987.

ПОНЯТИЕ ПУТИ. СВЯЗЬ МОТИВА С СЮЖЕТОМ И ХРОНОТОПОМ

Путь является важной составляющей в мифопоэтическом представлении пространства [Топоров, 1983]. В рамках данного исследования мы считаем необходимым сформулировать комплексное определение пути как элемента мифопоэтического пространства, объективированного в художественном произведении. Концептуально значимые элементы в данном определении обозначены цифрами: ***путь*** – последовательное (1) и целенаправленное (2) продвижение героя в художественном пространстве (3), проходящее по определенной траектории, пролегающей через конкретные точки (топосы), фиксированные в тексте художественного произведения путем использования географических названий (топонимов: ойконимов, гидронимов) или иных языковых средств; преодоление частей пути, промежуточные остановки занимают временные периоды (4), которые в сумме составляют общее время пути, подлежащее объективному измерению в установленных единицах времени (часах, днях, неделях, месяцах и т. п.) и воспринимаемое субъективно (долгий, короткий путь). Необходимо рассмотреть каждый элемент подробнее:

1 – последовательность прохождения пути подразумевает, во-первых, его членимость на части; во-вторых, наличие четкого порядка расположения частей пути по отношению друг к другу. Схематично обозначив части пути буквами *a, b, c,* соблюдая порядок следования букв в алфавите, можно утверждать, что последовательность частей пути, закодированная этими буквами, будет выглядеть как *abc*..., но не *acb*, *bac*, *bca*, *cab* или *cba*. Это логично, так как физически невозможно перейти к другой части пути, не преодолев все предыдущие;

2 – целенаправленность и целесообразность (целевая детерминация) пути отличает его от *блуждания*, т. е. хаотичного перемещения в пространстве без определенной цели. В контексте нашего исследования это важно, так как наличие *цели* пути является важной характеристикой и структурным элементом пути, что будет оговорено позднее, при рассмотрении фаз пути;

3, 4 – неотъемлемая характеристика пути – его *направленность*. Временной интервал, необходимый для преодоления заданного расстояния, характеризует *продолжительность* пути. Продолжительность пути, спроецированная на географические координаты, это *протяженность* пути [Пронина, 2011].

Таким образом, путь обладает пространственными и временными характеристиками. Это дает основания говорить о *хронотопе пути*. *Хронотоп* – это «взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин, 1975, с. 234]. Хронотоп представляет собой фон для развития сюжета: *сюжет* – это последовательность действий героев (персонажей), разворачивающаяся в пространственно-временном континууме, представляющем собой единство художественного времени и художественного пространства, т. е. в хронотопе. Элементом сюжета является мотив. С позиции литературоведения *мотив* понимается как «минимальный значимый компонент повествования, простейшая составная часть сюжета»[1].

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИИ МОТИВА

С целью концептуального обоснования включения литературоведческой категории мотива в методологию лингвистического исследования, необходимо дополнительно обратиться к *семантической* концепции мотива. В рамках этой концепции

[1]Словарь литературоведческих терминов / под ред. Л. И. Тимофеева, С. В. Тураева. М.: Просвещение, 1974.

А. Н. Веселовский определяет мотив как элементарную нарративную единицу, неделимость которой обусловлена ее семантической целостностью [Веселовский, 1940]. Е. М. Мелетинский разработал структурно-семантическую модель мотива. Она включает предикат и актант, которые в совокупности образуют инвариант мотива. Структура мотива уподобляется структуре предложения [Мелетинский, 1983]. Предикат сопоставим со сказуемым, актант – с подлежащим в предложении. Главенствующую позицию занимает *предикат*, определяющий количество и характер актантов. Ведущая роль предиката обусловливает основное свойство мотива – предикативность. Предикативность мотива обусловлена его связью с действием. В художественном тексте мотив репрезентирован *событиями*, каждое из которых представляет собой сюжетно-релевантное действие в рамках мотива, производимое актантом. *Актантом* является «заложенное в семантической структуре мотива действующее лицо» [Силантьев, 2004, с. 128]. В структуре мотива кроме предиката и актанта присутствуют также *пространственно-временные характеристики*.

Разработка структурно-семантической модели мотива позволила преодолеть разрыв между лингвистической методологией и литературоведческой концепцией мотива, так как продемонстрировала применимость лингвистических категорий в исследовании художественного текста.

ИДЕЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В МОТИВЕ ПУТИ. ФАЗЫ ПУТИ

Мотив пути является одним из ключевых в мотивной структуре романтизма. Попытка обосновать актуальность мотива пути в романтизме приводит нас к базовым философским концепциям романтического направления [Севастьянова, 2019]. Интерес романтиков к мотиву пути в известной степени обусловлен *диалектикой* Георга Гегеля, являющейся одним из философских оснований романтического направления. Одним из центральных понятий диалектики является ***диалектическое движение***, под которым понимается «в широком смысле – всякое изменение, в узком смысле – изменение положения тела в пространстве»[1]. В этом определении отражены два аспекта диалектического движения, находящие выражение в мотиве пути в искусстве романтизма, в том числе в литературе: во-первых, физическое продвижение героя в художественном пространстве, во-вторых, изменения, происходящие с героем по мере прохождения пути. Двойственная природа пути как дихотомия физического перемещения и духовной трансформации отмечалась исследователями и ранее [Жилина, 2016]. В этой статье мы ограничимся рассмотрением первого аспекта.

В аспекте диалектического движения (физическое движение вперед) путь следует рассматривать в двух качествах: а) как *процесс* движения в пространстве, б) как *траекторию*, или *маршрут*, по которому происходит движение. Понимание пути как процесса является одной из главных характеристик мифологемы пути [Цветаева, 2010]. Рассматривая путь Франца Штернбальда, главного героя романа, мы выделяем пять фаз прохождения пути: I – подготовительную, II – начало пути (отправление), III – основную, IV– прибытие в пункт назначения (достижение цели), V – возвращение домой. В тексте романа эти фазы различаются по продолжительности. Наименьшей продолжительностью обладает II фаза – начало пути. Это объясняется тем, что начало пути предполагает не длительный процесс, а фиксацию определенного момента, когда герой выходит из начальной (отправной) точки – в анализируемом романе это Нюрнберг, родной город героя. Наиболее продолжительной является III фаза: герой продвигается по маршруту, делая остановки в пути.

Путь делится на отрезки, каждый из которых ограничен двумя точками. Происходит смена географических топосов. Топосы, фиксируемые на маршруте героя, возможно соотнести с фазами прохождения пути. Получаем следующую последовательность (фазы обозначены римскими цифрами): I, II – Нюрнберг; III – деревня на реке Таубер, города Лейден (Нидерланды), Антверпен (Бельгия), Страсбург (Франция), лес, замок графини, горы, хижина отшельника; IV– Рим, Флоренция (Италия); V* – Нюрнберг. Фаза V является факультативной, поэтому мы обозначили ее звездочкой *.

Следует обратить внимание, что в художественном пространстве романа присутствуют **не** только топосы, обозначаемые географическими наименованиями: «Путь конституируется объектами (как топографическими, так и сакральными), отмечающими разные участки пути» [Топоров, 1983, с. 264]. Проход через *лес*, остановка в *замке графини* или *хижине отшельника* также значимы для развития сюжета, а значит для раскрытия мотива пути.

Фазы I–II. Фаза I отражает подготовку к путешествию. Формулируются цель путешествия, ожидания, которые герой связывает с предстоящим путешествием. Стоит обратить внимание на то, как реализуется хронотоп пути в первой главе романа:

[1] Философский энциклопедический словарь. Губский, Е. Ф., Кораблева, Г. В., Лутченко, В. А. (ред.). М.: ИНФРА-М, 1997.

I и II фазы излагаются параллельно. Франц Штернбальд покидает Нюрнберг и проходит небольшой отрезок пути в сопровождении друга Себастьяна. Франц отправляется в дорогу ранним утром, и это символично. Начало нового дня совпадает с началом нового этапа в жизни героя:

(1) …indem warf *das Morgenrot* seine Flammen immer höher, und es gingen schon undeutliche Schatten neben ihnen, und die Gegend *trat* rundumher *aus der ungewissen Dämmerung heraus*. – *…утренняя заря* разгоралась, и подле них уже бежали едва различимые тени, и окрестные поля мало-помалу *выступали из зыбкой мглы*.

Следующий микроконтекст иллюстрирует возможности параллельной реализации I и II фаз. Формулировка цели путешествия сочетается с началом пути:

(2) Franz *verließ* jetzt *Nürnberg*, *die herrliche Stadt*, … *aus diesem befreundeten Wohnort ging* er heut, um *in der Ferne* seine Kenntnis zu erweitern und *nach einer mühseligen Wanderschaft* dann als ein Meister in der Kunst der Malerei *zurückzukehren*. – Франц *покидал прекрасный город Нюрнберг*, … сегодня он *оставлял родные места*, чтобы *в далеких краях* умножить свои познания и *после всех тягот странствования возвратиться* мастером в искусстве живописи.

Для номинации начальной точки пути (родины) используются существительные – топоним *Nürnberg*, называющий родину героя, и урбаноним *Stadt*. Эмоциональный (валюативный) компонент выражен прилагательными *herrlich* и *befreundet*. Они имеют положительную коннотацию, выражают отношение героя к своей родине и его переживания по поводу предстоящего расставания с ней. Перемещения героя фиксируются глаголами движения: с одной стороны, это глаголы *verlassen* и *gehen* в сочетании с предлогом *aus*, обозначающие отправление из начальной точки, т. е. начало движения, с другой стороны, глагол *zurückkehren*, намечающий возвращение – последнюю фазу пути, которая будет рассмотрена позже. Рекуррентная для романтического дискурса единица *die Ferne* обозначает конечную точку маршрута (Италию). Существительное *Wanderschaft*, характеризующее путешествие как процесс, содержит компонент *Wander-*, продуктивный при образовании других лексем-актуализаторов мотива пути, таких как *Wanderung, Wanderer*. Прилагательное *mühselig* в атрибутивной функции подчеркивает трудность пути – одну из его основных характеристик, как утверждал В. Н. Топоров, исследовавший мифологему пути. «Трудность пути – постоянное и неотъемлемое свойство; двигаться по пути, преодолевать его уже есть подвиг <…> путь строится по линии всё возрастающих трудностей и опасностей» [Топоров, 1983, с. 259].

Значительное место в I фазе пути отводится экспликации эмоциональных переживаний героя по поводу предстоящего путешествия. При этом отмечается эмоциональная амбивалентность, связанная, на наш взгляд, с реализацией принципа романтического двоемирия в психологическом портрете героя. Романтическое двоемирие – это основной конструктивный принцип романтизма, определяющий характер романтического мировосприятия, совмещающего мир объективно существующий (реальный) и вымышленный (идеальный). Франц испытывает противоречивые чувства. С одной стороны, это ощущение счастья, связанное с тем, что давняя мечта отправиться в Италию в скором времени должна осуществиться. С другой стороны, в определенный момент герой начинает сожалеть о том, что решился покинуть родину, и грядущее путешествие представляется ему большим несчастьем:

(3) Sie erinnerten sich nun daran, wie sie schon oft von *dieser Reise* gesprochen hätten… wie *sehr* sie Franz *gewünscht* und sie immer *als sein höchstes Glück angesehn* habe. – Они вспомнили, как много говорили об *этом путешествии*… и Франц *мечтал* о нем и *почитал* его *за великое счастье*.

(4) Es war mir fast, als stünde mir *das größte Unglück* bevor, das dem Menschen begegnen könnte. – Я словно ждал беды, *беды несказанной*, какая только может стрястись с человеком.

Героя поддерживает *патетическое представление* о цели путешествия, ее *идеализация*. Испытывая жажду нового, Франц идеализирует незнакомую страну:

(5) Ich hatte meinen Gedanken so oft *die Pracht Roms, den Glanz Italiens* vorgemalt, … und dann *fremde Städte* und *niegesehene Menschen* meinem Blicke begegneten; ach, die bunte, *ewig wechselnde Welt* mit ihren noch *unbekannten Begebenheiten*, …*das hohe gelobte Land der Römer*… – Я так часто в воображении рисовал себе *великолепие Рима, блеск Италии; незнакомые города* и люди представлялись моему взору, пестрый *переменчивый мир* в его еще *незнакомых* проявлениях, *возвышенная обетованная земля римлян*…

Pracht, Glanz, das hohe gelobte Land – все эти слова указывают на то, что Франц связывает с путешествием большие ожидания, а конечная цель пути вызывает у него положительные ассоциации. Италия скрывает в себе неизведанное – на это указывают определения *fremd, unbekannt* и *niegesehen*. Эти единицы важны для раскрытия мотива пути, потому что путешествие сопровождается познанием нового, неизведанного. Глагол *wandern* является одним из ключевых глаголов, передающих семантику странствия.

Фаза III. Третья фаза пути наиболее продолжительная из всех. Путь преодолевается в несколько этапов, герой делает промежуточные остановки. «Движение по пути подтверждает истинность самого пространства», внутренне характеризуя его [Топоров, 1983, с. 258].

В пути Франц делает остановку в одной деревушке, чтобы навестить родителей:

(6) Wir treffen unseren jungen Freund *vor einem Dorfe an der Tauber* wieder an. Er hatte *einen Umweg durch das blühende Frankenland gemacht*, um einige Meilen *von Mergentheim* seine Eltern zu besuchen. – Мы снова встречаемся с нашим юным другом *неподалеку от одной деревушки на берегах Таубера.* Он *сделал крюк,* чтобы навестить своих родителей…

Для обозначения ***остановки*** на маршруте используется обозначение населенного пункта (*Dorf – деревня*). Словосочетание *einen Umweg machen* передает ***траекторию движения*** на пути. Лексема *Umweg* включает компонент *-weg-*, который мы также вносим в список языковых актуализаторов мотива пути. Топонимы *Frankenland, Mergentheim* намечают четкие географические координаты, которые минует герой. Предлоги с локальной семантикой *von, vor, durch* обозначают направление движения между точками маршрута. Данный фрагмент отличается высокой семантической плотностью – в небольшом объеме текста сконцентрированы языковые единицы с пространственным значением.

Фаза IV. Достижение географической точки, являющейся целью путешествия говорит о наступлении IV фазы. Отражается момент прибытия в страну. Достижение цели пути повышает статус субъекта, а конец пути – «всегда – цель движения, его явный или тайный стимул» [Топоров, 1983, с. 258–259]:

(7) Wir waren schon *tief ins Meer hinein*, wir glauben uns bald *der italienischen Küste* zu nähern, als sich mit dem Anbruche des Morgens ein Sturm erhob… Ich verlor bald alle Besinnung… Als ich wieder zu mir kam, sah ich *Land vor mir,* der Sturm hatte sich gelegt, ich lag in den Armen meines Freundes. "…wir sind gerettet, *dort ist Italien*". – Мы *были уже далеко в море* и полагали, что вскоре окажемся в виду *итальянских берегов*, но под утро поднялась буря… я вскоре потерял сознание… Когда я вновь пришел в себя, я *увидел впереди землю*, буря улеглась, друг мой держал меня в объятиях. «Прости меня, — сказал он ласково, – *вот там – Италия*, мы спасены…»

(8) *O, süße Reiselust!* sagte ich zu mir selber, *geheimnisreiche Ferne*, ich werde nun von Euch Abschied nehmen und *eine Heimat* dafür *beißen*! – *О сладостная охота путешествовать!* – сказал я самому себе, – *загадочные дали*, теперь я распрощаюсь с вами, *обретя* взамен *родину*!

Героем движет идеализированное представление о цели странствия: он верит, что Италия станет ему родной. Так сглаживается диссонанс между родиной и чужбиной: путь «нейтрализует противопоставление… своего и чужого… далекого и близкого» [Топоров, 1983, с. 260]. Наречия с пространственной семантикой (*dort, vor mir, tief hinein*) дают пространственные ориентиры, описывают положение героя в художественном пространстве, одновременно подчеркивая удаленность.

Фаза V. В пункте назначения протагонист проводит некоторое время. По истечении этого времени должна наступить V фаза – герой отправится в обратный путь и вернется в исходную точку. В романе «Странствия Франца Штернбальда» заключительная V фаза предполагалась по замыслу автора, о чем мы узнаем из послесловия, написанного в 1843 году, спустя 46 лет после первого издания романа, и опубликованного в переводном издании 1987 года. По замыслу Тика, во Флоренции Франц Штернбальд узнает, что один из его попутчиков итальянец Людовико является ему братом и что у них общий отец. Заключительный эпизод романа разворачивается на кладбище, где Франц и его друг Себастьян встречаются на могиле их общего учителя – А. Дюрера. Роман остался неоконченным в силу ряда обстоятельств, поэтому в тексте романа V фаза не представлена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании анализа рассмотренных микроконтекстов мы можем заключить, что языковые единицы, являющиеся актуализаторами мотива пути

в романе Тика «Странствия Франца Штернбальда», организуют динамику сюжета, выполняя когезивную (текстообразующую) функцию. Актуализация мотива пути происходит по мере развития сюжета, что подтверждает связь между литературоведческими категориями *мотивом* и *сюжетом*. Изложение семантической концепции мотива элиминирует разрыв между лингвистической и литературоведческой составляющими.

В результате семантического анализа нами установлено, что лексемы-актуализаторы мотива пути делятся на две группы: лексические и словообразовательные средства. Среди лексических единиц, актуализирующих мотив пути, представлены единицы различной частеречной принадлежности: существительные, прилагательные, наречия, глаголы, а также служебные части речи – предлоги с локальной семантикой.

Анализируя состав языковых актуализаторов мотива при описании каждой фазы пути удалось установить ряд тенденций. При описании **фаз I** и **II** пути отмечается тенденция к использованию семантически контрастирующих между собой лексических единиц и образованных ими свободных словосочетаний. Глаголы, обозначающие ***начало движения***, отправление из точки в сочетании с топонимами (*Nürnberg verlassen*) контрастируют с глаголом *zurückkehren / возвращаться*. В составе одного микроконтекста сочетаются лексические единицы, являющиеся членами двух антонимичных друг другу семантических полей: «родина» / «Wohnort» и «чужбина» / «Ferne». Для реализации валюативного (эмоционально-оценочного) компонента используются прилагательные, обладающие положительной коннотацией: *herrlich, befreundet, hochberühmt, hoch, gelobt*.

В **фазе III** в повествование включается значительное количество топонимов (*Frankenland, Mergentheim*), ойконимы (*Dorf, Stadt*), гидроним (*Tauber*), объединенные общей функцией – намечается ***траектория*** движения героя по маршруту, а также маркируются точки, являющиеся ***промежуточными остановками*** на пути.

В **фазе IV** появляется глагол *sich nähern*, обозначающий приближение героя к определенной точке пространства – к цели путешествия, обозначаемой топонимом *Italien*. Наречия и предлоги с локальной семантикой *tief*, *dort*, *vor* позволяют обозначить положение героя в пространстве. Содержание четвертой фазы пути – ***прибытие*** в пункт назначения – обусловливает употребление названий ландшафтных форм (*italienische Küste, Land)*.

Актуальными и частотными для описания всех фаз пути являются прилагательные *fremd, unbekannt, niegesehen*, содержащие сему «новое, незнакомое».

Среди ***словообразовательных элементов*** (морфем), релевантных для актуализации мотива пути, нами выделены корневые морфемы *wander-* (*Wanderschaft*) и *weg-* (*Umweg*).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Топоров В. Н. Пространство и текст. Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983.
2. Пронина Е. Н. Философия: учебник. М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2011.
3. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. М.: Художественная литература, 1975.
4. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Художественная литература, 1940.
5. Мелетинский Е. М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1983. Вып. 635. С. 115–125.
6. Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. Севастьянова В. С. Лингвокультурное моделирование «пути» в поэзии Новалиса и Ф. Гельдерлина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Вып. № 4. С. 418–422.
8. Жилина Н. П. Мифологема пути в поэме Дж. Г. Байрона «Мазепа» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2016. Вып. №2. С. 36–40.
9. Цветаева Е. Н. Движение и познание: Сакральная идея пути в немецкой лексике и фразеологии (историко-семантический очерк) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 4 (583). С. 145–153.

REFERENCES

1. Toporov, V. N. (1983). Prostranstvo i tekst. Tekst: semantika i struktura = Space and Text. Text: semantics and structure. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Pronina, E. N. (2011). Filosofiya: uchebnik dlya bakalavrov = Philosophy: student book for bachelors. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj universitet pechati imeni Ivana Fedorova. (In Russ.)
3. Bakhtin, M. M. (1975). Formy vremeni i khronotopa v romane = Forms of time and of the chronotope in the novel. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
4. Veselovskij, A. N. (1940). Istoricheskaya poetika = Historical poetics. St. Petersburg: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
5. Meletinskij, E. M. (1983). Semantic organization of mythological narration and the problem of drawing up a semiotic index, of motivs and subjects. Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta, 635, 115–125.
6. Silant'ev, I. V. (2004). Poetika motiva = Poetics of the motiv. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury.
7. Sevast'yanova, V. S. (2019). Linguocultural modelling of "way" in the poetry by Novalis and F. Hölderlin. Philology. Theory & Practice, 4, 418–422.
8. Zhilina, N. P. (2016). The Journey mythologem in the poem "Mazeppa" by George G. Byron. Vestnik Immanuel Kant Baltic Federal University, 2, 36–40. (In Russ.)
9. Tsvetaeva, E. N. (2010). Motion and Cognition: Consecrated notion of the "Way" in German vocabulary and pharaseological units (historical essay). Vestnik of Moscow State Linguistic University, 4 (583), 145–153.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Башилова Юлия Владимировна
аспирант кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bashilova Yulia Vladimirovna
postgraduate student at the Department of German Lexicology and Stylistics,
Faculty of the German language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 18.07.2022
одобрена после рецензирования 15.08.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 18.07.2022
approved after reviewing 15.08.2022
accepted for publication 14.09.2022

Научная статья
УДК 811.112.2
DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_23

Текстообразующие функции оронимов в немецкоязычной горной прозе Швейцарии

А. И. Воронина[1], Н. В. Любимова[2]

[1,2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*annworonina@gmail.com*
[2]*natalju@yandex.ru*

Аннотация. Оронимы представляют значительный интерес не только как топонимические единицы, но и как средства объективации категории литературного пространства. В статье рассматриваются такие текстообразующие функции оронимов в художественном пространстве альпийской (горной) прозы Швейцарии, как маркер и идентификатор пространства, когнитивный инструмент построения ментального плана пространства, точка отсчета в системе координат фикционального пространства, источник фоновой информации и др. Многие оронимы являются символически нагруженными именами, вследствие чего они могут привнести в текст дополнительные коннотации или стать основой языковой игры.

Ключевые слова: ороним, литературное пространство, швейцарская горная проза, маркер пространства, немецкий язык

Для цитирования: Воронина А. И., Любимова Н. В. Текстообразующие функции оронимов в немецкоязычной горной прозе Швейцарии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 23–31. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_11_866_23

Original article

Text-Forming Functions of Oronyms in the Swiss Mountain Prose (German Language)

Anna I. Voronina[1], Natalia V. Lyubimova[2]

[1,2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*annworonina@gmail.com*
[2]*natalju@yandex.ru*

Abstract. Oronyms are of significant interest not only as toponymic units, but also as means of objectification of the category of literary space. This article discusses such text-forming functions of oronyms in the literary space of the Swiss Alpine (mountain) prose as markers and identifiers of space, cognitive tools for constructing a mental map of space, a reference point in the coordinate system of a fictional space, a source of background information and others. Many oronyms are symbolically loaded names, so that they can bring additional connotations to the text or become the basis of a language game.

Keywords: oronym, literary space, Swiss mountain prose, marker of space, the German language

For citation: Voronina, A. I., Lyubimova, N. V. (2022). Text-forming functions of oronyms in the Swiss mountain prose (German language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 23–31. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_23

ВВЕДЕНИЕ

Горная проза занимает особое место в каталоге литературных жанров. Фабула, сюжет, мотивная структура предполагают в таких текстах наличие подробной характеристики пространства, так как основной задачей автора является описание процесса покорения горных вершин и, соответственно, связанных с этим событием эмоций и ощущений. Поэтому тексты горной прозы наполнены лингвостилистическими маркерами, благодаря которым литературное пространство обретает конкретные контуры, ему присваиваются определенные качества, оно получает аксиологическую значимость, влияет на общий тон повествования и на развитие сюжетных линий.

Одной из групп необходимых и значимых маркеров пространства являются единицы литературного топономастикона как совокупности географических имен – макро- и микротопонимов (гидронимов, ойконимов, дромонимов и т. п.). В текстах немецкоязычной горной прозы особую роль играют имена горных ландшафтов и вершин – *оронимы* (с греческого *oros – гора*) [Nübling, Fahlbusch, Heuser, 2015]. Российские исследователи включают в оронимию также и названия понижений (лощин, ущелий, долин), так как возвышенности и понижения не существуют друг без друга. В «Словаре русской ономастической терминологии» ороним определяется как «собственное имя любого элемента рельефа земной поверхности (положительного и отрицательного), т. е. любого орографического объекта» [Подольская, 1988, с. 100]. Чтобы избежать терминологических недоразумений, мы ограничим содержание термина «ороним» «только названиями гор и хребтов» [Мурзаев, 1974, с. 24].

Обилие оронимов в текстах швейцарской горной прозы неслучайно. Во-первых, Альпы и швейцарцы, как нация, нераздельно связаны между собой. Нобелевский лауреат Э. Канетти отмечал в философском исследовании «Масса и власть» (1960), что главный массовый символ швейцарцев постоянно находится у них перед глазами:

> Вершины своих гор швейцарец видит отовсюду. Но с некоторых мест их видно в большем количестве. Ощущение, что отсюда видишь горы, собравшиеся вместе, придает этим обзорным точкам нечто сакральное. <…> Их недоступность и твёрдость наполняют уверенностью душу швейцарца. В своих вершинах отделённые друг от друга внизу горы составляют единое огромное тело. Они – одно тело, это тело и есть страна [Канетти, 1997].

Во-вторых, будучи инструментом геопоэтического прочтения, оронимы способствуют пониманию того, «как автор осуществляет нарративное конструирование пространства» [Карпенко, Любимова, 2021, с. 219]. Это необходимо, чтобы распознать культурный код, присутствующий в пространственных характеристиках, так как «топонимы, эксплицитно или имплицитно включающие географические или социально-исторические реалии, являются результатом осмысленного процесса номинации, что, в свою очередь, ведет к формированию этноязыковой картины мира» [Буркова, Передреева, 2016, с. 175], а реальные горные вершины – носители оронимов – представляют собой не только впечатляющие объекты природы, но и, как и другие топонимы, являются объектами культуры, «отражают национальное своеобразие народа, факты истории государства, природно-географические особенности, экономику и культуру» [там же, с. 178].

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НАГРУЗКА ОРОНИМОВ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ГОРНОЙ ПРОЗЕ

«В обычном употреблении основной функцией топонима является *идентификация*» [Вартанова, 1994, с. 7]. Оронимы не исключение. Хотя любой литературный текст представляет собой лишь один из возможных миров, читатель не всегда имеет дело с вымышленными оронимами (оронимами-фиктонимами). Большинство горных вершин заимствуется в литературу из реальности. В этом случае они становятся для читающего узнаваемым центром системы ориентации в пространстве текста. В зависимости от воли и фантазии автора в произведении может быть представлено разное количество оронимов, но чем их больше, тем проще выстраивается ментальная карта конструируемого пространства и происходит его соотнесение с реальностью. Каждый ороним вызывает ассоциации, поэтому авторы заинтересованы в использовании этих имен в своих произведениях: «С топонимом, как с предметом (местом), связаны разнообразные ассоциации, в том числе эмоциональные, эстетические, оценочные и символические, которые позволяют ему выполнять характеризующую (предикативную) функцию. Образно-ассоциативная природа географических названий лежит в основе их богатого стилистического потенциала, а различие индивидуальных представлений об объекте не препятствует идентификации последнего» [там же].

Чем реалистичнее представлено художественное пространство в тексте, тем скорее читающий сможет его соотнести с конкретными территориями и сочтет описываемые события достоверными.

Реальные имена обладают лингвистическим и экстралингвистическим потенциалом, являются носителями фоновой информации, недооценка которой приводит к поверхностному восприятию повествования: «Топографическая наполненность литературного пространства открывает возможности для его ассоциативно и коннотативно значимого метафорического, а порой и символического, переосмысления» [Карпенко, Любимова, 2021, с. 218].

Сказанное относится и к оронимам, которые в текстах горной прозы являются ключевыми словами. Упоминание конкретного названия в тексте «запускает» сложный когнитивный процесс актуализации всей информации, которая связана с данным топонимом [Kohlheim, 2013]. Именно поэтому оронимы можно рассматривать как маркеры интертекстуальности, обладающие сложной семантической структурой, в которой сведены социальные, культурные, мифологические, исторические, эмоциональные и семиотические ассоциации.

Некоторые авторы сознательно уходят от использования знакомых имен горных вершин. Но в тексте может присутствовать информация, указывающая на реальные географические объекты. Когда протагонист повести М. Фриша «Antwort aus der Stille» (1937) планирует в одиночку покорить вершину, он выбирает сложный маршрут восхождения по *северному гребню* (нем. *Nordgrat*). И хотя литературным пространством повести является южный кантон В**а**ллис, эксперты в описании места действия обнаружили детали альпийского ландшафта кантона Гларус в центральной Швейцарии, хорошо известные автору [Zopfi, 2009]. Таким образом, ороним *Eiger-Nordgrat* реализует свой интердискурсивный потенциал через упомянутые в тексте детали и через информацию подтекста: словосочетание *северный* ***гребень*** (*Nordgrat*) имплицитно указывает на серию трагических попыток восхождения на вершину *Эйгер* (*Eiger,* 3967 м) по *северной* ***стене*** (нем. *Nordwand*), начиная с конца XIX века. Это и сегодня один из сложнейших маршрутов в истории альпинизма:

> Die Eiger-Nordwand verzeiht Bergsteigern keinen Fehler. *Mordwand* lautet der Beiname dieser gigantisch-grimmigen Flanke am 3970 Meter hohen Eiger (Burmeister, 2013)[1]. – Северная стена Эйгера не прощает альпинистам ошибок. *Стена убийца* – такое прозвище носит эта гигантская мрачная сторона 3970-метрового Эйгера[2].

[1]URL: https://www.welt.de/geschichte/article118214595/Als-die-Mordwand-erstmals-bezwungen-wurde.html

[2]Зд. и далее перевод (кроме специально отмеченных случаев) наш. – *Авт.*

У каждого автора есть свои причины для построения литературного пространства с использованием реальных оронимов. Это и воспоминания о времени, прожитом рядом с некой вершиной (*der Piz Sezner* и *der Piz Tumpiv* у А. Камениша), и страсть к горным походам (*der Tödi* у М. Фриша). Овеянные легендами (*der Pilatus*), живописные, пользующиеся особым вниманием туристов (*die Rigi*) или занимающие важное место в картине мира соответствующего этносоциума (*der Gotthard*) вершины, как и горы с «плохой» статистикой гибели альпинистов (*das Matterhorn* – 500 жертв), также часто попадают в литературное пространство. Порой использование оронима сопровождается интерпретацией его значения или происхождения. Оговорим, что научная интерпретация и «народная традиция» не всегда совпадают: трактовки в стиле народной этимологии порождают хоть и красивые, но в то же время абсурдные версии, как например, объяснение названия *die Mythen* – горного массива в швейцарских Альпах (*der Grosse Mythen* 1898 м и *der Kleine Mythen* 1811 м). Несмотря на фонетические и графические ассоциации, эти имена не связаны с понятием «миф», а имеют латинское происхождение (*meta – пирамида*, *остроконечная колонна*, *выступ*). Таким образом, оронимы, как и прочие топонимы, являются носителями культурной информации: «Геопоэтическая литература функционирует в качестве краткого справочника по топографии. И, наоборот, сами ландшафты могут считаться носителями сведений и воспоминаний. Связь между географическим пространством и памятью – между территориями и событиями, важными с точки зрения политической идентичности – отражается в представлении о "говорящих" ландшафтах (реки, горы, леса и т. д.), которые со времен романтизма служат культурной памятью национальной литературы, но также и литературы меньшинств» [Зассе, Маршалек, 2013, с. 119–120].

Символическое восприятие оронимов позволяет придать некоторым вершинам статус объекта коллективной памяти (нем. *Erinnerungsort*) в русле идеи П. Норá, согласно которой, объектами коллективной памяти могут быть не только реальные или фиктивные ландшафты, реальные личности или герои литературных произведений, но и события, традиции, объекты культуры, обладающие символической ценностью для определенного этносоциума [Норá, 1999]. Например, «королева гор» Риги (*die / der Rigi*) упоминается во многих произведениях европейской и даже американской литературы, поэтому, безусловно, является таким объектом. Нельзя не согласиться с мнением специалиста в области горной прозы Э. Цопфи:

> Die Schweizer Literatur ohne Berge? So undenkbar wie das Wallis ohne Matterhorn! Seit je hat das Gebirge zum Schreiben animiert, den Autoren als Gegenwelt gedient, sie auf Erkundungstouren gelockt und ihre Leidenschaft geweckt (*Zopfi, 2014*)[1]. – Швейцарская литература без гор? Это так же немыслимо, как кантон Валлис без Маттерхорна[2]! С незапамятных времен горы вдохновляли писателей, служили им контрмиром, манили в исследовательские походы и пробуждали их страсть.

ОРОНИМЫ В ТЕКСТАХ ГОРНОЙ ПРОЗЫ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ШВЕЙЦАРИИ: АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРИМЕРОВ

Оронимы в текстах немецкоязычной горной прозы Швейцарии являются надежными маркерами жанровой принадлежности, и это показывает проанализированный корпус примеров. В известном произведении швейцарской детской литературы «Heidis Lehr- und Wanderjahre» (Spyri, 1880) девочка Хайди спрашивает своего товарища, как называются горы, которые их окружают. На этот вопрос мальчик дает, на первый взгляд, странный ответ: *Berge heißen nicht* (*У гор нет имен*). Такой ответ удивляет, так как известно, что горные вершины имеют названия. Но этому есть историческое объяснение: для горцев всё, что не имело практического смысла, не получало имени. Горы считались непроходимыми, вершины недосягаемыми, на высоте отсутствовала возможность хозяйственного освоения территории и, как следствие, потребность в именовании вершин долго оставалась нереализованной. Это подтверждено исследованиями в области ономастики:

> Die Benennung der meisten Gipfel erfolgte im 19. Jahrhundert im Zuge der alpinistischen und geometrischen Erschliessung der Alpen. Die meisten Lemmata sind daher (walliser)deutschen Ursprungs. Die wichtigsten Namenmotive betreffen Körperteilbezeichnungen, Geländeformen und menschliche Artefakte [Werlen, 2008]. – Большинство вершин получили имена в XIX веке в ходе альпинистского и геометрического освоения Альп. Большинство имен (леммы), как следствие, имеют (валлисско-)германское происхождение. Важнейшие мотивы именований вытекают из обозначения частей тела, форм местности и рукотворных артефактов.

Рассмотрим примеры использования названий горных вершин в литературных текстах швейцарских немецкоязычных авторов. В романе Фриша «Homo faber» (1957) есть эпизод, который можно назвать «Полет над Альпами». Протагонист, много лет живший вдали от родных мест, смотрит на альпийскую панораму с высоты полета аэроплана и узнает знакомые силуэты гор, которые в описании снабжены именами:

> Dabei war es eigentlich ein ruhiger Flug, nur schwacher Föhn über den Alpen, die ich noch aus jungen Jahren einigermaßen kenne, aber zum ersten Mal überfliege, ein blauer Nachmittag mit üblicher Föhn-Mauer, Vierwaldstättersee, rechts das *Wetterhorn*, dahinter *Eiger* und *Jungfrau,* vielleicht *Finsteraarhorn*, so genau kenne ich sie nicht mehr, unsere Berge, ich habe andres im Kopf –
>
> Was eigentlich?
>
> *Täler* im Schräglicht des späteren Nachmittags, *Schattenhänge*, *Schattenschluchten*, die weißen *Bäche* drin, *Weiden* im Schräglicht, *Heustadel*, *von der Sonne gerötet*, einmal eine Herde in einer *Mulde* voll *Geröll* über der *Waldgrenze*... (*M. Frisch. Homo faber*).

> Это был, собственно говоря, спокойный полет, только слабый фен поднялся над Альпами, которые я с детских лет неплохо знаю, но впервые над ними лечу: голубое небо перед закатом, обычный фен, а внизу – Фирвальдштетское озеро, справа – *Веттергорн*, за ним *Эйгер* и *Юнгфрау*, а быть может, и *Финстерааргорн*, так точно я наших гор уже не помню, у меня другое в голове...
>
> А что, собственно говоря?
>
> *Долины* в скупом свете надвигающихся сумерек, *склоны*, на которые уже спустилась тень, *ущелье*, где уже давно зашло солнце, белые ленточки *горных речек*, *пастбище*, *стога* сена, *красные* в отсвете заката, стадо в *лощине*, белая *галька* на *границе леса*... (*М. Фриш. Homo faber. Пер. Л. З. Лунгиной*)

Это описание примечательно тем, что наряду с реальными названиями знаменитых четырехтысячников оно содержит «обязательные» альпийские атрибуты: сумеречные долины, затененные склоны, ущелья, горные ручьи, стога сена в лучах заката, пастбища, лощины, каменные осыпи. Рассматривая иные ландшафтные описания, можно убедиться, насколько рекуррентен данный набор типичных признаков, которые являются материалом для конструирования литературной версии альпийского пространства.

Знаковым горным «созвездием» для швейцарского коллективного сознания являются три вершины в Бернских Альпах – *Эйгер, Мёнх* и *Юнгфрау*

[1] URL: literarischermonat.ch/gipfelpanorama/#

[2] Маттерхорн – одна из самых высоких альпийских вершин (4478 м), расположена на границе швейцарского кантона Валлис и Италии: южная стена находится на итальянской территории.

(*Eiger*, *Mönch* und *Jungfrau*). Каждый, кто живет или бывает в Швейцарии, знаком с этой воистину мантрической комбинацией имен и как с географической данностью, и как с объектом, имеющим символическое значение и хождение в эстетическом, туристическом и даже в идеологическом дискурсах. Художественная литература не может не отражать подобный статус названных вершин. Упоминание в текстах всегда показывает их топографическое расположение относительно друг друга, а именно: слева направо *Eiger* (3 967 м), *Mönch* (4 107 м) и *Jungfrau* (4 158 м) или справа налево в обратном порядке. При перечислении эти имена произносятся на одном дыхании, что вызывает у современного автора желание игры со смыслом, например, игры графостилистической. Например, сборник рассказов А. Капю называется «Eigermönchundjungfrau» (1998), что подчеркивает неделимость этой троицы, которая в одноименном рассказе упомянута дважды: во-первых, в функции идентификатора и ориентира в знакомом герою пространстве:

> Tief unter der Brücke zog die Aare ganz naturfarben, smaragdgrün und träge dahin, in der Morgendämmerung begrüßte mich die Skyline von Bern – Münster, Altstadt, Bundeshaus und so weiter –, und dahinter, es durften keine anderen Berge sein, glühten doch tatsächlich *Eiger, Mönch und Jungfrau* im Morgenrot. Die Postkarte (*A. Capus. Eigermönchundjungfrau*). – В глубине под мостом несла свои воды Ааре в своих естественных цветах, изумрудно-зелено и лениво, на рассвете меня приветствовала линия горизонта Берна – Мюнстер, Старый город, Бундесхаус и так далее, – а за ними, там не могло быть никаких других гор, *Эйгер, Мёнх и Юнгфрау* действительно пылали в предрассветном освещении. Как на открытке.

И, во-вторых, как основа для развернутого сравнения с признаками локального колорита:

> Die Altstadt war voller Menschen <…> Und alle, alle waren gesund und hatten Wangen, so rosa und leuchtend wie *Eiger, Mönch und Jungfrau* im Morgenrot (*A. Capus. Eigermönchundjungfrau*). – Старый город был полон людей <…> И все, все были здоровы и у всех щеки были такие же розовые и яркие, как *Эйгер, Мёнх и Юнгфрау* на рассвете.

Оба контекста не только указывают на вершины, которые являются визитной карточкой Бернских Альп, но оба раза горы упоминаются в контексте примечательного природного явления – альпийского свечения (*Alpenglüh*[e]*n*):

> Иногда по вечерам – невозможно заранее угадать, когда именно, также невозможно и каким-либо образом повлиять на этот момент – горы загораются алым светом: это момент их высшего торжества [Канетти, 1997].

За счет упоминания альпийского свечения в первом приведенном примере возникает мотив видовой открытки (die Postkarte), который швейцарские авторы охотно используют в ландшафтных описаниях.

В классической литературе XIX века также можно встретить указанные оронимы в самых разных функциях. Приведем фрагмент из новеллы Г. Келлера «Утраченный смех» («Das verlor[e]ne Lachen», 1874), содержащий вербальное описание альпийского ландшафта, которое можно считать авторским ироническим метакомментарием к визуальному пространству, изображенному на обоях:

> Зал, в котором они находились, был просторным, но с очень низким потолком и скорее темным, чем светлым, и очень странно украшенным. Потому, что хозяин заведения приобрел снятые обои из дома б**о**льшего размера и оклеил ими свой зал.
>
> На обоях был целиком изображен величественный швейцарский ландшафт, который тянулся по всем четырем стенам и представлял горный мир с *заснеженными вершинами, альпийскими лугами, водопадами* и *озерами*. Однако, поскольку зал, для которого эти прекрасные обои предназначались прежде, был вдвое выше, чем помещение, в которое они были перенесены, ими закрыли и потолок, так что мощные *горные великаны*, а именно *Юнгфрау, Мёнх, Ейгер* и *Веттерхорн, Шрекхорн* и *Финстерархорн*, складывались на половине своей высоты и упирались друг в друга своими *снежными вершинами* посередине низкого потолка, где они приняли мрачноватый оттенок из-за чада и копоти от ламп. На стенах царственно располагались *зеленые альпийские луга, усеянные рыжими и белыми коровами*, еще ниже сверкали *голубые озера*, по которым плыли корабли, украшенные пестрыми флажками, на террасах гостиниц можно было видеть прогуливающихся мужчин и женщин в синих фраках и желтых юбках и в старомодных высоких шляпах… (*Г. Келлер. Утраченный смех*).

Ансамбль трех вершин *Eiger – Mönch – Jungfrau* здесь образует ядро текстового пространства, но традиционное триединство дополнено за счет упоминания других значимых вертикальных доминант Бернских Альп, хорошо знакомых жителям

страны со школьной скамьи – *Wetterhorn* (3 692 м), *Schreckhorn* (4 078 м), *Finsteraarhorn* (4 273,9 м). Комизм состоит в том, что пейзаж, изображенный на обоях как вторичное визуальное пространство, искажен из-за малого объема зала, представляющего собой пространство первичное, поэтому вершины невероятным образом складываются на половине своей высоты и упираются друг в друга. Дальше читатель узнает, к каким способам выражения эмоций приводят символически нагруженные оронимы:

> Внезапно бледный сотрапезник, которого предпочитали именовать идеалистом, обнаружил нанесенное на обои ночное отечество и сразу же использовал это в качестве повода для произнесения страстного тоста во славу великолепного, дорогого, прекрасного отечества, которое в данном случае совершенно справедливо включало в себя союз бравых швейцарцев как часть малой родины. А поскольку даже эти бедные духом и обделенные счастьем любили отечество, то этот тост нашел громкое одобрение, и *общество приступило к исполнению всех известных патриотических песен подряд*. Лишь некоторые несентиментальные товарищи остались *равнодушными* и стали ловко швырять в сторону *вечных льдов, нависавших над их головами*, так как они в это время ели селедку, ее внутренности, да так, что те прилипали к потолку… (*Г. Келлер. Утраченный смех*).

Еще одна знаковая вершина Швейцарских Альп – Маттерхорн (*das Matterhorn*, 4 478 м) – хорошо известна и за пределами страны, прежде всего благодаря своей не совсем «правильной» пирамидальной форме, которую, согласно популярной легенде, производитель шоколада «Toblerone» в начале XX века использовал как прототип для формы своего изделия, хотя на самом деле вершина Маттерхорн стала официальным символом шоколада лишь в 2000 году. О структуре оронима *Matterhorn* можно сказать следующее: компонент *Horn* (*рог*) указывает на имя географическое, при этом слово *Horn* является частотным базисным словом для оронимов. В картотеке профессора Бернского университета И. Верлена имеется 700 сложносочиненных названий с компонентами *Horn / Hiri / Hirrli / Hirili* [Werlen, 2008]. По данным словаря «Schweizerisches Idiotikon», *Horn* и диалектные формы, как *Hooru*, в географических названиях обозначают «крутую, в большинстве случаев голую, резко вздымающуюся вершину» [Schweizerisches Idiotikon online, Bd. 2, Sp. 1618]: «Wirkt die Spitze eines Berges auf Grund einer verkürzten Innenlinie wie gekrümmt, dann ist das Bild des Tierhorns unmittelbar einleuchtend. Das berühmteste Horn dürfte wohl das *Matterhorn* in der Schweiz sein» [Steiner, 2011] («Если вершина горы кажется изогнутой из-за укороченной внутренней линии, то образ рога животного сразу становится очевидным. Самый известный рог – это, вероятно, Маттерхорн в Швейцарии»).

Согласно Э. М. Мурзаеву, и в русском языке компонент оронима *рог* также обозначает острую вершину [Мурзаев, 1974].

Первая попытка покорения вершины *Matterhorn* в 1865 году закончилась трагической гибелью большинства участников, однако сегодня она используется и в рекламе, и в спортивно-туристическом дискурсе, и даже в таком жанре, как альпийский детектив. В качестве примера приведем короткий детективный рассказ Т. Кова «Matterhörnli» (2021). Ороним здесь лингвистически обыгрывается с целью создания комических эффектов. Название указывает на двойную игру с именем. *Во-первых*, к *Matterhorn* прибавлен типичный для алеманнских диалектов уменьшительный суффикс *-li*, что в сознании обывателя делает гору менее опасной, а восхождение на нее превращает в легкую прогулку. Приведем описание пространства в сильной позиции текста, в зачине. Вершина *Маттерхорн* здесь отсутствует, так как ее невозможно увидеть, стоя на ней самой. А характерные атрибуты альпийского пейзажа и здесь приведены в изобилии:

> Valerie Ledoux machte den letzten Schritt auf den *Gipfel des Matterhorns*, und es wäre ein erhabenes Gefühl gewesen, hätte sie nicht geschnauft wie ein Nilpferd beim Bauch-Beine-Po-Training.
>
> Sie fühlte sich auch exakt so.
>
> Dann erst bemerkte Valerie die *Aussicht*, sie entschädigte für alles! Ein *strahlend blauer Himmel, schneebedeckte Gipfel, siebenunddreißig Viertausender, ein unglaubliches Panorama*. Nur das *Matterhorn* fehlte, weswegen es gar nicht so schlau war, ausgerechnet diesen Gipfel zu erklimmen (*T. Kowa. Matterhörnli*).

> Валери Леду сделала последний шаг на вершину *Маттерхорна*, и она испытала бы возвышенное чувство, если бы не фыркала как бегемот, выполняющий упражнения по укреплению брюшного пресса, ног и ягодиц.
>
> Она и чувствовала себя точно так же.
>
> Только затем Валери обратила внимание на *вид*, он компенсировал все! *Сияющее голубое небо, заснеженные вершины, тридцать семь четырехтысячников, невероятная панорама*. Не хватало только *Маттерхорна*, поэтому было совсем не умно подниматься именно на его вершину.

Во-вторых, компонент *Hörnli- / -hörnli* отсылает нас к кулинарному дискурсу: такую форму макаронных изделий называют «рожки» (например, *Chäshörnli, Käsehörnli*, *Hörnlisalat*):

> Gerade noch rechtzeitig vor dem Gewitter kamen sie in der *Hörnlihütte* an, setzten sich in den Gastraum und verspeisten erst einmal *eine Portion Hörnli mit Gehacktem* (*T. Kowa. Matterhörnli*). – В последний момент перед грозой они добрались до приюта альпинистов *Hörnlihütte*, устроились в гостевой комнате и прежде всего съели по порции *рожков с мясным фаршем*.

Кроме того, главная героиня, профессиональный кондитер, назвала свое новое изделие в форме знаменитой горы *Matterhörnli*.

Таким образом, в рассматриваемом нами тексте присутствует всё сразу: знаменитая вершина характерной формы *Matterhorn*; расположенный на высоте 3 260 м приют для альпинистов *die Hörnlihütte,* где они проводят ночь перед штурмом вершины; «Toblerone» – шоколад треугольной формы на срезе, на обертке которого в качестве логотипа изображен силуэт Маттерхорна; макаронные изделия в виде готового блюда из пакета «Рожки с мясным фаршем» («Hörnli mit Gehacktem»); кондитерские изделия (пралине) под названием «Matterhörnli», загадочным образом пропавшие из рюкзака, как и положено в детективной истории:

> *Matterhörnli* waren Valeries neueste Pralinenkreation, sie sahen aus wie eine Miniaturversion des berühmten Bergs, mit cremiger Gjandujafüllung und einer Spitze aus edelster weißer Schokolade (*T. Kowa. Matterhörnli*). – «Matterhörnli» были последним творением Валери, конфеты-пралине похожие на миниатюрную версию знаменитой горы, с кремовой ореховой начинкой и верхушкой из самого изысканного белого шоколада.

В результате игривого смешения разных значений возникает «семантический хаос». Он приводит к *транссемантизации*, которая понимается как «обусловленное контекстом ближайшего окружения и / или макроконтекстом произведения изменение семантики реального топонима: частичное “стирание” присущей ему энциклопедической информации и приписывание геонаименованию новой информации в результате возникновения новой – фикциональной – референтной отнесенности» [Бабенко, 2008, с. 35]. Такие игры с именами открывают дополнительные возможности для интерпретации многослойных текстов. Сложность состоит в том, что для понимания и интерпретации требуется привлечение дополнительных источников информации и наличие обширных фоновых знаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одним из жанровых признаков произведений горной (альпийской) прозы является использование таких единиц топономастикона, как оронимы, т. е. названия горных вершин, массивов и хребтов, которые не только обеспечивают произведению достоверный характер, но и выполняют множество других текстообразующих функций, например, помогают сконструировать в сознании читателя ментальную карту текстового пространства.

Оронимы объективируют элементы, необходимые для оформления альпийского литературного пространства, и поэтому являются характерными рекуррентными маркерами категории пространства в текстах горной прозы. Поскольку носители оронимов (горы) находятся в центре внутритекстовой системы координат, они дают возможность ориентироваться в этом пространстве. Более того, оронимы как инструменты геопоэтического прочтения произведения отражают языковое сознание носителей языка и, как следствие, способствуют активизации механизмов сознательного восприятия текстовой действительности и ее сопоставления с действительностью реальной.

Оронимы, как и прочие топонимы, являются носителями культурного кода: важных сведений о культуре, языке, географии, этнографии альпийского региона и иной информации, которая может остаться нераскрытой без соответствующего анализа. Подчеркнем, что целью такого анализа является не перечисление тех или иных названий, а их рассмотрение на образном и концептуальном уровнях. Кроме того, их можно считать маркерами интертекстуальности, так как они способствуют восприятию анализируемого текста в совокупности с текстами «веерного окружения», а также установлению его положения внутри соответствующего дискурса.

Использование оронимов играет не последнюю роль в создании неповторимого авторского стиля, основу которого могут составлять игры с онимами, через их транссемантизацию, персонификацию и прочие стилистические приемы. В зависимости от эстетических или иных установок авторы, работающие в жанре горной прозы, охотно внедряют в свои произведения прецедентные имена горных вершин или оронимы-фиктонимы, что связано с функциональной нагрузкой данных единиц в каждом тексте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Nübling, D., Fahlbusch, F., Heuser, R. Namen. Eine Einführung in die Onomastik. 2. Aufl. Tübingen: Narr Francke Attempo Verlag, 2015.
2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1988.
3. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974.
4. Канетти Э. Масса и власть / пер. Л. Г. Ионина. М.: Центр гуманитарных технологий, 1997. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/5454.
5. Карпенко Е. И., Любимова Н. В. Геопоэтика как способ прочтения литературных пространств: лингвистические аспекты (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 215–229. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/11_853_H.pdf
6. Буркова Т. А., Передреева Т. В. Языковая картина мира и топонимические номинации // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2016. № 2. С. 172–179. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26298981_54536874.pdf
7. Вартанова О. А. Англоязычные топонимы и их стилистический потенциал в поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1994.
8. Kohlheim V. Toponyme in der Literatur: Ein kognitivistischer Ansatz // Namenkundliche Informationen. Bd. 101/102. 2013. S. 352–264. URL: https://www.namenkundliche-informationen.de/baende/download/12084/id12082/.
9. Zopfi E. Dichter am Berg: alpine Literatur in der Schweiz. Zürich: AS Verlag, 2009.
10. Зассе С., Маршалек М. Дисциплина геопоэтики / пер. с нем. Е. Дайс // И. Сид. Введение в геопоэтику. Одиночные экспедиции в океане смыслов. М.: Арт Хаус Медиа, 2013. С. 111–124.
11. Werlen I. Die Grundwörter der oberwalliser Gipfelnamen // Chomolangma, Demawend und Kasbek. Festschrift für Roland Bielmeier zu seinem 65. Geburtstag. Bd. 2 / Hrsg. von Huber, Brigitte; Volkart, Marianne; Widmer Paul; Schwieger, Peter. Halle (Saale): Verlag International Institute for Tibetan and Buddhist Studies, 2008. S. 577–614.
12. Schweizerisches Idiotikon online. Wörterbuch der schweizerdeutschen Sprache. Begonnen von Friedrich Staub und Ludwig Tobler, fortgeführt von A. Bachmann et al. Frauenfeld: Huber, 1881ff. URL: www.idiotikon.ch.
13. Steiner Th. Bildhafte Bergnamen // Namenkundliche Informationen. Bd. 99/100. 2011. S. 145–151. URL: www.namenkundliche-informationen.de/baende/download/12430/id12431/.
14. Бабенко Н. Г. Язык русской прозы эпохи постмодерна: динамика лингвопоэтической нормы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2008.

REFERENCES

1. Nübling, D., Fahlbusch, F., Heuser, R. (2015). Namen. Eine Einführung in die Onomastik. 2. Aufl. Tübingen: Narr Francke Attempo Verlag. (In Germ.)
2. Podol'skaya, N. V. (1988). Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii = Dictionary of Russian Onomastic Terminology, ed. by A. V. Superanskaya. Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Murzaev, E. M. (1974). Očerki toponimiki = Toponymic essays. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
4. Canetti, E. (1997). Massa i vlast' = Crowds and Power. Moscow. https://gtmarket.ru/library/basis/5454/5458 (In Russ.).
5. Karpenko, E. I., Lyubimova, N. V. (2021). Geopoetics as a means of literary spaces interpretation: linguistic aspects (on the German language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11 (853), 216–230. (In Russ.) http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/11_853_H.pdf.
6. Burkova, T. A., Peredreeva, T. V. (2016). Linguistic world view and toponyms. Vestnik of State University Tver. Philological Studies N 2, 172–179. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26298981_54536874.pdf (In Russ.).
7. Vartanova, O. A. (1994). Angloyazychnyye toponimy i ikh stilisticheskiy potentsial v poezii = English toponyms and their stylistic potential in poetry: abstract of PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)
8. Kohlheim, V. (2013). Toponyme in der Literatur: Ein kognitivistischer Ansatz. Namenkundliche Informationen, Bd. 101/102, 352–264. https://www.namenkundliche-informationen.de/baende/download/12084/id12082/
9. Zopfi, E. (2009). Dichter am Berg: alpine Literatur in der Schweiz. Zürich: AS Verlag.

10. Sasse, S., Marszalek, M. (2013). Disziplina geopoetiki. In: Sid, I. Vvedenie v geopoetiku. Odinočnye ekspedicii v okeane smyslow = Introduction to Geopoetics. Singular Expeditions in an Ocean of Meanings. Moscow: Art Chaus Media, 111–124. (In Russ.)
11. Werlen, I. (2008). Die Grundwörter der oberwalliser Gipfelnamen. In: Chomolangma, Demawend und Kasbek. Festschrift für Roland Bielmeier zu seinem 65. Geburtstag, 2. Huber, Brigitte; Volkart, Marianne; Widmer Paul; Schwieger, Peter (ed.). Halle (Saale): Verlag International Institute for Tibetan and Buddhist Studies. (In Germ.)
12. Id. = Schweizerisches Idiotikon online. Wörterbuch der schweizerdeutschen Sprache. Begonnen von Friedrich Staub und Ludwig Tobler, fortgeführt von A. Bachmann et al. Frauenfeld: Huber. (In Germ.) www.idiotikon.ch.
13. Steiner, Th. (2011). Bildhafte Bergnamen. Namenkundliche Informationen, Bd. 99/100, 145–151. URL: www.namenkundliche-informationen.de/baende/download/12430/id12431/.
14. Babenko, N. G. (2008). Yazyk russkoy prozy epokhi postmoderna: dinamika lingvopoeticheskoy normy = The language of Russian prose of the postmodern era: the dynamics of the linguistic and poetic norm: Abstract of Senior Doctorate in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронина Анна Игоревна
аспирант, преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Любимова Наталия Викторовна
кандидат педагогических наук, профессор,
Московский государственный лингвистический университет

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Voronina Anna Igorevna
Postgraduate Student at the Department of Lexicology and Stylistics of German,
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Lyubimova Natalia Viktorovna
PhD (Pedagogy), Professor, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 07.07.2022
одобрена после рецензирования 08.08.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 07.07.2022
approved after reviewing 08.08.2022
accepted for publication 14.09.2022

Научная статья
УДК 81'271:004.946
DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_32

Языковые средства инсценировки межличностных взаимоотношений в социальной сети Twitter

М. А. Иванова
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
mashaliva@rambler.ru

Аннотация. Виртуальная коммуникация влияет на изменение способов реализации различных видов межличностных взаимоотношений, что находит отражение в тенденции к «театрализации» дружеских и неприязненных отношений в социальных сетях. В статье на примере немецкоязычных постов социальной сети Twitter анализируются языковые средства инсценировки дружбы и вражды с целью изучения трансформации коммуникативного поведения человека в рамках виртуального пространства. В результате исследования выделены вербальные и невербальные средства, применяемые для создания разнообразных театральных эффектов, привлечения внимания, расширения круга подписчиков-зрителей.

Ключевые слова: виртуальная коммуникация, социальные сети, театрализация, дружба, вражда

Для цитирования: Иванова М. А. Языковые средства инсценировки межличностных взаимоотношений в социальной сети Twitter // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 32–38. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_11_866_32

Original article

Linguistic Means of Interpersonal Relations Staging in Social Network Twitter

Maria A. Ivanova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
mashaliva@rambler.ru

Abstract. Virtual communication influences the changes in the ways of interpersonal relations realisation, which is reflected in the trend towards "theatricalization" of friendly and hostile relationships in social networks. The article analyses linguistic means of friendship and hostility staging on the example of German-language Twitter posts to study the transformation of human communicative behaviour within virtual space. The study highlights verbal and non-verbal means used to create a variety of theatrical effects, attract attention and expand the circle of followers-viewers.

Keywords: virtual communication, social networks, theatricalization, conceptualisation, friendship, hostility

For citation: Ivanova, M. A. (2022). Linguistic means of interpersonal relations staging in social network Twitter. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 32–38. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_32

ВВЕДЕНИЕ

Появление новых информационных технологий привело к изменению всей системы коммуникации, реализуемой как между отдельными людьми, так и во всем обществе. В результате цифровизации развиваются новые виды межличностной коммуникации, протекающие исключительно в рамках виртуального пространства и не зависящие от физической удаленности коммуникантов. Общение в мессенджерах, социальных сетях и чатах способствует формированию новой сферы информационного взаимодействия и трансформации социального и речевого поведения участников коммуникации, что, в свою очередь, отражается на когнитивных процессах, связанных с кодированием и декодированием транслируемой информации [Анищенко, 2019]. Общение в рамках виртуального пространства влияет на изменение способов реализации различных межличностных отношений, что находит свое отражение в языке.

В статье рассматриваются особенности (квази)синхронных форм виртуальной коммуникации, таких как чаты и социальные сети. Теоретической базой послужили исследования У. Шмитца, изучившего соотношения устности и письменности в виртуальной коммуникации; В. Швайгера, выделившего характерные для социальных сетей коммуникативные действия, а также Е. Н. Галичкиной, описавшей общие характеристики компьютерно-опосредованного дискурса [Schmitz, 2010; Schweiger, 2019; Галичкина, 2012].

В рамках виртуальной коммуникации социальные отношения часто выносятся на всеобщее обозрение, что связано с феноменом «театрализации» (Theatralisierung), описанным Г. Виллемсом на основе аспектов «театральности», выделенных Э. Фишер-Лихте [Willems, 2009; Fischer-Lichte, 1998]. В связи с тенденцией к визуализации и публичности люди привносят элементы театрального действия в различные аспекты повседневной жизни, в том числе инсценируют дружеские и неприязненные межличностные взаимоотношения.

Цель статьи – анализ вербальных и невербальных средств, применяемые пользователями для «инсценировки» дружбы и вражды в социальных сетях для изучения трансформации коммуникативного поведения человека в рамках виртуального пространства. Материалом для исследования послужили немецкоязычные посты социальной сети Twitter, на примере которых исследуются языковые способы объективации этих межличностных взаимоотношений. Детально было проанализировано более 100 таких постов.

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И ЧАТАХ

В современном мире Интернет становится пространством, в котором протекает существенная часть повседневной жизни. Многие виды межличностных взаимоотношений, в том числе дружеские и неприязненные, реализуются в рамках виртуального пространства.

Социальные сети становятся платформой для самопрезентации и для демонстрации широкой общественности отношений с другими людьми. Рассмотрим особенности производства и обмена информацией в рамках социальных сетей. В социальных сетях пользователи имеют возможность реализовывать такие виды коммуникативных действий, как:

1) ***отбор информации***: социальные сети предлагают пользователям возможность следить за потоком новой информации в реальном времени, а также выбирать пользователей или группы, «подписываться» на них для того, чтобы автоматически получать сообщения о появлении новых постов на определенную интересующую их тему;

2) ***восприятие информации***: пользователи социальных сетей просматривают посты новостной ленты для общей оценки информации (стоит или нет ее получать) и для удовлетворения своих потребностей в получении интересующей информации;

3) ***производство информации***: пользователи социальных сетей имеют возможность самим публиковать посты и вступать в контакт с другими пользователями в комментариях [Schweiger, 2019].

Наибольший интерес для нашего исследования представляет возможность производства информации, в рамках которой происходит основное коммуникативное взаимодействие пользователей. Можно выделить три основных способа производства информации:

1) ***советовать и распространять***: в социальных сетях у пользователя есть возможность мгновенно поделиться с другими заинтересовавшей его / ее информацией или дать ей оценку (например, с помощью репостов, «лайков» и т. д.);

2) ***комментировать и обсуждать***: пользователи социальных сетей могут комментировать уже опубликованную информацию и вступать в дискуссии с другими пользователями, при этом традиционно чаще используются вербальные средства, но пользователи могут также использовать эмодзи, фотографии или видео;

3) ***публиковать***: пользователи имеют возможность самостоятельно формировать и публиковать информацию в постах [Schweiger, 2019].

Важной особенностью социальных сетей является публичность, которая дает пользователям возможность транслировать информацию на широкую общественность: оценивать и комментировать посты могут как друзья и близкие знакомые, так и малознакомые или совсем незнакомые пользователи.

Основное общение между пользователями социальных сетей происходит в форме чата под опубликованными постами. Чат-коммуникация – это квазисинхронная форма виртуальной коммуникации, протекающей в реальном времени один на один или один с несколькими («one-to-one», «one-to-many»). Чат-коммуникация отличается от других форм коммуникации дистантностью и физической непредставленностью коммуникантов. Участники чата поддерживают связь с помощью различных технических средств, находясь друг от друга на расстоянии. Общение в чате допускает анонимность участников, что позволяет пользователям создавать свой образ, выбирая свой облик, возраст и т. д., и образ собеседника, построенный на ожидании и домысливании и часто не соответствующий реальности [Галичкина, 2012].

С языковой точки зрения, чат – это письменная форма языка, используемая для синхронной коммуникации, которая традиционно являлась реальной устной коммуникацией. Компьютерно-опосредованная форма коммуникации превращает чат в письменный диалог в реальном времени между людьми, находящимися на расстоянии, что создает эффект так называемого далекого присутствия (ferne Anwesenheit). Возникает так называемая полуспонтанная вторичная письменность (sekundäre Schriftlichkeit) [Schmitz, 2010]. Пользователи применяют характерные для устной коммуникации приемы или благодаря современным технологиям имитируют их доступными средствами.

Социальные сети не только помогают начинать и поддерживать новые контакты, но и являются платформой для непрерывной связи с уже существующими. Такие особенности чат-коммуникации, как анонимность и дистантность, способствуют созданию благоприятной среды для неограниченной рамками комфортного социального взаимодействия демонстрации межличностных отношений, например, дружбы или вражды, ненависти [Иванова, 2021].

Таким образом, в социальных сетях пользователям предоставляется возможность демонстрировать в опубликованных постах себя и свои социальные контакты, свое отношение к ним. Мгновенные оценки в виде комментариев и «лайков» позволяют создать ощущение постоянно присутствующей «публики», перед которой необходимо разыгрывать «представление», чтобы получить новые комментарии и «лайки».

ИНСЦЕНИРОВКА КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ТЕАТРАЛЬНОСТИ

Пользователи социальных сетей как бы переносят свою жизнь в Интернет, который становится для них «сценой», где они могут «инсценировать» разные виды межличностных взаимоотношений. Этот процесс связан с феноменом *театрализации* (Theatralisierung).

Этот термин впервые упоминается в работах Г. Виллемса. По его мнению, медиатизация общества привела к перестройке моделей и логики конструирования реальности через (медиа) театральность. Определяя театрализацию, Г. Виллемс опирался на четыре тесно взаимосвязанных аспекта *театральности* (Theatralität), описанные Э. Фишер-Лихте:

- перформанс (Performance) – процесс представления актера присутствующим зрителям, например, посредством тела и голоса;
- инсценировка (Inszenierung) – процесс создания театральной постановки, результатом которого является само выступление;
- телесность (Korporalität) – телесное присутствие действующих лиц;
- восприятие (Wahrnehmung) – роль и функции присутствующей публики, зрителей [Fischer-Lichte, 1998].

Г. Виллемс утверждает, что эти аспекты трансформируются в рамках медиатизации общества. Социальные сети задают условия для модификации этого феномена. Например, роль аспекта телесности значительно уменьшается в социальных сетях. Благодаря различным технологиям эффект присутствия достигается при помощи фотографий и видео. Наличие публики (аспект восприятия) становится постоянным фактором: комментарии и «лайки» могут поступать непрерывно. При этом зрители могут незаметно наблюдать за происходящим и лишь условно оповещать о своем присутствии [Willems, 2009]. Также на ряду с этим необходимо учитывать и другие аспекты театральности, такие как: роль (участник чата действует в рамках одного из стандартных театральных амплуа, например герой-любовник или резонер); событие; ритуал (появляется набор правил, которым следуют все активные участники чата); стратегия (участник чата стремится достичь какой-то заранее определенной цели, решить поставленную «сверхзадачу»); стиль (участник чата пользуется одними

и теми же оборотами речи, принятами в рамках чата, уделяет внимание оформлению постов) и др.

В социальных сетях основным, определяющим аспектом феномена театрализации является инсценировка (Inszenierung). Именно инсценировка формирует телесность, предполагает восприятие, и исключительно благодаря ей происходит перформанс. Пользователи социальных сетей предстают как *актеры*, которые в своих постах, как в *перформансе,* рассказывают о своей жизни. Пользователь может выбирать свой *образ* (выбрав аватар, отредактировав фотографии и т. д.) и *декорации* (также, как правило, с помощью размещения фотографий, сделанных и / или отредактированных пользователем или позаимствованных им в сети) – аспект телесности. Каждая их *реплика* доступна *широкой публике* (подписчикам и другим пользователям) – аспект восприятия. При этом все пользователи могут также выступать в роли *актеров* (активно участвуя в *постановке*, например, комментируя пост) или *зрителей* (пассивно следя за происходящим, ограничиваясь *аплодисментами* – «лайками» или их аналогами). Если пользователю не нравится пост, он может выразить свою *критику* в комментариях [Иванова, 2021].

Современные сетевые технологии позволяют существенно увеличить и разнообразить число сцен, инсценировок, действующих лиц, ролей, зрителей в рамках одного пространства, что способствует широкому распространению феномена театрализации.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ИНСЦЕНИРОВКИ ДРУЖБЫ И ВРАЖДЫ

Рассмотрим, какие вербальные и невербальные средства используются для инсценировки таких межличностных взаимоотношений, как дружба и вражда, на примере социальной сети Twitter.

Twitter, как платформа для микроблогов, задает определенные условия инсценировки: посты ограничены 280 символами и могут сопровождаться фотографиями (до четырех штук), видеоклипом или gif-изображением.

Пользователям предоставляется возможность сделать свои дружеские отношения публичными, как с помощью постов, описывающих какие-либо события (встречи с друзьями, благодарность друзьям), так и с помощью комментариев к постам, где пользователи могут высказывать свое одобрение или поддержку. В таких постах пользователи часто напрямую обращаются к своим друзьям и / или подписчикам. При этом, при обращениях используются обозначающие дружеские отношения неологизмы и слова из молодежного языка (например, *Soulsister, BFF, Mädels* и др.) или заимствования из английского (например, *baby, cuties, wife* и др.).

Посты могут быть посвящены определенному пользователю (из близкого окружения автора), например:

> Happy Birthday meine **Soulsister**, meine **bessere Hälfte**, die absolut wundervollste und günstigste Person im gesamten Universum 🤍🤍 – С днем рождения моя "*душевная сестра*", моя *лучшая половинка*, абсолютно замечательнейший и добрейший человек во всей Вселенной.[1]

> Moin, Moin meine liebe **BFF**. – Привет, привет *мои любимые BFF* (*самые лучшие друзья*).

Иногда пользователь прибегает к технической функции упоминания другого пользователя (через символ @ и его пользовательское имя), чтобы точно было понятно, кому предназначается сообщение, например:

> Möchte übrigens einmal loswerden das **@...** eine ganz wunderbare **beste Freundin** ist. Ich liebe sie über alles und möchte sie nicht mehr missen! Love you **baby** ❤️❤️❤️ – Кстати, я хотела бы сразу сказать, что @... прекрасная *лучшая подруга.* Я люблю ее больше всего на свете и не хочу больше по ней скучать! Люблю тебя, *детка.*

> Habe übrigens viel Liebe übrig für **@...** ❤️❤️❤️❤️ **My wife** – Кстати, у меня осталось много любви для @... *Моя жена.*

Также такие посты могут быть обращены ко всем подписчикам автора, которых он воспринимает как своих друзей, например:

> gumo **jungs und mädls**, jetzt ab zur nachhilfe – Доброе утро *парни и девушки*, сейчас к репетитору.

Можно отметить активное использование прилагательных с положительной коннотацией (например: *süß; lieb; sweet; bezaubernd* и т. д.), иногда гиперболизированной за счет превосходной степени или усилительных лексем (например: ***absolut*** *wundervoll**ste** und günstig**ste**;* ***ganz wunderbare beste*** *Freundin* и т. д.). Авторы постов часто используют необычные прозвища для своих друзей, например: *die kleine Zaubermaus; an meinen lieben Girls; Ihr Cuties; ALTER* и др. Пользователи демонстрируют таким образом свое отношение к конкретным

[1] Зд. и далее перевод наш. – *М. И.*

пользователям или группе пользователей, выделяя наиболее близких на фоне остальных.

В постах, описывающих дружеские отношения, используются и невербальные средства. Прежде всего – это эмодзи, служащие для выражения положительных эмоций, чувств и т. д., например, использование символов красного и белого сердца в приведенных выше постах. Эту особенность можно проиллюстрировать и следующими примерами:

> Freitagabend ist dank @... super schön. 😌💖 Wochenende wird gut – freue mich. 👫 – Вечер пятницы прекрасен благодаря @... Выходные будут хорошими – радуюсь.

> Guten morgen ihr lieben und einen schönen Sonntag euch 🥰🤗... – Доброе утро вам дорогим и хорошего вам воскресенья...

> Danke für den tollen Nachmittag / Abend @...🥺🤍... – Спасибо за прекрасный день /вечер @...

> Dankeschööön Leute 🎉🎊🎉🎊 – Большое спаааасибо люди.

Эмодзи не только передают эмоциональное состояние автора поста, но и привлекают внимание других пользователей. Также авторы постов могут добавлять фотографии, видео и gif-изображения, чтобы сделать свои сообщения более яркими, наглядными, запоминающимися. Это добавляет в виртуальный мир ощущение реальности.

Пользователи социальной сети Twitter инсценируют свои дружеские отношения таким образом, чтобы у других создавалось впечатление об их активной социальной жизни. При этом нередко под близкими друзьями понимаются люди, познакомившиеся в виртуальном пространстве и ни разу не встречавшиеся в реальном мире (Twitterfreundschaft).

В социальных сетях имеется возможность к открытому высказыванию негативных мнений, побуждающих других пользователей на ответную негативную реакцию, что приводит к разжиганию конфликтов. Одним из основных языковых средств при написании таких постов является использование грубой обсценной лексики или оскорблений для привлечения большего внимания, например: *Arschloch, dumme sau, scheiße, verfickter hurensohn* и др.

> Wieso sich einige bewusst dazu entscheiden, ein Arschloch zu sein, obwohl sie doch die Wahl haben, werde ich nie verstehen. – Я никогда не пойму, очему некоторые осознанно выбирают быть ***, когда у них есть выбор.

В примере пользователь употребляет личное местоимение 3-го лица множественного числа *sie* и неопределенное местоимение *einige*, чтобы пост мог быть адрессован любому читателю. Иногда также используется обращение второго лица единственного числа, что направляет содержание поста на конкретного человека. Но, при этом, у читателей создается ощущение, что автор поста обращается напрямую к ним, например:

> ...du dumme sau stell dich doch eins gegen eins wieso entfolgst du mir??? – ...ты тупая свинья, давай разберемся один на один, почему ты отписываешься от меня???

Авторы постов используют намеренные преувеличения, несерьезные угрозы и обобщения, например:

> ich **hasse euch alle** – я ненавижу вас всех

> **Am meisten hasse ich Menschen** – Больше всего я ненавижу людей

> bin ich der einzige der die **0 hübsch** findet? – я один, кто считает ее на 0 красивой?

> ...ich hoffe du **wirst lebendig von Eidechsen mit aids gefressen**... – ...я надеюсь тебя сожрет ящерица со СПИДом...

Формулируя свои посты таким образом, пользователи стремятся получить ответную реакцию. Для придания постам большей красочности и эмоциональности пользователь графически выделяет написанное, например, с помощью прописных букв или повторения букв:

> welcher **HURENSOHN** versucht sich in mein twitter zu hacke
> ich **HASSE HASSE HASSE** es
> Ach du **scheeeiße** was ist denn hier los...
> Ich **HAAASSE** es wenn curly hair Leute zu Komplimenten für ihre Haare antworten: '😩😭😪 ja aber die sind so viel Arbeit' **BRO WAS FÜR ARBEIT**?!....

Это помогает пользователям передать «интонацию» их поста (например, как будто кричащую или разочарованную), выделяя при этом наиболее важные моменты и создавая эффект телесного присутствия. Кроме того, для передачи эмоционального состояния пользователи иногда добавляют в свои посты эмодзи. Можно отметить, что это происходит реже, чем в выражающих дружественные отношения постах.

> du dummer hurrensohn 👆 – ты тупой *** сын

> ...Und von diesen Typen muss ich kotzen 🤮🤮 – ...От таких меня тошнит

> ...du kleines huhn alter lass es du dumme sau🤬🤬🤬🤬🤬🤬 – ...ты мелкая курица оставь это тупая свинья

В примерах используются заведомо негативные эмодзи, изображающие оскорбительные жесты или недовольное, озлобленное выражение лица. В основном, использование таких эмодзи универсально, так как они четко иллюстрируют тот или иной жест или действие. Кроме того, у каждого пользователя есть набор любимых эмодзи-смайликов, которые он использует чаще всего в той или иной ситуации.

Но иногда пользователи используют эмодзи с положительным эмоциональным наполнением в постах с негативным смыслом для выражения саркастичного или ироничного тона высказывания, например:

> Liebe es, wenn die Reichen in diesem Land nichts besseres zu tun haben als dumme Tweets zu schreiben. Schön, dass du dir das alles leisten kannst 🙂 – Люблю, когда богатым в этой стране нечем заняться, кроме как писать глупые твиты. Прекрасно, что ты можешь себе все позволить.

Пользователи социальной сети часто публикуют посты, в которых высказываются о своем враждебном отношении к другим людям, вещам, явлениям, формулируя их таким образом, чтобы вызвать ответную реакцию, которая может способствовать дальнейшему разворачиванию конфликта. При этом пользователям удается привлечь внимание к своему аккаунту, набрав наибольшее количество реакций («лайков», комментариев, репостов).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что пользователи социальной сети Twitter часто предстают в своих блогах в роли *главных героев* собственной *пьесы* и *представляют* свои социальные контакты *на сцене* (в чате) на всеобщее обозрение перед *зрителями* (своими подписчиками и другими пользователями). Инсценироваться таким образом могут как дружеские, так и неприязненные отношения, и за их развитием могут следить все пользователи социальной сети. В ожидании ответной реакции («лайков» или комментариев) пользователи стараются как можно более ярко описать ту или иную ситуацию, наиболее остро (часто гиперболизировано или нарочито грубо) сформулировать ту или иную мысль.

При этом авторы постов используют целый ряд типичных для виртуальной коммуникации невербальных средств (эмодзи, графические выделения написанного, пунктуационные знаки) для передачи эмоциональной составляющей и создания эффекта коллективного присутствия, имитации временной и пространственной близости, что помогает достичь аспекта восприятия и телесности. Для инсценировки дружеских отношений применяются вербальные средства, такие как прозвища, прилагательные с положительной коннотацией, заимствования и неологизмы; в то время как для неприязненных отношений – грубая обсценная лексика, обобщения и намеренные преувеличения и угрозы. Эти языковые особенности виртуальной коммуникации придают репликам большую яркость и значимость, служат как для выражения положительных эмоций, сочувствия и поддержки, так и для разжигания конфликтов, выплескивания негативных чувств и настроений, обеспечивая яркий *перфоманс*.

Таким образом, можно говорить о феномене инсценировки межличностных отношений в виртуальном пространстве. Дружба, любовь, вражда и ненависть становятся публичными, более театрализованными, поэтому участники виртуальной коммуникации используют особые языковые средства для создания разнообразных театральных эффектов, привлечения внимания, расширения круга подписчиков-зрителей. Изучение этих языковых средств необходимо для понимания фазы современного развития языка социальных сетей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анищенко А. В. О влиянии информационной коммуникационной среды на процессы концептуализации эмоций // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 11 (827). С. 9–19.
2. Schmitz U. Schrift an Bild im World Wide Web: Articulirte Pixel und die schweifende Unbestimmtheit des Vorstellens // Sprache intermedial: Stimme und Schrift, Bild und Ton / A. Deppermann, A. Linke. Berlin, New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2010. S. 383–418.

3. Schweiger W. Informationsnutzung online // Handbuch Online-Kommunikation / W. Schweiger, K. Beck. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2019. S. 195–231.
4. Галичкина Е. Н. Общая характеристика компьютерно-опосредованного дискурса // Интернет-коммуникация как новая речевая форма: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М.: ФЛИНТА, Наука, 2012. С. 53–71.
5. Willems H. Theatralität als (figurations-)soziologisches Konzept: Von Fischer-Lichte über Goffman zu Elias und Bourdieu // Theatralisierung der Gesellschaft. Band 1: Soziologische Theorie und Zeitdiagnose / H. Willems (Hrsg.). Wiesbaden: vs Verlag, 2009. S. 75–100.
6. Fischer-Lichte E. Inszenierung und Theatralität // Inszenierungsgesellschaft / H. Willems, M. Jurga. Wiesbaden, Opladen: Westdeutscher Verlag, 1998. S. 81–90.
7. Иванова М. А. Языковые аспекты театрализации межличностных отношений в виртуальном дискурсе // Германистика 2021: nove et nova: материалы IV Международной научной конференции. 10–12 ноября 2021 г., МГЛУ, г. Москва. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021. С. 214–218.

REFERENCES

1. Anishchenko, A. V. (2019). On the influence of information and communication environment on the processes of conceptualization of emotions. Vestnik of Moscow State Linguistic Univercity. Humanities, 11(827), 9–19. (In Russ.)
2. Schmitz, U. (2010). Schrift an Bild im World Wide Web: Articulirte Pixel und die schweifende Unbestimmtheit des Vorstellens. In A. Deppermann, A. Linke, Sprache intermedial: Stimme und Schrift, Bild und Ton (S. 383–418). Berlin, New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG.
3. Schweiger, W. (2019). Informationsnutzung online. In W. Schweiger, K. Beck, Handbuch Online-Kommunikation (S. 195–231). Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden.
4. Galichkina, E. N. (2012). Obshchaya kharakteristika komp'yuterno-oposredovannogo diskursa = General characteristics of computer-mediated discourse. In T. N. Kolokoltseva, O. V. Lutovinova Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya forma (pp. 53–71). Moscow: FLINTA, Nauka. (In Russ.)
5. Willems, H. (2009). Theatralität als (figurations-)soziologisches Konzept: Von Fischer-Lichte über Goffman zu Elias und Bourdieu. In H. Willems (Hrsg.), Theatralisierung der Gesellschaft. Band 1: Soziologische Theorie und Zeitdiagnose (S. 75–100). Wiesbaden: vs Verlag.
6. Fischer-Lichte, E. (1998). Inszenierung und Theatralität. In H. Willems, M. Jurga (Hrsg.), Inszenierungsgesellschaft (S. 81–90). Wiesbaden, Opladen: Westdeutscher Verlag.
7. Ivanova, M. A. (2021). Linguistic aspects of theatricalisation of interpersonal relations in virtual discourse. Germanistika 2021: nove et nova (pp. 214–218): the digest of articles of an international scientific conference. Moscow: MSLU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванова Мария Александровна

аспирант, преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivanova Maria Alexandrovna

Postgraduate student, Lecturer at the Department of German Lexicology and Stylistics,
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 13.07.2022
одобрена после рецензирования 15.08.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 13.07.2022
approved after reviewing 15.08.2022
accepted for publication 14.09.2022

Научная статья
УДК 811.112.2
DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_39

Полифункциональность жестовых описаний в литературном тексте (на примере романа «Будденброки» Томаса Манна)

Е. И. Карпенко

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, elena_karpenko@list.ru

Аннотация. В статье представлен анализ некоторых способов репрезентации рекуррентных жестов в романе Томаса Манна «Будденброки». Показано, что семиотический статус жеста влияет на устойчивость сочетаний, номинирующих жестовые кинемы. Выявлены текстовые функции жестовых описаний, такие как имитация естественной полимодальной коммуникации, создание индивидуального пространства персонажа, его речевого и литературного портрета. Развернутые жестовые описания могут быть маркерами литературного направления, жанровой принадлежности литературного текста и индивидуального стиля писателя.

Ключевые слова: жестовое описание, композиция жеста, литературный персонаж, речевой портрет, литературный портрет, Томас Манн, натурализм

Благодарности: Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете в рамках государственного задания по проекту «Полимодальный анализ коммуникативного поведения говорящего в разных типах устного дискурса» (дополнительное соглашение № 075-03-2020-013/3 от 29.05.2020 г. к соглашению № 075-03-2020-013 от 28.12.2019), АААА-А20-120071690041-3

Для цитирования: Карпенко Е. И. Полифункциональность жестовых описаний в литературном тексте (на примере романа «Будденброки» Томаса Манна) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 39–45. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_11_866_39

Original article

The Polyfunctionality of Gesture Descriptions in a Literary Text (“The Buddenbrooks” by Thomas Mann)

Elena I. Karpenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, elena_karpenko@list.ru

Abstract. The article analyses some ways of representation of recurrent gestures in Thomas Mann’s novel “The Buddenbrooks”. It is shown that the semiotic status of gesture influences the stability of combinations nominating gesture kinemes. In addition, textual functions of gesture descriptions, such as imitation of natural polymodal communication, creation of a character’s individual space, creation of a speech and literary portrait of a character are identified. Expanded gesture descriptions can be markers of literary direction, genre affiliation of a literary text and individual style of a writer.

Keywords: gesture description, gesture composition, literary character, speech portrait, literary portrait, Thomas Mann, naturalism

Acknowledgments: The research is carried out within the framework of the state assignment to the Moscow State Linguistic University; project «A polymodal analysis of the communicative behaviour of the speaker in different types of oral discourse» (collateral agreement № 075-03-2020-013/3 from 29.05.2020 to the agreement № 075-03-2020-013 from 28.12.2019), AAAA-A20-120071690041-3

For citation: Karpenko, E. I. (2022). The polyfunctionality of gesture descriptions in a literary text (“The Buddenbrooks” by Thomas Mann). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 39–45. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_39

ВВЕДЕНИЕ

«Жестовый поворот» в современной полимодальной лингвистике способствовал успешному развитию исследований в области политической, юридической, академической, профессиональной и других видов коммуникации (А. Ченки, О. К. Ирисханова, М. В. Томская, А. В. Леонтьева, О. Н. Прокофьева и др.). Он также открывает новые возможности в области анализа и интерпретации художественных дискурсов (Е. Г. Логинова, И. В. Зыкова, С. О. Савчук). Хотя невербальное поведение литературных персонажей и возможности его лингвистической репрезентации вызывали интерес лингвистов и ранее (М. Д. Городникова, И. С. Баженова, О. В. Кобзева), сегодня естественная и художественная коммуникация рассматриваются как взаимодополняющие практики. Художественный дискурс пытается «имитировать естественные процессы порождения и восприятия высказывания», отображая разные модальности речи персонажей [Логинова, 2021, с. 203]. Состояние жестикуляционной лингвистики на современном этапе ее развития позволяет идентифицировать в художественном дискурсе речевые жесты, научное осмысление которых началось сравнительно недавно. Необходимость их репрезентации в художественном дискурсе лишь подтверждает значение речевых жестов и в естественной коммуникации.

Целью настоящей статьи является анализ способов репрезентации ряда рекуррентных жестов в романе Т. Манна «Будденброки» (1901) и выявление текстовых функций соответствующих жестовых описаний.

АНАЛИЗ ЖЕСТОВЫХ ОПИСАНИЙ В РОМАНЕ Т. МАННА «БУДДЕНБРОКИ»

Пристальное внимание писателя к внешности главных героев обусловлено не только желанием достоверно воссоздать тот или иной человеческий типаж. Как известно, детали внешности персонажа, его привычки, поведение, в том числе речевое, нередко несут символическую нагрузку, становятся элементами мотивной структуры произведения, маркерами подтекста. Достаточно напомнить о «стоматологическом» лейтмотиве в романе Томаса Манна «Будденброки»: состояние зубов представителей каждого поколения в семье становится символом жизненной силы и деловой успешности. Не менее подробно в специальной литературе проанализированы символические смыслы, проявляющиеся при описании глаз и волос представителей семейства Будденброк [Lenz, 1991; Bergmann, 2008].

Скрупулезно точная передача малейших деталей жизненных обстоятельств, эмоциональных состояний, поведенческих реакций может быть маркером принадлежности произведения или его фрагмента к определенному литературному направлению: в этом видят, в частности, свою задачу реализм и в еще большей степени натурализм [Kalverkämper, 1991]. Именно поэтому в «Будденброках» присутствует натуралистичное, технически и прагматически точное описание речевых жестов, на которые наука обратила внимание лишь недавно.

Для репрезентации жеста в письменной речи есть, как показывают исследования, две возможности: поступательное описание жестикуляции посредством свободных сочетаний (развертывания синтагмы) и использование кинесического кода языка, т. е. кодифицированных номинаций кинем [там же]. В работе «Номинации жестовых кинем в немецкоязычной художественной литературе» мы показывали, что среди номинаций жестовых кинем нередко встречаются наименования жестов-эмблем и жестов-адаптеров: *похлопать по плечу, скрестить руки на груди, пожать плечами, протянуть руку* (*для приветствия / прощания*), *покрутить пальцем у виска, помахать рукой, сжать руки в кулаки, потирать руки, барабанить пальцами* (*по столу*) и др. [Карпенко, Герус, 2021]. Однако в количественном отношении эти коллокации не отражают разнообразия жестов, используемых в естественной коммуникации, а также отображаемых в литературе. Если в естественных условиях говорящий жестикулирует спонтанно, и жесты являются частью симультанного полимодального процесса, то в художественной коммуникации (в том числе вследствие линейности письма) любое жестовое описание намеренно и подчинено замыслу автора [Kalverkämper, 1991].

В романе «Будденброки» встречаются различные по протяженности описания полимодальных речевых актов, включающие вербальные, паравербальные и невербальные характеристики. К невербальным средствам организации речевого акта относятся жесты, мимика, визуальный контакт, движения головы и тела, поза. Описание жеста эксплицирует все и / или некоторые элементы жестовой композиции [Гришина, 2017]. Ср.:

(1) ...Du bist so ohne Mitleid und Liebe und Demut ... Ach!“ rief er plötzlich, indem er beide Hände hinter seinen Kopf bewegte und sie dann weit vorwärts stieß, als wehrte er die ganze Welt von sich ab ... „Wie satt ich das alles habe... wie sterbenssatt!.. (*Th. Mann. Buddenbrooks*) – «... Ты не знаешь ни любви, ни сострадания, ни

смирения… Ах!» – внезапно выкрикнул он и поднял обе руки, собираясь схватиться за голову, но передумал и вытянул их вперед, как бы отталкивая от себя всё человечество[1].

В данном контексте речь идет об откровенном и крайне эмоциональном разговоре между братьями Томасом и Христианом Будденброками у гроба матери, когда они, не сдерживаемые более уважением к родительнице, обрушивают друг на друга лавину упреков и оскорблений. Обвиняя брата в бессердечии, Христиан сопровождает свои слова (которым дана просодическая характеристика *rief*) жестом, композиция которого в дословном переводе представлена так: *он закинул обе руки за голову и вытолкнул их затем вперед, будто бы хотел отгородиться от всего мира*. С нашей точки зрения, речь идет о варианте так называемого отбрасывающего жеста (throwing away gesture), когда говорящий отмахивает прочь от себя раздражающую (неприятную, негативно оцениваемую) тему разговора [Bressem, Müller, 2014]. Помимо данной прагматической функции жест Христиана выражает его эмоции по отношению к брату – *Widerwille und Überdruß*, которым он придает и вербальную форму: *как же мне всё это надоело, до смерти надоело*. Данное жестовое описание включает следующие элементы композиции жеста: направление движения (сначала *за голову*, затем *вперед от говорящего*), траектория движения (линейное движение сверху из-за головы вперед и вниз перед собой), выбор жестикулирующей руки (обе руки). Такие элементы композиции жеста, как конфигурация и ориентация ладони, опущены. Жест *throwing away*, согласно описанию его инварианта в специальной литературе, выполняется одной рукой с гораздо меньшей амплитудой, чем это представлено в рассматриваемом примере. Максимальная амплитуда жеста Христиана подчеркивается при помощи ирреального сравнения: *как бы отталкивая от себя всё человечество*. Манера исполнения жеста (обеими руками, с максимальной амплитудой) свидетельствует об эмоциональном напряжении говорящего, которое поддерживается просодической характеристикой речи, а также вербально (эмотивным междометием *Ach!*, гиперболой *sterbensatt* и синтаксическим удержанием). По сути, в тексте воспроизводится полимодальный речевой акт, в котором «говорящий через движения тела создает вокруг себя физическое пространство, которое становится продолжением системы координат дискурса» [Ирисханова, Маковеева, Томская, 2021, с. 190]. Жестом с максимальной амплитудой Христиан словно выталкивает брата из «своего» жизненного пространства.

Уже в описании одного из более ранних противостояний братьев Будденброк встречаем «классический» отбрасывающий жест, ср.:

(2) „Was habe ich dir getan! Ich gehe schon von selbst, du brauchst mich nicht hinauszuwerfen. – Pfui!“ fügte er mit aufrichtigem Vorwurf hinzu, und dieses Wort begleitete er mit einer kurzen, schnappenden Handbewegung nach vorn, als finge er eine Fliege (*Th. Mann. Buddenbrooks*). – «Что я тебе сделал? Я сам уеду отсюда, тебе незачем меня вышвыривать… Фу!» – с глубокой укоризной добавил он и схватил воздух рукой, точно поймал муху.

Будучи, с прагматической точки зрения, практически идентичным жесту в примере (1), жест в данном контексте выполняется одной рукой и с меньшей амплитудой. В жестовом описании траектория движения передается при помощи причастия: Христиан сделал короткое, *хватательное* движение ладонью перед собой. Как и в примере (1), используется ирреальное сравнение, уточняющее траекторию жеста: *точно поймал муху*. Томас грозит выгнать брата из дома, Христиан отвечает на возмутившую его угрозу. Если в примере (1) жест сигнализирует об эмоциональном состоянии говорящего, то в ситуации, описываемой в примере (2), эту функцию выполняет и элемент проксемии: поза Христиана, *немного изогнутая*, *в виде вопросительного знака*, а также глаза, *с красными кругами, доходившими до скул, как у отца, когда он был в гневе*.

В обоих примерах обращает на себя внимание гипертрофированность, театральность жеста или позы, что наряду с характеристикой текущего эмоционального состояния говорящего, соответствует нервно-артистическому имиджу младшего Будденброка [Vaget, 1982].

Полный перечень рекуррентных жестов, изученных к настоящему моменту, насчитывает 16 инвариантов [Bressem, Müller, 2014][2]. Рекуррентные жесты сохраняют стабильное семантическое ядро в контекстах с определенной прагматикой, несмотря на то, что выполняются разными говорящими. Они противопоставляются уникальным (singular) жестам, являющимся результатом экспромта [Müller, Bressem, Ladewig, 2013]. Каждому из 16 представленных рекуррентных жестов соответствуют прототипическая форма,

[1] Перевод на русский язык приводится по изданию: Манн Т. Будденброкки: История гибели одного семейства / пер. с нем. Наталии Ман. М.: Финансы и статистика, 1982.

[2] В своем исследовании Яна Брессем и Корнелия Мюллер опираются на более ранние работы (см. библиографию).

семантическое ядро и прагматическая функция [Bressem, Müller, 2014]. Для идентификации рекуррентного жеста в литературном тексте необходимы, таким образом, не только анализ описания его композиции, но и соотнесение жеста с соответствующей репликой персонажа. Рассмотрим далее несколько жестовых описаний в романе Т. Манна, репрезентирующих различные типы рекуррентных жестов. Ср.:

(3) Plötzlich jedoch streckte Herr Grünlich schirmend beide Hände über den Tisch hin, lange, von hohen blauen Adern durchzogene Hände, die ersichtlich zitterten, und rief mit bewegter Stimme: „Einen Augenblick! Noch einen Augenblick, Vater!" (*Th. Mann. Buddenbrooks*) – Но г-н Грюнлих, словно защищая книгу, простер над нею обе руки со вздутыми голубоватыми жилами и воскликнул дрожащим, взволнованным голосом: «Одну минуточку! Одну только минуточку, отец!»

Господин Грюнлих, если быть точным, *загораживаясь, протянул над столом обе руки*. Возможно, он накрыл руками бухгалтерскую книгу, пытаясь оправдаться перед состоятельным тестем, прежде чем тот откроет гроссбух и узнает о плачевном финансовом положении зятя. Возможно, книга лежала рядом, а господин Грюнлих вытянул обе руки открытыми ладонями вверх прямо от себя, пытаясь отсрочить наступление неприятного момента, что подтверждается сопутствующей репликой (*Einen Augenblick*!). Удерживающий жест (*holding away gesture*) обычно выполняется говорящим открытой ладонью в вертикальном положении, направленной от себя; говорящий производит отталкивающее движение от себя, как бы останавливая или удерживая некоторый объект (прототипическая форма жеста). Жест означает отказ, исключение, торможение, отрицание (семантическое ядро жеста). Удерживающий жест употребляется в речевых контекстах, когда говорящий намерен прекратить коммуникацию, предотвратить навязывание чужого мнения, отвергает предлагаемую собеседником информацию или квалифицирует ее как нежелательную (прагматическая функция) [там же]. Так же, как и в примере (1), выполнение жеста двумя руками (вместо одной), просодическая характеристика речи персонажа (*rief mit bewegter Stimme*) свидетельствуют об эмоциональном напряжении говорящего.

Рассматриваемые далее жесты имеют один общий композиционный элемент – поднятый вверх указательный палец, ср.:

(4) „Oh, Thomas", sagte Christian, schüttelte ganz ernsthaft den Kopf und hob in etwas ungeschickter Weise einen Zeigefinger empor… „Was das betrifft, das kannst du nicht so ganz verstehen, siehst du…" (*Th. Mann. Buddenbrooks*) – «О Томас», – проговорил Христиан, огорченно покачав головой и каким-то нелепым жестом поднимая кверху указательный палец. – «Тут, видишь ли, ты не в состоянии меня понять…»

Поднятый вверх и удерживаемый указательный палец (streched index finger – held) означает требование внимания собеседника к началу новой темы или сигнал смены темы дискурса (прототипическая форма и семантическое ядро жеста) [там же]. То, что Христиан несколько неуклюже поднял вверх указательный палец может быть характеристикой неуверенной траектории движения руки. Описание мимики и движения головы – *огорченно покачав головой* – завершает картину полимодального речевого акта. Христиан поднимает указательный палец перед тем, как начать утомительный для Томаса, но важный для него самого рассказ о странном недуге – невозможности глотать.

Следующий жест – поднятый вверх указательный палец, при этом кисть делает колебательное движение вверх-вниз [Акишина, Кано, Акишина, 1991]. Жест напоминает предыдущий, но имеет иное семантическое ядро и прагматическую функцию, ср.:

(5) Die Pöppenrader Ernte auf dem Halm? „Ich werde es tun!" sagte er mit leidenschaftlichen Flüstern und schüttelte sogar eine Hand mit ausgestrecktem Zeigefinger. „Ich werde es tun!" (*Th. Mann. Buddenbrooks*) – Пеппенрадовский урожай на корню?.. «Я пойду на это!» убежденно прошептал он и даже потряс в воздухе рукой. «Я пойду на это!»

После мучительных раздумий Томас решается на сомнительную сделку, в результате которой фирма окончательно разоряется. Семантическое ядро жеста – упрек, недовольство; запрещение, предупреждение; угроза [там же]; его прагматическая функция состоит в привлечении внимания собеседника к словам говорящего. При дословном переводе композиция жеста несколько иная: он «даже потряс рукой, выставив вперед указательный палец». Томас грозит своему alter ego, выдвигающему аргументы против сделки. Жест подчеркивает решительность Томаса, однако такая показная решительность заглушает голос разума. Как и в предыдущих примерах, невербальные

характеристики речевого акта дополняются просодическими (тембр голоса, громкость речи).

Итак, среди лингвистических средств репрезентации рекуррентных жестов в романе «Будденброки» преобладают свободные сочетания, при этом для уточнения жеста используются сравнительные конструкции. Только в отношении последних двух жестов («указательный палец вверх» и «погрозить указательным пальцем») можно говорить о начале формирования устойчивых сочетаний. Это связано с семиотическим статусом рекуррентных жестов. Ученые полагают, что жесты «указательный палец вверх» и «погрозить указательным пальцем» уже завершили процесс «эмблематизации» [Bressem, Müller, 2014]. Жесты-эмблемы могут использоваться вместо речи, замещая высказывание (вместо вербальной угрозы можно погрозить указательным пальцем), и не обнаруживают значимых вариаций жестовой композиции. В немецком языке на основе жестового этимона путем метонимического переноса сформировалась непрямая номинация «Zeigefinger» со значением «moralisierende Belehrung» (перенос наименования жеста, употребляющегося в определенной ситуации, на саму ситуацию), ср.: *in seinen Stücken spürt man zu sehr den erhobenen Zeigefinger*[1]. Процессы эмблематизации жеста и кодификации соответствующей жестовой номинации взаимообусловлены. Номинации *jemandem mit dem Zeigefinger drohen, warnend den Zeigefinger erheben*[2], *drohend / warnend den Zeigefinger heben*[3] можно считать вариантами одной жестовой номинации. С другой стороны, большое количество номинаций ослабляет устойчивость сочетания, ср. лемму данной кинемы в лингвострановедческом словаре «Жесты и мимика в русской речи»: *грозить / погрозить*, *трясти / потрясти*, *качать / покачать*, *пригрозить* [*указательным*] *пальцем*; *делать / сделать пальцем угрожающий жест* [Акишина, Кано, Акишина, 1991, с. 58].

В свою очередь, отбрасывающий и удерживающий жесты употребляются, в основном, в сопровождении речи. Ученые выявили несколько вариантов их композиции, образующих группы жестов («жестовые семьи») с общими семантическим ядром и прагматической функцией [Bressem, Müller, 2014, с. 1579]. Нестабильность жестовой композиции препятствует образованию устойчивой номинации кинемы и открывает возможность свободного вариативного описания жеста. Кроме того, наличие устойчивой неидиоматичной номинации в этом случае ведет, как правило, к омонимии. Например, для жеста «махнуть рукой» словарь «Жесты и мимика в русской речи» приводит четыре леммы с различными вариантами сочетаний (*помахать, замахать, отмахнуться*; *осадить жестом*; *сделать запретительный жест рукой* и др.). Причем идентифицировать отбрасывающий жест можно в значении только одной из четырех лемм, ср.: *недовольство*, *досада*, *раздражение*; *отрицательная оценка чего-л.* Может сопровождаться словами: *Ох*!, *Эх*! и т. п. [Акишина, Кано, Акишина, 1991, с. 87]. В этом смысле более однозначны такие номинации жестовых кинем, в которых присутствует указание не на композицию, а на семантическое ядро жеста, ср.:

(6) „Nein… ach nein!“ sagte der Senator, indem er sich zusammen raffte und mit der Hand eine schwach ablehnende Geste beschrieb. „Es ist, wie es ist. Meint ihr, ich werde in die Gerichte laufen und gegen meine Mutter prozessieren, um dem internen Skandal einen öffentlichen hinzuzufügen?“ (*Th. Mann. Buddenbrooks*) – «Нет! Ах, нет!» – сказал сенатор, стараясь успокоиться, и безнадежно махнул рукой. – «Будь по-вашему! Неужели вы думаете, что я начну бегать по судам и заведу тяжбу с собственной матерью, чтобы к домашнему скандалу прибавить еще и общественный?»

Если присмотреться к дословному переводу, то вместе с вербальным отрицанием Томас делает легкий отвергающий жест рукой, резонирующий с высказыванием. Номинация *ablehnende Geste* (от нем. *ablehnen – отклонять*, *отвергать*) содержит указание на значение жеста: отвержение какого-л. предложения, отказ, отрицание. Хотя композиция данного жеста не эксплицирована, она без труда восстанавливается при обращении к фоновым знаниям говорящих.

Предположение о полифункциональности жестовых описаний в романе «Будденброки» возникло из наблюдения их «вездеприсутствия». Жестовые описания разной синтаксической протяженности встречаются и в характеристиках взаимодействия протагонистов в поворотные моменты их жизни (ссоры братьев Будденброк как вехи основного «декадентского» мотива романа), и в эпизодических сценах с участием второстепенных персонажей. Функция жестового описания заключается, прежде всего, в воссоздании реалистичной коммуникативной ситуации. Во всех приведенных примерах репрезентирован полимодальный речевой акт в совокупности вербальных, паравербальных (просодических) и невербальных характеристик, а следовательно, и физическое

[1] Duden online. URL: https://www.duden.de/
[2] Duden online. URL: https://www.duden.de/
[3] Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https://www.dwds.de/

микропространство говорящих. Амплитуда выполнения жеста, поза, громкость речи – косвенные маркеры величины того индивидуального пространства, на которое претендует говорящий. Оно же и маркер психофизического состояния персонажа. В этом смысле репрезентация рекуррентных жестов в «Будденброках» – дань эпохе натурализма. Томас Манн не только достоверно изображает композицию рекуррентных жестов, но и безупречно «попадает» в семантические и прагматические характеристики отбрасывающих, удерживающих, отрицательных жестов, соотнося их с соответствующим вербальным контекстом. Точность жестовых описаний обеспечивает выполнение ими остальных функций, как то: характеристика текущего эмоционального состояния героя; создание речевого и литературного портрета персонажа; построение мотивной структуры литературного текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на примере репрезентации рекуррентных жестов в романе Томаса Манна «Будденброки» мы убедились, что жестовым описаниям подобного типа свойственна полифункциональность. Как фактически, прагматически и функционально достоверные описания, имитирующие процесс естественной полимодальной коммуникации в литературном тексте, они являются маркерами литературного направления и жанра, в данном случае натуралистического романа. Подобные описания включают в себя все или большинство элементов жестовой композиции, просодические характеристики сопутствующей речи персонажа, иные особенности мимики, визуального контакта, движений головы и тела, позы. Благодаря этим аудиовизуальным сигналам говорящий персонаж воссоздает вокруг себя личное физическое пространство, в котором он действует и взаимодействует с другими персонажами. В качестве характерологически точного представления речевых действий, выполняемых героем в определенной коммуникативной ситуации, жестовые описания вносят вклад в реализацию речевого портрета говорящего. Помимо этого, в рамках речевого портрета жестовые описания практически всегда связаны с передачей текущего эмоционального состояния героя, что подтверждается вербальными и паравербальными характеристиками речевого акта. Без сомнения, манера исполнения жеста, – например, неестественная, театральная жестикуляция Христиана, – способствует созданию литературного портрета как целостного макростилистического образа литературного персонажа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Логинова Е. Г. Метод диаграфического анализа в исследовании художественной коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. № 1 (44). С. 202–213.
2. Lenz S. Buddenbrooks // Thomas Mann Jahrbuch. 1991. Vol. 4. P. 21–28. URL: http://www.jstor.org/stable/24743204.
3. Bergmann Ch. Die Augen der Buddenbrooks // Muttersprache. 2008. № 2. S. 156–171.
4. Kalverkämper H. Literatur und Körpersprache // Poetica. 1991. Vol. 23, no. 3/4. Pp. 328–73. URL: http://www.jstor.org/stable/43027964.
5. Карпенко Е. И., Герус С. К. Номинации жестовых кинем в немецкоязычной художественной литературе // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 4 (47). С. 245–254.
6. Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: Языки славянской культуры. 2017.
7. Bressem J., Müller C. A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions // Body – Language – Communication (HSK 38.2) / Müller C., Cienki A., Fricke E., Ladewig S., McNeill D., Bressem J. (eds.). De Gruyter, 2014. P. 1575–1591.
8. Ирисханова О. К., Маковеева А. И., Томская М. В. «Жестовый поворот» в исследованиях профессиональной коммуникации: синхронный перевод // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. № 1 (44). С. 190–202.
9. Vaget H. R. Der Asket Und Der Komödiant: Die Brüder Buddenbrook. MLN. 1982. Vol. 97, no. 3. Pp. 656–70. URL: https://doi.org/10.2307/2906217.
10. Müller C., Bressem J., Ladewig S. Towards a grammar of gestures: A form-based view // Body – Language – Communication (HSK 38.1) / Müller C., Cienki A., Fricke E., Ladewig S., McNeill D., Teßendorf S. (eds.). De Gruyter, 2013. P. 707–733.
11. Акишина А. А., Кано Х., Акишина Т. Е. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1991.

REFERENCES

1. Loginova, E. G. (2021). The diagraph analysis in the research of the arts as communication. Cognitive Studies of Language, 1(44), 202–213. (In Russ.)
2. Lenz, S. (1991). Buddenbrooks. Thomas Mann Yearbook, 4, 21–28. http://www.jstor.org/stable/24743204. (In Germ.)
3. Bergmann, Ch. (2008). The eyes of Buddenbrook. Mother tongue, 2, 156–171.
4. Kalverkämper, H. (1991). Literature and Body Language. Poetica, 23(3/4), 328–73.
5. Karpenko, E. I., Gerus, S. K. (2021). The nominations of gesture's kinemes in modern German literature. Cognitive Studies of Language, 4(47), 245–254. (In Russ.)
6. Grishina, E. A. (2017). Russkaya zhestikulyaciya s lingvisticheskoj tochki zreniya (korpusnye issledovaniya) = Russian gestures from a linguistic point of view (corpus research). Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.)
7. Bressem, J., Müller, C. (2014). A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions. In C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. Ladewig, D. McNeill, J. Bressem (eds.), Body – Language – Communication (pp. 1575–1591): An International Handbook on Multimodality in Human Interaction. Handbooks of Linguistics and Communication Science (HSK) 38/2. Berlin, Boston: De Gruyter: Mouton.
8. Iriskhanova, O. K., Makoveyeva, A. I., Tomskaya, M. V. (2021). «Gesture turn» in professional communication studies: simultaneous interpretation. Cognitive Studies of Language, 1(44), 190–202. (In Russ.)
9. Vaget, H. R. (1982). The Ascetic and the Comedian: The Brothers Buddenbrook. MLN, 97(3), 656–670. https://doi.org/10.2307/2906217
10. Müller, C., Bressem, J., Ladewig, S. (2013). Towards a grammar of gestures: A form-based view. In C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. Ladewig, D. McNeill, S. Teßendorf (eds.), Body – Language – Communication (pp. 707–733): An international handbook on multimodality in human interaction (HSK) 38/1. De Gruyter.
11. Akishina, A. A., Kano, H., Akishina, T. E. (1991). Zhesty i mimika v russkoj rechi. Lingvostranovedcheskij slovar' = Gestures and mimicry in Russian speech. Linguistic and Country Studies Dictionary. Moscow: Russkij yazyk. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпенко Елена Игоревна
кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karpenko Elena Igorevna
PhD (Philology), Associate Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 13.05.2022
одобрена после рецензирования 23.05.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 13.05.2022
approved after reviewing 23.05.2022
accepted for publication 14.09.2022

Научная статья
УДК 81.42
DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_46

Языковые особенности конструирования имиджа в СМИ (на примере имиджа министра иностранных дел ФРГ А. Бербок)

А. А. Клиновская

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
anna-klinov2@yandex.ru

Аннотация. В статье на материале текстов немецких СМИ, таких как «Der Spiegel», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Tagesschau», анализируется языковой аспект конструирования имиджа политика. На примере имиджа министра иностранных дел Германии А. Бербок исследуются такие приемы создания и модификации имиджа, как сравнение, антитеза, концептуальная метафора. Прослеживается роль гендерных стереотипов в конструировании имиджа. Рассматривается антиимиджевая кампания, развернутая против А. Бербок в ходе предвыборной борьбы 2021 г. Делается вывод о театрализации политического дискурса в СМИ.

Ключевые слова: имидж, политический дискурс, концептуальная метафора, гендерный стереотип, общественное мнение, театрализация, Бербок

Для цитирования: Клиновская А. А. Языковые особенности конструирования имиджа в СМИ (на примере имиджа министра иностранных дел ФРГ А. Бербок) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 46–53. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_11_866_46

Original article

Linguistic Means of Image Making in Mass Media (on the image of German Minister of Foreign Affairs A. Baerbock)

Anna A. Klinovskaya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
anna-klinov2@yandex.ru

Abstract. The article analyses the linguistic means of the political image development in German mass media texts published in *Der Spiegel*, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, *Tagesschau*. The paper focuses on the image of German Foreign Minister A. Baerbock and studies such means of image making and modification as comparison, antithesis, cognitive metaphor. The role of gender stereotypes is analyzed. The anti-image campaign launched against A. Berbok during the election campaign of 2021 is considered. The conclusion infers counting theatralization of the political discourse in mass media.

Keywords: image, political discourse, cognitive metaphor, gender stereotype, public opinion, theatralization, Baerbock

For citation: Klinovskaya, A. A. (2022). Linguistic means of image making in mass media (on the image of German Minister of Foreign Affairs A. Baerbock). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 46–53. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_46

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество принято называть информационным. Массовая информация постоянно влияет на наши установки и представления о мире. Общественное мнение формируется прежде всего под воздействием СМИ.

К сфере воздействия на общественное мнение относится и конструирование политического имиджа, которое протекает, преимущественно, не в ходе личных контактов с политиком, а на основании информации, получаемой из СМИ. Особенно активно имидж политика конструируется в период предвыборной агитации.

С позиций когнитивно-дискурсивного подхода в статье анализируются языковые средства конструирования имиджа кандидата на пост канцлера от партии «Союз 90 / Зеленые» («Bündnis 90 / Die Grünen»), позднее министра иностранных дел Германии Анналены Бербок (Annalena Baerbock). Материалом исследования служат более 50 текстов, отобранных по тематическому признаку и опубликованных в изданиях «Der Spiegel», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», а также на интернет-сайтах tagesschau.de, taz.de в 2021–2022 годах. Междисциплинарный подход к рассматриваемому вопросу и современный практический материал определяют актуальность статьи.

Теоретическую основу исследования составляют труды в области когнитивной лингвистики, а также работы специалистов в сфере политических технологий и массовой коммуникации.

Имидж как объект междисциплинарных исследований представляет интерес для лингвистов. Е. С. Кубрякова считает, что имидж имеет знаковый характер, который проявляется в отношении человека. Ученый дает следующее определение: «имидж – это то, кем или чем хочет выглядеть (казаться) объект в глазах окружающих, это специально и даже нередко искусственно создаваемый образ, необходимый его носителю по тем или иным причинам и отвечающий стереотипным или прототипическим представлениям о том, кем или чем должен являться этот объект на деле» [Кубрякова, 2008, с. 10].

Г. Г. Почепцов так описывает процесс формирования имиджа: «В массовое сознание усиленно вводится какая-то нужная черта, которая своим присутствием может оттенять другие черты, носящие отрицательный характер» [Почепцов, 2001, с. 159]. Специалист в области политических технологий А. А. Максимов трактует имидж политика как «…образ, включающий внешность, должность, профессию и программу кандидата, биографию, свершения, хобби, манеру вести беседу, комплекс убеждений, намерений…, а также „легенду“ – реальные или мифологизированные события из жизни кандидата, которые делают его в общественном сознании более достойным высокой должности, чем остальные… претенденты» [Максимов, 2003, с. 39]. Имидж кандидата должен «… аккумулировать самые сильные стороны его личности и те ожидания, которые он вызывает у избирателей» [там же, с. 61]. Рассмотрим формирование имиджа А. Бербок в немецких СМИ в ходе предвыборной борьбы 2021 года, а также после выборов и назначения ее на пост министра иностранных дел ФРГ.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИМИДЖА А. БЕРБОК В НЕМЕЦКИХ СМИ

До избрания А. Бербок сопредседателем партии «Союз 90 / Зеленые», а затем и кандидатом на пост канцлера от этой партии широкому кругу избирателей о ней ничего не было известно, что подтверждает заголовок статьи, опубликованной на портале tagesschau.de: «Eine, die aus dem Nichts kam». В этом заголовке цитируется высказывание известного политика партии, бывшего министра иностранных дел Йошки Фишера (Joschka Fischer), который сказал, что Анналена для него возникла из ниоткуда. После выдвижения кандидатуры А. Бербок на пост канцлера ФРГ в СМИ активно стал конструироваться имидж женщины-политика.

В начале предвыборной борьбы в медиатекстах преобладают положительные характеристики А. Бербок. Ее называют сосредоточенной, знающей, ответственной, самоуверенной, энергичной, независимой: *fokussiert, konzentriert, detailversessen, gewissenhaft, selbstbewusst, selbstsicher, dynamisch, energisch, souverän*. Используются положительно-оценочные перифразы, характеризующие ее как специалиста высокого уровня, умеющего работать в команде: *Teamplayerin, Netzwerkerin, Fachpolitikerin*. Сопредседатель партии Роберт Хабек (Robert Habeck) охарактеризовал А. Бербок, представляя ее в качестве кандидата на пост канцлера, как борца, волевую женщину, точно знающую, чего она хочет:

> Er beschrieb sie in Berlin als "kämpferische, fokussierte, willensstarke Frau", die genau wisse, was sie wolle.[1]

Похожую характеристику дает председатель партии Зеленых в федеральной земле Северный

[1] URL: www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/baerbock-kanzlerkandidatur-gruene-101.html

Рейн-Вестфалия Мона Нойбаур (Mona Neubaur). Она представляет А. Бербок как борца и сильную женщину, что противоречит стереотипу женственности и часто отличает успешных женщин-политиков:

> NRW-Grünen-Chefin Mona Neubaur lobte sie als eine "konzentrierte und leidenschaftliche Kämpferin für Veränderung." "Sie ist eine starke Frau mit all den Kompetenzen, die man braucht, um auch eine Republik führen zu können," so Neubaur. Annalena Baerbock habe die Ideen, die Streitbarkeit und die Dialogfähigkeit, um Klimaschutz voranzutreiben und die Wettbewerbsfähigkeit zu sichern. "Sie ist eine leidenschaftliche Europäerin mit tiefem Verständnis für außenpolitische Fragen."[1]

В приведенной цитате А. Бербок предстает как страстная приверженка идей европейской интеграции, политик, способный вести конструктивный диалог. Журналисты подчеркивают такие положительные аспекты имиджа А. Бербок, как ее лидерские качества и ораторские способности:

> Allein durch die Einigung der Grünen ohne öffentlichen Streit hat Baerbock Führungsqualität gezeigt... Sie ist inhaltlich sattelfest und rhetorisch oft gewinnend. Habeck wirkt mitunter unsicher in Details und zögerlicher.[2]

В СМИ также обсуждаются возраст и пол А. Бербок. Например, в следующем контексте она сравнивается с предшествующими кандидатами на пост канцлера – Ангелой Меркель (Angela Merkel) и Гидо Вестервелле (Guido Westerwelle). При этом подчеркивается, что А. Бербок является второй женщиной после А. Меркель, претендующей на пост канцлера, и одним из двух самых молодых претендентов, наряду с Г. Вестервелле:

> Baerbock ist bei der 20. Bundestagswahl seit 1949 erst die zweite Frau nach Angela Merkel, die sich um das höchste Regierungsamt bewirbt. Keiner der bisherigen Kanzlerkandidaten war jünger. Guido Westerwelle, der 2002 als bislang einziger Kanzlerkandidat der FDP antrat, war damals 40 – so wie Baerbock heute.[3]

[1] URL: www.tagesschau.de/regional/nordrheinwestfalen/wdr-story-39933.html
[2] URL: www.tagesschau.de/kommentar/gruene-baerbock-kanzlerkandidatin-101.html
[3] URL: www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/baerbock-kanzlerkandidatur-gruene-101.html

ГЕНДЕРНЫЙ КОМПОНЕНТ ИМИДЖА А. БЕРБОК

В СМИ особо подчеркивается, что А. Бербок будет единственной женщиной-кандидатом, которая участвует в этой предвыборной кампании. Гендерный стереотип вербализируется при помощи таких лексем, как *Quote, die Frauenkarte spielen, Kanzlerinamt*. Отмечается также, что партия, выступающая за равноправие и эмансипацию, не могла выбрать кандидатом на пост федерального канцлера мужчину:

> Tatsächlich konnten die Grünen gar nicht anders. Der Aufschrei wäre gewaltig gewesen, wenn sich Habeck durchgesetzt hätte.[4]

После вхождения А. Бербок в состав правительства ее требовательная манера руководить противопоставляется роли заботливой матери. Например, в статье «Außen Ministerin, innen Mutter» А. Бербок во время визита в Молдавию, общаясь с беженцами, предстает в роли матери, понимающей проблемы женщин с детьми:

> Auf ihrer Moldaureise ist Annalena Baerbock in drei Rollen zu erleben: Als Ministerin fordert sie. Wie eine Journalistin befragt sie Beamte an der Grenze zur Ukraine. Zu den Geflüchteten ist sie wie eine Mutter.[5]

Гендерный стереотип актуализируется и самой женщиной-кандидатом. Например, она охотно предстает в СМИ в роли заботливой мамы, которой надо забирать дочерей из школы и детского сада:

> Deshalb müssen wir bis 14.15 Uhr mit dem Interview fertig sein. Damit ich den Zug um 14.41 Uhr bekomme und meine Töchter aus der Kita und der Schule abholen kann. Das ist mir heilig.[6]

Важным компонентом имиджа женщины-политика является ее внешность и манера одеваться. В СМИ отмечается, что А. Бербок одинаково уверенно чувствует себя в любой одежде:

> Jeans, T-Shirt, Lederjacke, an anderen Tagen Kleid und High Heels.[7]

[4] URL: www.tagesschau.de/kommentar/gruene-baerbock-kanzlerkandidatin-101.html
[5] URL: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/annalena-baerbock-an-der-ukrainischen-grenze-aussen-ministerin-innen-mutter-a-0c5a24e0-5846-449f-9736-f9bf29819cd9
[6] URL: https://taz.de/Gruenen-Chefs-ueber-Macht/!5651653/
[7] URL: https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/baerbock-portraet-101.html

Сама А. Бербок намеренно подчеркивает женственный стиль в одежде, отказываясь от брючных костюмов, потому что не желает быть похожей на коллег-мужчин:

> Ich war ein Jahr vorher auch schon da (beim vom BDI ausgerichteten Tag der Deutschen Industrie). Da waren aber viele noch irritiert, dass nicht der Mann kommt, sondern die Frau, dazu im bunten Kleid statt Hosenanzug. Jetzt haben einige gemerkt, dass wir tief in Wirtschaftsfragen eingestiegen sind.[1]

БИОГРАФИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИМИДЖА А. БЕРБОК

В СМИ освещается и биография женщины-кандидата. Упоминается, в частности, что она изучала международное право, является экспертом в вопросах климата, имеет обширные связи внутри партии.

Сообщается, что А. Бербок профессионально занималась спортом, в частности, прыжками на батуте. Проводя параллель с политической деятельностью, журналисты полагают, что ей пригодятся такие качества спортсмена, как собранность, организованность и способность контролировать себя на каждом повороте.

Примером концептуальной метафоры «политика – это спорт» может служить статья «Baerbocks großer Sprung», где парламентские выборы представлены как национальный чемпионат, на котором участница готовится выполнить трудный прыжок:

> Annalena Baerbock hat den Moment oft genug beschrieben: Als Trampolin-Springerin war sie immer wieder in der Situation, einen neuen schwierigen Sprung zum ersten Mal zu versuchen. Drei, zwei, eins - und dann das Risiko, dass es nicht so läuft wie geplant. Baerbock hat dreimal Bronze bei den Deutschen Meisterschaften geholt. Sie war drittbeste Springerin in Deutschland, aber eben nicht auf Platz Eins.
>
> Jetzt setzt sie in ihrer politischen Karriere zum großen Sprung an.[2]

СМИ отрицательно оценивают недостаток опыта женщины-кандидата: в отличие от своих оппонентов, А. Бербок никогда не возглавляла земельное правительство или федеральное министерство. Рассмотрим в качестве примера следующий контекст:

> Ein Manko der Kandidatin allerdings: Ihr fehlt Regierungserfahrung. Baerbock hatte nie in einem Rathaus oder Ministerium den Hut auf. Zwar wirken viele angeblich erfahrene Regierende derzeit in der Corona-Krise nicht sehr kompetent. Dennoch werden sich manche Wählerinnen und Wähler wohl fragen: Kann Annalena Baerbock wirklich schon Kanzlerin?[3]

В приведенном примере выражается сомнение по поводу того, достаточно ли А. Бербок компетентна, чтобы претендовать на пост федерального канцлера. Она сама отметает эту критику в свой адрес, утверждая, что «никто не упал с неба готовым канцлером». Кроме того, одного лишь опыта бывает недостаточно, чтобы вести страну к обновлению:

> "Wir haben in den letzten Jahren erlebt, dass Regierungserfahrung allein uns nicht weiterbringt," sagte Baerbock. Diese habe das Land sogar eher in eine Sackgasse geführt, weil es keine Vorstellung gebe, wie man die Zukunft gestalten wolle.[4]

А. Бербок стремится представить отсутствие опыта работы в правительстве как преимущество, противопоставляя себя двум другим кандидатам от правящих партий: в то время как она выступает за обновление, другие кандидаты стремятся сохранить status quo:

> "Ich trete an für Erneuerung," verkündete Baerbock nach der Bekanntgabe der Entscheidung. "Für den Status Quo stehen andere." Sie wolle eine vorausschauende Politik machen, die etwas Neues wagt. "Mit diesem Auf-Sicht-Fahren kommen wir nicht weiter," so Baerbock.[5]

Партийная принадлежность является важной составляющей имиджа А. Бербок[6]. По отношению к женщине-политику часто используется атрибут *зеленый*: *grüne Kanzlerkandidatin, grüne Politikerin, grüne Außenministerin*. Поскольку партия «Союз 90 / Зеленые» выступает за равноправие и социальную справедливость, после назначения на пост министра иностранных дел А. Бербок провозгласила своим основным принципом «феминистскую внешнюю политику». Другим приоритетом

[1] URL: https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/baerbock-portraet-101.html

[2] URL: https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/baerbock-kanzlerkandidatur-gruene-103.html

[3] URL: www.tagesschau.de/kommentar/gruene-baerbock-kanzlerkandidatin-101.html

[4] URL: www.tagesschau.de/inland/baerbock-tagesthemen-101.html

[5] URL: www.tagesschau.de/regional/nordrheinwestfalen/wdr-story-39933.html

[6] Подробнее об имидже партии «Союз 90 / Зеленые» см.: [Клиновская, Стрельцова, 2021].

партии выступает охрана окружающей среды. Чтобы уменьшить объем выхлопных газов, А. Бербок заявила о намерении по возможности отказаться от перелетов специальными самолетами бундесвера и использовать рейсовые перелеты или ездить поездом.

АНТИИМИДЖЕВАЯ КАМПАНИЯ, НАПРАВЛЕННАЯ ПРОТИВ А. БЕРБОК

Предвыборная борьба 2021 года отличилась скандалами, связанными в первую очередь с А. Бербок. В СМИ постоянно обсуждались ее ошибки и промахи: неточности в биографии, представленной на ее сайте, несвоевременно задекларированные доходы, обвинения в плагиате, случайные оговорки. При этом использовались такие отрицательно-оценочные существительные, как *ошибка*, *неточность*, *недосмотр*, *поражение* и др.: (*fataler*) *Fehler, Panne, Patzer, Ungenauigkeit, Versäumnis, Fehltritt, Plagiat* (*Plagiatsaffäre*), *ein großes Ärgernis, Stolperfalle, Brandstelle, Glaubwürdigkeitsproblem, Niederlage, Anschuldigung, Vorwurf, versuchter Rufmord*. Эпитеты, употребляемые по отношению к А. Бербок в основной фазе предвыборной борьбы (с июля 2021 года), представляют яркий контраст по отношению к ее положительному имиджу в начале предвыборной кампании. Она предстает в СМИ неуверенной, безалаберной, непрофессиональной: *angeschlagen, verunsichert, schlampig, unprofessionell, zerknirscht*.

С целью дискредитации упоминаются предполагаемые связи А. Бербок с миллиардером Джорджем Соросом. При этом ее называют марионеткой Сороса: *Marionette des Milliardärs Soros, Soros-Musterschülerin*[1]. К черному пиару следует отнести и нападки отдельных консервативных политиков. Например, член ХДС Ганс-Георг Маасен (*Hans-Georg Maaßen*) спрашивает, является ли тот факт, что сокращенное имя А. Бербок – ACAB, совпадением или шифром (*All cops are bastards*):

> Maaßen hatte die Anfangsbuchstaben von Baerbocks vollständigem Namen mit dem Kürzel „ACAB" („All cops are bastards", „Alle Polizisten sind Mistkerle") in Verbindung gebracht. Er schrieb: "Annalena Charlotte Alma Baerbock = ACAB = All Cops Are Bastards. Zufall oder Chiffre?"[2]

[1] URL: www.tagesschau.de/faktenfinder/baerbock-soros-101.html

[2] URL: https://www.tagesschau.de/inland/maassen-tweet-baerbock-101.html

АНТИТЕЗА КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ ИМИДЖА ПОЛИТИКА

В дискурсе СМИ А. Бербок часто сравнивается с другими политиками, причем в центре внимания находятся скорее ее отличия от оппонентов или предшественников.

По сравнению с сопредседателем партии Р. Хабеком, А. Бербок предстает более компетентной в детальных вопросах:

> Und anders als Habeck beherrscht sie fast jedes Detail. Habeck hat mal vor laufender Kamera demonstriert, dass er die Pendlerpauschale nicht verstanden hatte. Das würde ihr nicht passieren.[3]

В текстах СМИ женщина-кандидат воспринимается не только более знающей, но и более естественной, не склонной к инсценировкам:

> Aus dem Kohleausstiegsgesetz kann sie vermutlich im Schlaf zitieren. Inszenierungen hingegen liegen ihr fern, anders als Habeck. So lässt sie sich nicht gerne fotografieren. Baerbock wirkt authentisch und erfährt auch bei politischen Gegnern Anerkennung.[4]

В целом отмечается, что партия сделала более разумный выбор, избрав кандидатом на пост канцлера А. Бербок, а не ее сопредседателя Р. Хабека:

> Aber nicht nur deshalb ist Baerbock die klügere Wahl für die Partei. Sie ist inhaltlich sattelfest und rhetorisch oft gewinnend. Habeck wirkt mitunter unsicher in Details und zögerlicher.[5]

По сравнению с другими кандидатами на пост канцлера А. Бербок представляется «более интересным» объектом для СМИ, потому что это новое имя в немецкой политике:

> Baerbock ist interessanter als Laschet oder Scholz… Baerbock ist derzeit die interessantere Person. Auch weil der eigene moralische Anspruch und die Vorwürfe gegen sie in krassem Gegensatz zueinander stehen. Zudem ist ihr Image noch nicht so ausdefiniert und gefestigt, wie bei den altbekannten Leuten wie Scholz oder Laschet. Da kann man also sehr schnell ein Bild

[3] URL: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/annalena-baerbock-die-gruenen-im-wahlkampf-so-verpatzte-sie-ihre-chance-aufs-kanzleramt-a-d5a56c9f-7c59-4151-8eb9-1315f4ba9ca8

[4] URL: https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/baerbock-portraet-101.html

[5] URL: https://www.tagesschau.de/kommentar/gruene-baerbock-kanzlerkandidatin-101.html

> von einer Person verändern. Und womöglich spielt auch der Faktor Frau eine Rolle.[1]

А. Бербок выигрывает у своих соперников не только благодаря тому, что она женщина, но и по таким параметрам, как скорость реакции, знание деталей, настойчивость:

> Gezeigt hat Baerbock dabei auch, dass sie sich schneller und wohl auch detailversessener mit Themen auseinandersetzen kann und will, als manch anderer im Politbetrieb. In der Antragskommission der Grünen hat sie vermutlich härtere Verhandlungen geführt als Scholz zuletzt über die Schuldenbremse.[2]

После вступления А. Бербок в должность министра иностранных дел ее начинают сравнивать с иностранными коллегами, при этом на первый план выходят такие аспекты, как пол, возраст и опыт работы. Яркий пример антитезы видим в статье, посвященной ее визиту в Москву, где неопытная молодая женщина-дипломат представлена как полная противоположность российскому коллеге С. В. Лаврову:

> Sergej Wiktorowitsch Lawrow, 71 Jahre alt, seit fast 18 Jahren russischer Außenminister, sitzt im Gästehaus der Regierung in Moskau an einem Tisch. Ihm gegenüber: Annalena Charlotte Alma Baerbock, deutsche Außenministerin, 30 Jahre jünger als ihr russischer Gastgeber, Tage im Amt: 42.[3]

По сравнению с предшественником на посту министра иностранных дел Х. Маасом (Heiko Maas) А. Бербок предстает более непринужденной в общении с простыми людьми:

> In einer der Hallen sitzen Kinder um einen Tisch. Baerbocks Vorgänger Heiko Maas hatte bei solchen Begegnungen immer etwas gefremdelt, seine Nachfolgerin aber kennt keine Berührungsängste. Sie setzt sich einfach auf einen der niedrigen Stühle, verteilt die Mitbringsel und redet mit den Kindern, als würde sie mit ihren eigenen Töchtern spielen.[4]

А. Бербок – первая женщина, ставшая министром иностранных дел, но до нее на международной арене Германию представляла канцлер А. Меркель. Проводя сравнение между двумя женщинами-политиками, журналисты отмечают, с одной стороны, терпение и иронию, свойственные им обеим:

> Die Attacken und Belehrungen ihres Gastgebers erträgt sie mit merkelscher Geduld und Ironie.[5]

С другой стороны, двух женщин сравнивают на основании того, как они ведут себя в традиционно мужском мире политики. При этом журналисты отмечают, что А. Мекель старалась походить на коллег-мужчин, тогда как А. Бербок, напротив, подчеркивает женственный стиль в одежде и выборе тем для обсуждения:

> Die anderen – für eine Angela Merkel waren das meist Männer. Also zog sie Blazer und Hosen an und nahm sich selbst fast bis zur Unkenntlichkeit zurück. Annalena Baerbock scheint andere Signale setzen zu wollen, sie wirbt für die feministische Außenpolitik, sie trägt häufig Röcke, hohe Schuhe, immer wieder kommt sie auf Kinder zu sprechen und sie tritt auf wie eine, die sagt: Ich bin da, seht her, ich kann es.[6]

ТЕАТРАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В современном информационном обществе всё большее значение приобретает развлекательная функция средств массовой информации. Исследователи описывают эту тенденцию к театрализации и упрощению политического дискурса при помощи понятия «politainment», возникшего из сочетания слов *политика* и *развлечение* [Heckmann, 2005, с. 170]. Одним из способов театрализации и тривиализации политического процесса выступает спортивная метафора. Например, теледебаты с участием трех кандидатов на пост канцлера ФРГ освещаются в журнале «Der Spiegel» в стиле спортивного репортажа с футбольного матча. Сквозная метафора придает статье эффект развлекательности и сближает политику с такой знакомой и понятной избирателю сферой, как футбол:

[1] URL: https://www.tagesschau.de/inland/btw21/wahlkampf-interview-faas-101.html
[2] URL: https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/kanzlerkandidaten-vergleich-101.html
[3] URL: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/annalena-baerbock-wie-macht-sie-sich-als-aussenministerin-a-5cb2bbe3-c651-4296-81a6-6277009fc436
[4] URL: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/annalena-baerbock-an-der-ukrainischen-grenze-aussen-ministerin-innen-mutter-a-0c5a24e0-5846-449f-9736-f9bf29819cd9
[5] URL: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/annalena-baerbock-in-polen-die-erste-bewaehrungsprobe-a-c6901b2f-d6b8-4924-b386-fe752c809735
[6] URL: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/annalena-baerbock-wie-macht-sie-sich-als-aussenministerin-a-5cb2bbe3-c651-4296-81a6-6277009fc436

Am Ball bleibt stattdessen Baerbock, deren akribische Vorbereitung im Trainingscamp sich bezahlt macht. Nach einem hypothetischen Ökoterror-Milchpreis von »zwei Euro zehn« gefragt, nimmt sie den Ball souverän mit und weiß, dass das »eine Verdoppelung« wäre… Baerbock hingegen verwandelt kaltblütig alle Umwelt-Elfmeter… Vergossene Milch, die Saison ist gelaufen, an der Tabellenspitze wird sich einstweilen wohl nichts mehr ändern. Am kommenden Sonntag werden sich die Fans wohl trotzdem auf ein Herzschlagfinale freuen können.[1]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенный анализ показал, что для имиджа А. Бербок важными факторами являются гендерная составляющая, возраст, детали биографии (партийная принадлежность, занятия профессиональным спортом). В СМИ А. Бербок предстает как молодая, энергичная, целеустремленная, компетентная, элегантная женщина-политик, которой не хватает опыта. Если первичный имидж женщины-политика был исключительно положительным, в середине предвыборной кампании наблюдается ухудшение имиджа из-за промахов самой А. Бербок и антиимиджевой кампании, развернутой против нее. После выборов и назначения на пост министра иностранных дел в СМИ представлен положительный имидж женщины-политика.

Для конструирования имиджа в СМИ использовались такие языковые средства, как сравнение, антитеза, концептуальная метафора. Наибольшей популярностью пользуется спортивная метафора, что отчасти объясняется биографией А. Бербок.

Анализ фрагмента медийного дискурса подтвердил, что в нем присутствует тенденция к театрализации и упрощению, что связано с распространением массовой культуры.

[1] URL: https://www.spiegel.de/kultur/tv/debatte-von-annalena-baerbock-armin-laschet-und-olaf-scholz-ein-tor-haette-dem-triell-gut-getan-a-436b2003-f114-4228-927d-383adfc8a37a

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кубрякова Е. С. К определению понятия имиджа // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. №1 (14). С. 5–11.
2. Почепцов Г. Г. Информация и дезинформация. Киев: Ника-центр, Эльга, 2001.
3. Максимов А. А. Война по правилам и без… Технологии изготовления предвыборных миражей: учебно-практическое пособие. М.: Дело, 2003.
4. Heckmann J. M. Politik und Emotionen – Politik(er) zwischen Desein und Sein // Medien und Emotionen. Siegfried J. Schmidt (Hrsg.). Medien: Forschung und Wissenschaft. Münster: LIT Verlag, 2005. Bd. 11. S. 170–202.
5. Клиновская А. А., Стрельцова В. В. Лингвистические способы создания партийного имиджа (на материале немецкого медиадискурса) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 112–126.

REFERENCES

1. Kubryakova, E. S. (2008). To the Definition of the Notion «Image». Issues of Cognitive Linguistics, 1(14), 5–11. (In Russ.)
2. Pocheptsov, G. G. (2001). Informatsiya i dezinformatsiya = Information and Desinformation. Kiev: Nika-Tsentr, Elga. (In Russ.)
3. Maksimov, A. A. (2003). Voyna po pravilam i bez… Tehnologii izgotovleniya predvybornyh mirazhey = War by rules and not… Technologies of making pre-election mirages: Educational and practical guide. Moscow: Delo. (In Russ.)
4. Heckmann, J. M. (2005). Politik und Emotionen – Politik(er) zwischen Desein und Sein. Medien und Emotionen. S. J. Schmidt (Hrsg.), Medien: Forschung und Wissenschaft (Bd. 11, S. 170–202). Münster: LIT Verlag.
5. Klinovskaya, A. A., Streltsova, V. V. (2021). Linguistic methods of a party image creation (based on German media discourse). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(853), 112–126. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Клиновская Анна Анатольевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Klinovskaya Anna Anatolievna
PhD (Philology), Associate Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 03.07.2022
одобрена после рецензирования 10.08.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 03.07.2022
approved after reviewing 10.08.2022
accepted for publication 14.09.2022

Научная статья
УДК 811.112.2:82-92
DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_54

Аспекты медиатизации немецких терминов

Е. А. Ковтунова[1], **И. Е. Езан**[2]

[1,2]*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*
[1]*e.kovtunova@spbu.ru*
[2]*i.ezan@spbu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается круг вопросов, связанных с семантическими, прагматическими и функциональными трансформациями немецких терминов, происходящими в процессе или в результате их медиатизации. Исследование проводилось методами лингводискурсивного, контекстуального и корпусного анализа. Материалом послужили термины общественно значимых специальных областей, словарные статьи и конкорданции. Были выявлены семантические и прагматические трансформации медиатизированных терминов.

Ключевые слова: термин, массмедийный дискурс, медиатекст, семантика термина, прагматика термина, терминологичность, детерминологизация

Для цитирования: Ковтунова Е. А., Езан И. Е. Аспекты медиатизации немецких терминов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 54–61. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_11_866_54

Original article

Mediatization Aspects of German Terms

Elena A. Kovtunova[1], **Irina J. Jesan**[2]

[1,2]*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*
[1]*e.kovtunova@spbu.ru*
[2]*i.ezan@spbu.ru*

Abstract. The article deals with a range of issues related to the semantic, pragmatic and functional transformations of German terms that occur during or as a result of their mediatization. The research was conducted by methods of discourse-linguistic, contextual and corpus analysis. The material for the investigation included terms of socially significant special fields, dictionary articles and concordances. The semantic and pragmatic transformations of mediatized terms were identified.

Keywords: term, mass media discourse, media text, semantics of term, pragmatics of term, terminology, determinologization

For citation: Kovtunova, E., Jesan, I. (2022). Mediatization aspects of German terms. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 54–61. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_54

ВВЕДЕНИЕ

Целью данной статьи является рассмотрение теоретических и практических аспектов медиатизации терминов на материале немецкого языка. Теоретическими задачами исследования являются: критическое осмысление имеющихся лингвистических подходов к понятию «медиатизация», к вопросам функционирования терминов в медиадискурсе, рассмотрение соотношений понятий «медиатизация» и «детерминологизация», «термин» и «терминолексика». Практической задачей является лингводискурсивный анализ нескольких медиатизированных немецких терминов общественно значимых специальных областей, в разное время подвергавшихся активной медиатизации и маркирующих данные дискурсы, и последующий их контекстуальный семантический и дистрибуционный анализ.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ МЕДИАТИЗАЦИИ ТЕРМИНОВ

Термин «медиатизация» является сегодня предметом изучения разных наук. О. А. Миронова справедливо отмечает междисциплинарный характер данного понятия, «что позволяет выделять в его структуре социологический, экономический, политологический, образовательный, гуманитарный и иные аспекты» [Миронова, 2021, с. 43]. В коммуникативистике медиатизация реальности определяется «как процесс воздействия массмедиа на общество и его институты, трансформирующий их содержание и ориентиры развития» [Ачкасова, 2021, с. 79]. У. Шмитц приходит к заключению, что, с одной стороны, сегодня медиатизация всех видов коммуникации влечет за собой демократизацию, технологизацию и дифференциацию всех способов использования языка, с другой стороны, это не означает демократичность системы коммуникации с ее институтами [Schmitz, 2015].

Н. И. Клушина трактует медиатизацию шире – не только как «распространение влияния медиа на важнейшие области социальной жизни», но и как «обратный процесс вовлечения в информационную сферу различных сторон общественной деятельности, то есть создание зон пересечения медиа и социальных феноменов» [Клушина, 2014, с. 68–69]. По мнению исследователя, «феномен медиатизации современной общественной жизни в информационную эпоху» проявляется в наличии в пространстве медиадискурса «зон пересечений медиа и политики (политический медиадискурс), медиа и науки (научный медиадискурс), медиа и права (юридический медиадискурс), медиа и религии (религиозный медиадискурс) и др.» [там же, с. 68]. В этом ракурсе медиатизация становится предметом изучения медиалингвистики и лингводискурсологии.

В последние годы появились лингвистические работы, посвященные медиатизации специальных дискурсов. Например, в статье М. П. Кожарнович рассматриваются два основных способа инклюзии медицинского дискурса в дискурс медиа: через инклюзию в медиадискурс профессионала из медицинской области и через инклюзию в медиапространство медицинского текста [Кожарнович, 2021]. Одно из немногих исследований медиатизации терминов представляет собой диссертация М. В. Силановой, в которой изучаются как юридические термины, встречающиеся в медиатекстах, но не потерявшие своего терминологического статуса, так и медиадискурсивная концептуализация юридических терминов и формирование медиаконцептов непосредственно в дискурсе СМИ [Силанова, 2016].

Надо отметить, что вопросы «освоения» терминов неспециальными дискурсами активно обсуждаются также в рамках терминоведения. В частности, социотерминоведение наряду с акцентированием перехода «от конструирования термина как идеального знака к его описанию в реальных условиях функционирования» сосредоточено на определении «многообразия социокультурных контекстов функционирования термина» [Алексеева, Мишланова, 2020, с. 79]. Развивая вариологическую концепцию терминологической номинации К. Я. Авербуха, согласно которой существует терминология специальных сфер как инвариант и функционирующая за пределами специальной сферы терминолексика как ее варианты [Авербух, 2005], Л. М. Алексеева и С. Л. Мишланова пишут о подвижности языковой нормы: «если терминология стандартизирована и является нормативным эталоном, то общеязыковая лексика принадлежит к (детерминологизированным) вариантам термина» [Алексеева, Мишланова, 2020, с. 80]. В условиях медиадискурса наблюдается «взаимопроникновение медиального и непосредственно-личного, а также интерперсонального и массмедийного употребления языка, что вызывает одновременно гомогенизирующий и дифференцирующий эффект: с одной стороны, растет запас основных стандартных языковых норм, которые позволяют устанавливать связь и взаимопонимание даже при региональных и социальных различиях; с другой стороны, на этой общей основе развивается всё больше языковых отклонений и вариантов»[1] [Schmitz, 2015, с. 22].

[1] Зд. и далее перевод наш. – *Авт.*

Параметрическое описание процесса детерминологизации и авторский алгоритм определения степени детерминологизации терминолексики в медийном дискурсе предлагаются в исследовании Н. В. Бисеровой: «в медийном дискурсе терминолексика является результатом детерминологизации, которая определяется как процесс утраты терминологической единицей признаков терминологичности» [Бисерова, 2018, с. 6]. Таким образом, в упомянутых выше терминоведческих работах постулируется, что термин является таковым лишь в пределах специальных дискурсов, за их рамками они детерминологизируются и трактуются как варианты термина или терминолексика.

Здесь возникает вопрос о границах специальных дискурсов, а также с учетом «зон пересечения» и вопрос о том, можно ли провести четкое разграничение между специальными дискурсами и медиадискурсом, а, следовательно, о правомерности разграничения терминологии и терминолексики. На наш взгляд, однозначно говорить о детерминологизации при функционировании терминов в медиадискурсе не следует. Медиатизация терминов далеко не во всех случаях сопровождается детерминологизацией. Даже если не принимать во внимание специальные (профессиональные) медиа, а сфокусироваться на массмедийном дискурсе, нельзя не учитывать его интенциональную и функциональную гетерогенность: термины используются как в посреднических медиатекстах, находящихся на периферии специального дискурса, так и в общественно-политических медиатекстах.

В данной работе мы принимаем определение термина Д. С. Шелова: «языковой знак (слово, словосочетание, сочетание слова или словосочетания с особыми символами и т. п.), соответствующий норме его употребления в профессиональном *или ином сообществе* и выражающий специальное понятие какой-либо области знания и в силу этого имеющий дефиницию (толкование, объяснение)» [Шелов, 2017, с. 178]. Употребление термина «в профессиональном *или ином* сообществе», по нашему мнению, как раз указывает на то, что специальный дискурс не является единственным пространством обитания терминов. Исходя из вышеизложенного, исследуемые лексические единицы мы будем называть терминами, хотя они изучаются нами в связи с их существованием в массмедийном дискурсе.

Следует отдельно сказать об Интернете, который современные СМИ используют как канал и инструмент, ускоряя тем самым медиатизацию терминологии. Как совершенно верно отмечает Л. Мюллер: «Интернет не присоединяется к книге, газете, телевидению, кино, радио, CD и т. д. в качестве нового средства информации. Скорее, он функционирует как инфраструктура для объединения в сеть и интеграции всех классических медиа» [Müller, 2016, с. 82].

АНАЛИЗ НЕМЕЦКИХ МЕДИАТИЗИРОВАННЫХ ТЕРМИНОВ. МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мы исходим из того, что о медиатизации терминов можно говорить в случае их активного употребления в массмедийном дискурсе, о чем могут свидетельствовать, например, количественные данные, результатом освоения терминов массмедийным дискурсом может стать лексикографическая кодификация семантических и прагматических трансформаций. Контекстные приращения смысла можно установить путем сопоставления данных словарей и контекстов употреблений данных терминов в медиа. Таким образом, описание медиатизации терминов предполагает количественный и качественный аспекты анализа.

Благоприятные условия для медиатизации терминов способны создавать медиатексты, посвященные одновременно специализированным (научным, техническим, профессиональным) и общественно значимым темам (событиям, процессам и т. п.). Совокупности такого рода медиатекстов формируют гибридные специально-массмедиальные дискурсы, в которых специальное знание транслируется одновременно с актуализацией семантики риска, страха относительно внедрения, массового применения высокотехнологичных продуктов и т. п. Такие дискурсы, как правило, имеют темпоральные и локальные рамки. Так, немецкие термины с терминоэлементами *Kern- / Atom-*, *Gen-*, *Nano-* и др. активно употреблялись в немецких медиатекстах во время общественных дискуссий вокруг применения соответствующих технологий и продуктов, приобретая и актуализируя отрицательные оценочные семы. Активную медиатизацию терминов можно также наблюдать во время кризисов (экономических, пандемийных и др.)

Рассмотрим особенности медиатизации некоторых терминов с привлечением словарных статей и контекстов употребления по данным словарей и словарно-корпусных платформ DWDS[1], OWID[2] и др.

[1] URL: https://www.dwds.de/

[2] URL: https://www.owid.de/

МЕДИАТИЗАЦИЯ ТЕРМИНОВ ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМЫХ СФЕР, СОПРОВОЖДАЮЩАЯСЯ ПРАГМАТИЧЕСКИМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ

Термин «Ozonloch» – «Bereich in der Stratosphäre, insbesondere über der Antarktis, wo die (einen Teil der ultravioletten Strahlung der Sonne absorbierende) Ozonschicht stark ausgedünnt ist»[1] – появился в научных публикациях в 1985 году, а в 1987 году, как сказано на ресурсе OWID[2], ввиду широкого употребления в общественном дискурсе Германии, эта лексема стала словом года.

В 80-е годы термин еще употребляется в кавычках и подробно поясняется, хотя сема страха уже актуализируется в медиа:

> Aufgeschreckt reagierten Umweltverbände und -behörden, als englische Forscher vor zwei Jahren über der Antarktis ein „Ozonloch“ entdeckten, das jeweils im antarktischen Frühling auftritt und mittlerweile so groß ist wie das Gebiet der Vereinigten Staaten (*Der Spiegel, 23.02.1987*).

Пика частотности, по материалам DWDS, этот термин достиг в 1990 и 1991 годах.[3] Начиная с 90-х годов, активно контекстуализируется социальная значимость борьбы с данным явлением, возможные риски и последствия уменьшения озонового слоя. Анализ сочетаемости при помощи функции Wortprofil на платформе DWDS[4] и просмотр контекстов показал, что данный термин приобретает ярко выраженные отрицательные коннотации, о чем свидетельствует семантика его партнеров, среди которых отмечены такие оценочные лексемы, как *Angst, Klimakatastrophe, Hautkrebs*, *Schreckensszenario, Gefahr* и др.:

> Dank Treibhauseffekt und Ozonloch, so das Schreckensszenario, verwandele sich die Sonne in einen Todesstern (*Die Zeit, 23.06.2005, Nr. 26*).

Словарь DUDEN определяет «Ozonloch» кратко: «Schwund der Ozonschicht»[5]. Далее следует ценное пояснение о том, что в специальном дискурсе (Fachsprache) сегодня используется синоним *katalytischer Ozonabbau*, т. е., возможно, именно медиатизация и прагматические приращения способны вытеснить термин на периферию специального дискурса и привести к замене его синонимом.

Ярким примером медиатизации может служить термин «Kernkraft», который в общеязыковых словарях кодифицирован в двух значениях: «Synonym zu *Kernenergie*» и «Kräfte, die den Zusammenhalt der Atomkerne bewirken und auf dem Austausch von Quanten zwischen den Nukleonen beruhen»[6]. В данном случае медиатизация применима именно к первому значению «Synonym zu *Kernenergie*». Термин пережил две волны популярности в массмедийном дискурсе Германии – в 70-е годы – в связи с общественным движением, выступающим против использования ядерной энергии в гражданских целях, и в 2000-е, когда правительство Германии заявило об отказе от ядерной энергии. Волнообразное изменение частотности употреблений этого термина в медиа видно на графике DWDS[7].

Семы «опасность» и «риск» также можно проследить при актуализации этого термина в медиатекстах. Среди частотных кооккуррентных компонентов зафиксированы оценочные лексемы *Risiken, Gefahren, Gegner*[8]. Следующий пример иллюстрирует вторую волну медиатизации термина:

> Zwei Kommissionen berieten über Risiken der Kernkraft und prüften die deutschen Reaktoren (*Die Zeit, 04.07.2011, Nr. 27*).

Похожие процессы «наведения» отрицательных коннотаций и приращения прагматического созначения сопровождали медиатизацию термина «Nanotechnologie» «Technologie, die sich mit Prozessen und Materialien in einem Größenbereich von einem Milliardstel Meter, einem Nanometer, befasst»[9]. Своей наивысшей точки частотность его употреблений, по данным газетного корпуса DWDS, достигла в 2006 году.[10] Термин, который появился в немецкой прессе, поскольку данные технологии начали применяться для изготовления продуктов массового потребления (кремов и т. д.), включен в «Словарь неологизмов» («Neologismenwörterbuch») на платформе OWID и маркирован как «неологизм 90-х годов». В разделе «Typische Verwendungen» наряду

[1] URL: https://www.dwds.de/wb/Ozonloch
[2] URL: Ozonloch. https://www.owid.de/artikel/152050
[3] URL: https://www.dwds.de/r/plot/?view=1&corpus=zeitungenxl&norm=date%2Bclass&smooth=spline&genres=0&grand=1&slice=1&prune=0&window=3&wbase=0&logavg=0&logscale=0&xrange=1946%3A2021&q1=Ozonloch
[4] URL: https://www.dwds.de/wp/Ozonloch
[5] URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Ozonloch
[6] URL: https://www.dwds.de/wb/Kernkraft
[7] URL: https://www.dwds.de/r/plot/?view=1&corpus=zeitungenxl&norm=date%2Bclass&smooth=spline&genres=0&grand=1&slice=1&prune=0&window=3&wbase=0&logavg=0&logscale=0&xrange=1946%3A2021&q1=Kernkraft
[8] URL: https://www.dwds.de/wb/Kernkraft
[9] URL: Nanotechnologie. https://www.owid.de/artikel/316574
[10] URL: https://www.dwds.de/r/plot/?view=1&corpus=zeitungenxl&norm=date%2Bclass&smooth=spline&genres=0&grand=1&slice=1&prune=0&window=3&wbase=0&logavg=0&logscale=0&xrange=1946%3A2021&q1=Nanotechnologie

с нейтральными контекстами перечислены также отрицательно нагруженные *die Gefahren der Nanotechnologie, die unvermeidbare Entwicklung der Nanotechnologie, vor den Gefahren der Nanotechnologie warnen*[1]. «Риски» и «опасности» вновь актуализируются в медиадискурсивной семантике термина, способствуя формированию общественного мнения о продуктах и приводя к прагматическим трансформациям термина:

> Um mögliche Risiken der Nanotechnologie frühzeitig zu erkennen, finanzierten Industrie und Staat von Anfang an gemeinsame Begleitforschungsprojekte wie NanoCare (*Die Zeit, 06.07.2009, Nr. 27*).

МЕДИАТИЗАЦИЯ ТЕРМИНОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Массмедийный дискурс Германии 2020–2021 годов был сосредоточен на проблеме борьбы с коронавирусной инфекцией. Процессы медиатизации немецких медицинских, экономических, юридических терминов в этот период сопровождались специализацией их семантики: многие из них употреблялись и семантизировались в медиа исключительно относительно пандемии COVID-19. Среди других семантических трансформаций отмечаются также наведение отрицательной оценочности (прагматические приращения) и сдвиги в значении.

Восходящий к экономической сфере термин «Systemrelevanz» «Bedeutsamkeit, Wichtigkeit für ein System»[2] вошел в специализированный словарь «Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie» на платформе OWID[3], поскольку вновь приобрел актуальность в период пандемии. В экономическом словаре Габлера «Systemrelevanz» определяется как значимость или важность в определенном контексте, которую государства, организации, компании, продукты, услуги и профессиональные группы (или их члены) имеют для функционирования и поддержания системы, например, экономической системы, системы здравоохранения и др.[4]

Интересно, что понятие системной значимости впервые прозвучало в немецкоязычном пространстве в ходе финансового кризиса 2008–2009 годов и широко обсуждалось в сфере политики и экономики [Endreß, 2020]. В этот период речь, прежде всего, шла о финансовых институтах, которые были релевантны для системы в целом:

> Die HRE (= Hypo Real Estate) ist zweifelsohne eine systemrelevante Bank (*Der Spiegel, 17.06.2009*).

В следующей публикации представлена позиция председателя профсоюзного объедения работников сферы образования и воспитания Удо Бекманна, который затрагивает тему системной значимости дошкольных воспитательных учреждений, подготовки воспитателей и неправильного распределении финансирования в этой сфере на уровне федеральных земель:

> Die Wertschätzung für das Berufsbild des Erziehers habe sich auch laut der VEB-Studie zum Deutschen Kitaleitungskongress 2021 seit den vergangenen Jahren nicht verbessert. Daran hätten auch die öffentlichen Bekundungen über die Systemrelevanz von Kitas in der Pandemie und das Gute-Kita-Gesetz der früheren Familienministerin Franziska Giffey (SPD) nichts geändert, erklärt der VBE-Bundesvorsitzende Udo Beckmann (*Immer krank, ständig am Weinen*: *Die Zeit, 25.08.2021*).

В тематический глоссарий DWDS по COVID-19[5] было включено также прилагательное *systemrelevant* «entscheidend für die Aufrechterhaltung, den Fortbestand eines bestimmten Systems». В список наиболее частотных коллокаций вошли *ein systemrelevantes Unternehmen*; *systemrelevante Kraftwerke; systemrelevante Berufe*[6]. Таким образом, в случае с терминами «Systemrelevanz» и «systemrelevant» можно говорить о семантических сдвигах, когда расширяется ряд возможных денотатов, и об актуализации темпоральных сем «период пандемии COVID-19».

В период пика пандемии частотной лексемой в публикациях СМИ становится медицинский термин «Triage», который также был зафиксирован тематическими словарями в значении «Einteilung, Kategorisierung von Patienten nach der Dringlichkeit und dem voraussichtlichen Erfolg der Behandlung»[7]. Данный термин находился в центре многих общественно-политических дискуссий этического характера, теряя таким образом терминологическую нейтральность.

> Streng genommen ist das aber noch keine Triage. Denn unter Triage versteht man, dass Ärzte und Ärztinnen die Patienten nach ihren voraussichtlichen

[1] URL: Nanotechnologie. https://www.owid.de/artikel/316574
[2] URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Systemrelevanz
[3] URL: https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp#
[4] URL: https://wirtschaftslexikon.gabler.de/definition/systemrelevanz-122548
[5] URL: https://www.dwds.de/themenglossar/Corona
[6] URL: https://www.dwds.de/wb/systemrelevant
[7] URL: https://www.dwds.de/wb/Triage

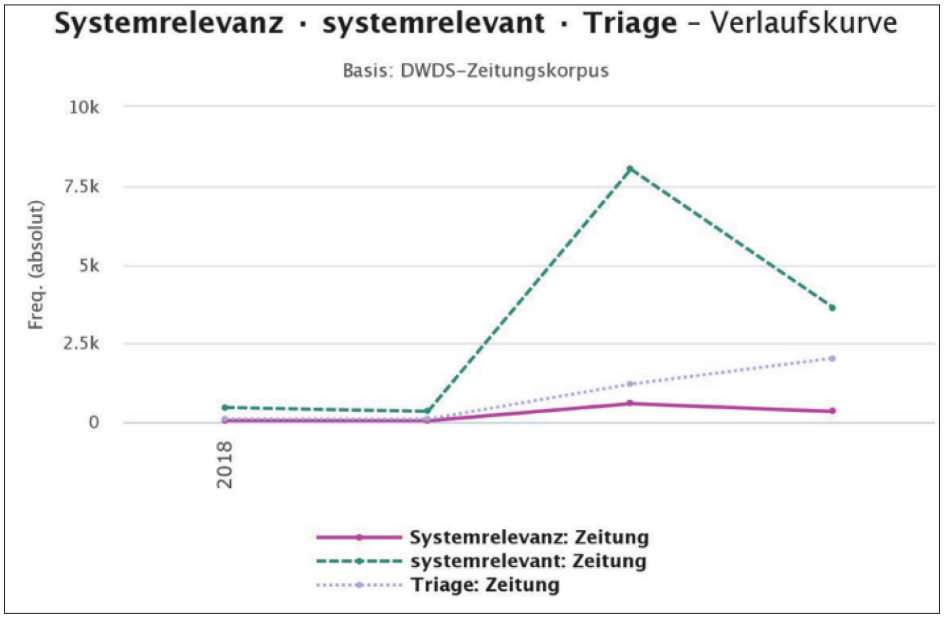

Рис. 1. Частотность употребления терминов «Systemrelevanz», «systemrelevant», «Triage» в газетном корпусе DWDS в период с 2018 по 2021 год

> Heilungschancen priorisieren müssen. Sie müssen dann entscheiden, an wen sie Intensivbetten vergeben. Noch können aber alle akuten Intensivfälle behandelt werden, wenn auch unter erschwerten Umständen. Viele reden daher von einer „weichen" oder „latenten" Triage (*Droht Deutschland die Triage? tagesschau.de: 30.11.2021*).

В публикации речь идет о довольно критической ситуации в отделениях реанимации и интенсивной терапии. В тексте статьи читателям предлагается доступная семантизация термина, в этом же контексте идет речь о так называемом мягком, скрытом триаже (*weiche Triage*).

Кривая изменений демонстрирует частотность употребления описанных выше «пандемийных» терминов в газетном корпусе DWDS в период с 2018 по 2021 год (см. рис. 1). В период с 2019 по 2021 год прилагательное *systemrelavant* оказалось более частотным (в 2019 году – 333 употребления; в 2020 – 8025; в 2021 – 3618), по сравнению с существительным *Systemrelavanz* (в 2019 году – 90; в 2020 – 580; в 2021 – 327). Однако обе лексемы в 2020 году находились на своеобразном пике употребления. Частотность существительного *Triage* в этот период поступательно увеличивалась с 333 случаев в 2019 году, 1201 – в 2020 году до 2026 в 2021 году.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Медиатизация входит в число актуальных, пока недостаточно изученных общелингвистических, терминоведческих и дискурсологических проблем. Часто результатом многократных употреблений в СМИ могут стать семантические и прагматические трансформации терминов, которые затем кодифицируются в лексикографических источниках.

Если рождаясь и функционируя в специальных дискурсах (научных статьях, монографиях, на научных конференциях), термины характеризуются понятийной соотнесенностью, контекстуальной точностью, однозначностью, дефинированностью, отсутствием образности и эмоционально-экспрессивных коннотаций, и как следствие – объективностью, то, попадая в массмедийные дискурсы, терминологические единицы способны демонстрировать медийно обусловленную семантическую и прагматическую динамику, которая часто приводит к ослаблению собственно терминологичности. Обретая прагматическую сущность, термины способны становиться маркерами массмедийных дискурсов и участвовать в их конструировании, что, в свою очередь, далее способствует их проникновению в общеязыковой лексикон.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миронова О. А. Медиатизация международного гуманитарного пространства как современный аспект глобализации // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2021. № 3 (75). С. 41–48.
2. Ачкасова В. А. Медиатизация как фактор политической мобилизации // Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные ответы: сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума: в 2 т. / под общей редакцией Т. А. Сенюшкиной. Симферополь, 2021. С. 77–83.
3. Schmitz U. Einführung in die Medienlinguistik. Darmstadt: WBG, 2015.
4. Клушина Н. И. Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль // Русская речь. 2014. № 1. С. 66–73.
5. Кожарнович М. П. Медиатизация медицинского дискурса: способы, атрибуты и риски // Медиалингвистика. 2021. Т. 8. № 4. С. 421–437.
6. Силанова М. А. Медиатизация юридических терминов в дискурсе современных СМИ: дис. … канд. филол. наук. М., 2016.
7. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. К истокам социотерминоведения: социокультурные контексты функционирования термина // Сфера культуры. 2020. № 1. С. 77–86.
8. Авербух К. Я. Общая теория термина: комплексно-вариологический подход: дис. … д-ра филол. наук. Иваново, 2005.
9. Бисерова Н. В. Варьирование терминологии миграционного права во французском медийном дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2018.
10. Шелов С. Д. Основные проблемы терминоведения: некоторые итоги // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. № 13. С. 176–184.
11. Müller L. Hallo, geht's noch? Über Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Print-Journalismus // Angemessenheit. Einsichten in Sprachgebräuche / Hrsg. von Jürgen Schiewe. Das Magazin der Deutschen Akademie für Sprache und Dichtung. Göttingen: Valerio, Wallstein Verlag, 2016. Bd. 18. S.77–86.
12. Endreß M. „Systemrelevanz" oder: die Umwertung der Werte in Zeiten von Corona // Aptum. Zeitschrift für Sprachkritik und Sprachkultur. 16. Jahrgang, 2020. Heft 02/03, S. 128–133.

REFERENCES

1. Mironova, O. A. (2021). Mediatizatsiya mezhdunarodnogo gumanitarnogo prostranstva kak sovremennyi aspekt globalizatsii = Mediatization of International Humanitarian Space as a Modern Aspect of Globalization. Vestnik of Rostov State University (RINH), 3(75), 41–48. (In Russ.)
2. Achkasova, V. A. (2021). Mediatizatsiya kak faktor politicheskoi mobilizatsii = Mediatization as a factor of political mobilization. In Senyushkina, T. A. (ed.), Politicheskoe prostranstvo t sotsial'noe vremya: global'nye vyzovy i tsivilizovannye otvety (pp. 77–83): collection of papers of XXXVII International Kharakskiy Forum ; in 2 vols. Simferopol: Izdatel'stvo Tipografiya «Arial». (In Russ.)
3. Schmitz, U. (2015). Einführung in die Medienlinguistik. Darmstadt: WBG.
4. Klushina, N. I. (2014). Mediatizatsiya sovremennoy kul'tury i russkiy natsional'nyy stil' = Mediatisation of contemporary culture and the Russian national style. Russian Speech, 1, 66–73. (In Russ.)
5. Kozharnovich, M. P. (2021). Mediatization of medical discourse: Modes, attributes and risks. Media Linguistics, 8(4), 421–437. (In Russ.)
6. Silanova, M. A. (2016). Mediatizatsiya yuridicheskikh terminov v diskurse sovremennykh SMI = Mediatisation of law terminology in contemporary media discourse: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
7. Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L. (2020). On the origins of socioterminology: Socio-cultural contexts of a term's functioning. Sphere of Culture, 1, 77–86. (In Russ.)
8. Averbukh, K. Y. (2005). Obshchaya teoriya termina: kompleksno-variologicheskii podkhod = General term theory: A complex variological approach: Senior Doctorate in Philology. Ivanovo. (In Russ.)
9. Biserova, N. V. (2018). Var'irovanie terminologii migratsionnogo prava vo frantsuzskom mediinom diskurse = Variation of migration law terminology in French media discourse: abstract of PhD in Philology. Perm. (In Russ.)

10. Shelov, S. D. (2017). Vivid problems of terminology science: some results. Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute, 13, 176–184. (In Russ.)
11. Müller, L. (2016). Hallo, geht's noch? Über Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Print-Journalismus. In J. Schiewe (Hrsg.), Angemessenheit. Einsichten in Sprachgebräuche: Das Magazin der Deutschen Akademie für Sprache und Dichtung (Bd. 18, S. 77–86). Göttingen: Valerio, Wallstein Verlag.
12. Endreß, M. (2020, 16. Jahrgang). „Systemrelevanz" oder: die Umwertung der Werte in Zeiten von Corona // Aptum. Zeitschrift für Sprachkritik und Sprachkultur, 02/03, 128–133.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ковтунова Елена Анатольевна
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета

Езан Ирина Евгеньевна
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kovtunova Elena Anatolievna
PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the German Philology Department, St. Petersburg State University

Jesan Irina Evgenievna
PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the German Philology Department, St. Petersburg State University

Статья поступила в редакцию 11.07.2022
одобрена после рецензирования 12.08.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 11.07.2022
approved after reviewing 12.08.2022
accepted for publication 14.09.2022

Научная статья
УДК 811.112
DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_62

Немецкие антропонимы König, Fürst и Herzog в лингвокогнитивных сравнительных моделях

В. А. Куликова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
val.kulikova@hotmail.com

Аннотация. В статье рассматривается функционирование немецких широкозначных антропонимов *König*, *Fürst* и *Herzog* в сравнительных конструкциях с позиций современной когнитивной лингвистики. Проведенный комплексный анализ отобранных для исследования контекстов, в которых встречаются вышеназванные антропонимы, позволяет выделить универсальную лингвокогнитивную сравнительную модель, а также обосновать продуктивность такого рода сравнений в современных немецких средствах массовой информации.

Ключевые слова: номинация, сравнение, градуальность, метафора, антропонимы, лингвокогнитивная сравнительная модель

Для цитирования: Куликова В. А. Немецкие антропонимы König, Fürst и Herzog в лингвокогнитивных сравнительных моделях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 62–68. DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_62

Original article

German Anthroponyms König, Fürst and Herzog in Linguocognitive Comparative Models

Valeriya A. Kulikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
val.kulikova@hotmail.com

Abstract. The paper focuses on the functioning of German wide-meaning anthroponyms *König*, *Fürst* and *Herzog* in comparative constructions from the perspective of modern cognitive linguistics. The comprehensive analysis of the units allowed the author to determine a certain universal linguocognitive comparative model and justify the active usage of the anthroponyms in comparative contexts in mass media.

Keywords: nomination, comparison, gradation, metaphor, anthroponyms, linguo-cognitive comparative model

For citation: Kulikova, V. A. (2022). German anthroponyms König, Fürst and Herzog in linguocognitive comparative models. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 62–68. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_62

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к языку как «средству доступа ко всем ментальным процессам» [Кубрякова, 2004, с. 9] позволяет рассматривать языковые единицы как результат процесса познания человеком окружающего мира. В когнитивном ракурсе первоочередной задачей исследователей можно назвать выявление и системное изучение особенностей соотнесения языковых единиц со структурами знания, лежащими в их основе [там же]. Решить эту задачу без обращения к сущности процесса *номинации*, направленного на создание и закрепление наименований за отдельными объектами окружающего мира, в полной мере не представляется возможным [Телия, 1990]. Часто процесс познания оказывается сопряжен с количественным и / или качественным сопоставлением свойств объектов действительности между собой. *Сравнение,* будучи базовой операцией познавательной деятельности, представляется нам когнитивно-семантической категорией, в которой не только находят отражение существенные признаки объекта, необходимые для его категоризации, но и, как следствие, вычленяются характерные черты сходства и / или различия ряда объектов действительности. Сравнение как процесс определения взаимоотношений между объектами основывается на такой универсальной понятийной категории, как *градуальность* [Краева, 2021]. Сравнение имеет градуальный, или ступенчатый, характер отношения к выделенному у двух и более объектов признаку, что, в свою очередь, свидетельствует о возможности некоего выделенного признака проявляться в разной степени. Такой подход позволяет рассматривать сравнение не только как процесс установления сходства, но и как процесс отождествления. Отождествление как результат когнитивной операции сравнения, по мнению немецкого исследователя С. Ханеманн, располагается в верхней части так называемой градуальной шкалы, определяющей степень сходства [Hahnemann, 1999]. Так, операция сравнения часто становится своего рода катализатором вторичной номинации, под которой понимается переосмысление и использование «уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [Телия, 1977, с. 129].

Целью нашего исследования является изучение особенностей функционирования немецких антропонимов *König*, *Fürst* и *Herzog* как элемента лингвокогнитивной сравнительной модели на материале современных средств массовой информации.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ АНТРОПОНИМАХ KÖNIG, FÜRST И HERZOG

В исследовании антропоним понимается в широком смысле: как часть номинативного класса лексических единиц, служащих для «выражения понятийной сферы, связанной с характеристикой и деятельностью человека» [Гулыга, Шендельс, 1969, с. 135]. Так, семантически к антропонимам можно отнести все языковые единицы, соотносимые с понятием «человек» [Семина, 2016]. Современная когнитивная лингвистика рассматривает антропоним как особое знание, в котором на основе глубинных связей объединяются различные домены и характеристики, служащие источниками его содержания [Цветаева, Куликова, 2021].

Лексикографические источники свидетельствуют о том, что антропонимы *König*, *Fürst* и *Herzog* в их первом значении служат наименованием человека, который обладает высоким статусом в монархическом обществе; этот статус закреплен в соответствующем титуле. Опираясь на мысль о том, что содержательный аспект акта номинации предполагает соотнесение языковой единицы (наименования) с некоей структурой знания (объектом), мы считаем целесообразным отметить, что в современных СМИ эти антропонимы приобретают преимущественно метафорический характер, так как используются в контекстах отличных от первоначального. Антропонимы *König*, *Fürst* и *Herzog* указывают уже не на монархический титул, а выступают в роли символа выдающихся достижений и большого авторитета в той или иной области. Соответствующие новые – метафорические – значения антропонимов также находят отражение в лексикографических источниках. Ниже в таблицах 1–3 приведены релевантные для исследования фрагменты словарных статей из электронного словаря современного немецкого языка DWDS (das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache, dwds.de) и онлайн-версии словаря Duden (Duden online, duden.de).

Из словарных статей, приведенных в таблице 1 следует, что в словаре DWDS значение антропонима *König* «der Erste, Beste seiner Art» («первый, лучший в своем виде») выделяется в отдельное значение и сопровождается пометой о переносном употреблении, наряду со значением «Herrscher» («властитель, владыка»). Таким образом, можно предположить, что отдельное, переносное значение было семантически выделено за счет развития значения от «правящего; обладающего / владеющего неким качеством» к «первому, т. е. главному». Отметим также, что в словаре Duden

Таблица 1

ЗНАЧЕНИЯ АНТРОПОНИМА **KÖNIG**

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (dwds.de)	Duden online (duden.de)
1. Inhaber der höchsten monarchischen Würde in bestimmten Monarchien oder der zweithöchsten in Monarchien mit einem Kaiser [bildlich] ... **2. [übertragen] ...** **a) Herrscher** **b) der Erste, Beste seiner Art** <...>	1. a) Titel des [nach dem Kaiser] höchsten weltlichen Herrschers oder Repräsentanten in bestimmten Monarchien **b) Träger des Königstitels** ***‹in übertragener Bedeutung:› der König der Wüste (dichterisch; der Löwe)** **‹in übertragener Bedeutung:› der König der Vögel, der Lüfte (dichterisch; der Adler)** **‹in übertragener Bedeutung:› er ist der [ungekrönte] König (der Beste) unter den Spielern**

Таблица 2

ЗНАЧЕНИЯ АНТРОПОНИМА **FÜRST**

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (dwds.de)	Duden online (duden.de)
1. Angehöriger des hohen Adels a) (unter einem Kaiser, König stehender) Herrscher eines Landes, Territoriums b) Titel, Rangstufe zwischen Graf und Herzog **2. [gehoben, übertragen] der erste, die andern Überragende**	1. seit dem Mittelalter nach dem Kaiser oder König rangierender, an der Herrschaft über das Reich beteiligter Angehöriger des hohen Adels ***‹in übertragener Bedeutung:› (biblisch) der Fürst dieser Welt (der Teufel)** 2. a) Adelstitel eines Angehörigen des hohen Adels im Rang zwischen Graf und Herzog b) Angehöriger des hohen Adels im Rang zwischen Graf und Herzog 3. Herrscher, Monarch

Таблица 3

ЗНАЧЕНИЯ АНТРОПОНИМА **HERZOG**

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (dwds.de)	Duden online (duden.de)
Adelstitel, Rangstufe zwischen Fürst und König	1. a) (in germanischer Zeit) für die Dauer eines Kriegszugs gewählter oder durch Los bestimmter Heerführer b) (von der Merowingerzeit an) über mehrere Grafen gesetzter königlicher Amtsträger mit zunächst vorwiegend militärischen Aufgaben, später zum Teil stammesherrschaftlichen Befugnissen [und Unabhängigkeit vom König] 2. a) Adelstitel eines Angehörigen des hohen Adels im Rang zwischen König und Fürst (als Bestandteil des Familiennamens hinter dem Vornamen stehend) b) Angehöriger des hohen Adels im Rang zwischen König und Fürst; Träger des Adelstitels Herzog (2a)

схожее переносное употребление антропонима *König* рассматривается скорее как часть иллюстративной зоны к значению «Träger des Königstitels» («носитель королевского титула»).

Проанализировав приведенные в таблице 2 словарные значения антропонима *Fürst*, мы можем сделать вывод, что только в словаре DWDS выделяется отдельное значение «первый, превосходящий других (в чем-либо)» («der erste, die andern Überragende»). В словаре Duden такое значение незафиксировано, однако присутствует указание на возможность использования антропонима *Fürst* для наименования дьявола (der Fürst dieser Welt) преимущественно в текстах религиозного содержания.

Что касается употребления антропонима *Herzog* в переносном значении для указания на особые достижения, то здесь словари DWDS и Duden едины в своих дефинициях: значение, передающее идею высоких достижений и общественного признания, отсутствует. Очевидно, это связано с объективно более редким, по сравнению с антропонимами *König* и *Fürst*, использованием этого антропонима в таком значении.

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ СРАВНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ A1 = A + GX

Проанализировав использование этих антропонимов в метафорическом значении, мы выделили следующую рекуррентную лингвокогнитивную сравнительную модель, построенную на механизме отождествления:

A1 = A + gX, где:
- A1 – объект сравнения;
- A – широкозначный антропоним, обозначающий титул и / или статус лица (König, Fürst, Herzog);
- gX – определение в форме родительного падежа, указывающее на область деятельности объекта сравнения (A1).

(1) *Rudolf Miele*, „der *bescheidene König der Hausgeräte*“, habe sie eröffnet, von Journalisten umschwärmt, „als sei er ein hoher Staatsgast“ (*Die Zeit, 02.03.2000, Nr. 10*).

В контексте (1) речь идет о Рудольфе Миле (*Rudolf Miele*), немецком предпринимателе, управляющем совладельце группы компаний «Miele». Рудольф Миле – внук основателя компании и в свое время занимался выведением компании на европейский, а затем и мировой рынок. В СМИ можно встретить упоминания Рудольфа Миле в числе великих людей в сфере разработки бытовой техники (*die großen Männer der Haushaltstechnik*). В предпринимательской деятельности Рудольф Миле занимал всеми признанное высокое положение, это позволило сравнить его с королем бытовой техники – *König der Hausgeräte*. Такое сравнение указывает на наличие некоей достигнутой вершины, о чем свидетельствует и другое сравнение, которое можно встретить в немецкоязычных статьях о семье Миле – *König der Waschmaschinen*, т. е. король стиральных машин. Именно стиральные машины сделали компанию «Миле» знаменитой: еще до начала Первой мировой войны, используя свои разработки по изготовлению молочных сепараторов, компания представила общественности первую стиральную машину. Сегодня можно смело утверждать, что имя семьи Миле используется как синоним качества «Made in Germany», а Рудольф Миле, воспринимается журналистами как высокопоставленный гость государственного масштаба (*ein hoher Staatsgast*).

Важно заметить, что универсальная модель, представленная в контексте (1) расширяется за счет указания на личностные характеристики носителя антропонима: прилагательное *bescheiden* акцентирует внимание, вероятно, на несвойственной «обычным» королям, но присущей Рудольфу Миле, скромности. Помимо других качеств, часто приписываемых Рудольфу Миле в СМИ, отмечается, что он твердо стоит на земле (*bodenständig*) и любит свою родину (*heimatverbunden*).

Традиционно широкий пласт контекстов представлен «спортивной» тематикой. Контексты (2) – (4) отражают событиям XXXI летних Олимпийских игр 2016 года в Рио-де-Жанейро.

(2) *Ashton Eaton* (USA) hat zum zweiten Mal in Serie Zehnkampf-Gold bei den Olympischen Spielen gewonnen. Der 28-Jahre alte *König der Athleten* setzte sich in Rio de Janeiro mit 8893 Punkten gegen den Franzosen Kevin Mayer (8834) und den Kanadier Damian Warner (8666) durch *(Die Zeit, 19.08.2016*).

В контексте (2) представлено сравнение американского легкоатлета-многоборца Эштона Итона (*Ashton Eaton*) с королем атлетов – *König der Athleten*. Список спортивных достижений Эштона Итона действительно внушительный: двукратный олимпийский чемпион, пятикратный чемпион мира, действующий рекордсмен в семиборье и экс-рекордсмен планеты в десятиборье. Это послужило основанием для сравнения Итона с королем *среди* атлетов: сам титул он заслужил благодаря успешному выступлению в соревнованиях (*sich durchsetzen*).

(3) „*Bolt*, unsterblicher *König der Leichtathletik*“ (*Die Zeit, 15.08.2016*).

В контексте (3) представлено сравнение с другим известном легкоатлетом – Усейном Болтом (*Usain Bolt*), который среди прочего является единственным спортсменом, которому удалось выиграть спринтерские дистанции на 100 и 200 метров на трех Олимпиадах подряд (в 2008 г. в Пекине, в 2012 г. в Лондоне и в 2016 г. в Рио-де-Жанейро). Очевидно, что именно целеустремленность и высокая результативность служат основанием для сравнения Болта с королем легкой атлетики – *König der Leichtathletik*, при этом усиление происходит и за счет включения в структуру сравнения прилагательного *unsterblich*, что свидетельствует о том, что сам Болт не сдается, его спортивные заслуги не будут забыты, и, следовательно, как король легкой атлетики он бессмертен.

(4) *Kohei Uchimura* ***bleibt*** *der König der Kunstturner*. Der japanische Superstar gewann am Mittwoch in Rio de Janeiro den olympischen Sechskampf mit 92,365 Punkten vor dem Ukrainer Oleg Wernjajew (92,266) und dem Briten Max Whitlock (90,641) (*Die Zeit, 15.08.2016*).

В контексте (4) речь идет о японском гимнасте, обладателе трех золотых и четырех серебряных медалей Олимпийских игр, десятикратном чемпионе мира Кохэе Утимура (*Kohei Uchimura*). Невероятно точное исполнение упражнений позволило спортсмену стать первым гимнастом, выигравшим многоборье на всех крупных стартах в одном олимпийском цикле. Несмотря на высокую конкуренцию на Олимпиаде в Рио-де-Жанейро японскому гимнасту всё же удалось взять золото и сохранить свой титул короля спортивной гимнастики – *König der Kunstturner*.

Проанализировав сравнения в контекстах (1) – (4), мы можем сделать вывод о том, что титул короля в той или иной области, во-первых, присваивается за выдающиеся достижения (см. контекст (1)). Во-вторых, должен подтверждаться соответствующими действиями (см. контексты (2) – (4)), что, в свою очередь, позволяет время от времени наделять «королевским» титулом разных людей. И, в-третьих, титул короля может сохраняться за некоторыми особо выдающимися людьми «навечно» (см. контекст (3)).

Обратим внимание и на структурную особенность представленной лингвокогнитивной модели, а именно, на определения в форме родительного падежа, указывающие на область деятельности объекта сравнения. В контексте (1) сфера деятельности вербализуется за счет указания на некий предмет, в котором носитель имени хорошо разбирается (бытовая техника). В контекстах (2) и (4) определение представлено непосредственно сферой деятельности объекта сравнения (легкая атлетика, гимнастика). В контексте (3) также присутствует указание на сферу деятельности, в котором уже некая группа людей занимается тем же делом, что и носитель имени (*Athleten*).

В рамках исследования также были отобраны контексты (5) – (6), в которых антропоним *Fürst* в сравнении касается области науки.

(5) Das Ergebnis ist bekannt: *Gauß* hatte im zarten Alter von neun Jahren die Summenformel der arithmetischen Reihe entdeckt und wurde später der „*Fürst der Mathematik*“ (*Berliner Zeitung, 19.08.2003*).

Немецкий математик XVIII века Карл Фридрих Гаусс (Johann Carl Friedrich Gauß) является одним из величайших умов своего времени. Список его открытий впечатляет: ему принадлежат открытия в области математики, астрономии, геодезии, физики и др. Говоря о заслугах Гаусса, необходимо заметить, что его гениальность проявилась еще в раннем детстве. После смерти Гаусса король Ганновера Георг V приказал отчеканить медаль с портретом ученого и надписью *Fürst der Mathematik* (*Король математики*). Именно под этим титулом Гаусс вошел в мировую историю. Важно отметить, что в немецкой традиции Гаусс не король (*König*), а князь или фюрст (*Fürst*), математики, что, разумеется, ничуть не умаляет его заслуг. Объяснением этому может служить само время возникновения этого сравнения – XVIII век. Именно на этот период (XVII–XVIII вв.) приходится расцвет абсолютной монархии в странах Западной Европы. В немецкоязычных словарях (см. табл. 2) фиксируется, что титул *Fürst* существует со времен Средневековья и указывает на то, что его владелец относится к высшей аристократии и иерархически подчинен королю, т. е. в иерархии правления в Священной Римской империи стоит сразу после короля. Таким образом, можно сделать вывод, что Гаусс был наделен на тот момент наивысшим возможным для «обычного» человека титулом.

(6) Noch im Jahr der Immatrikulation veröffentlicht *Ritter* seine erste Arbeit, eine chemische Analyse. *Der Fürst der zeitgenössischen Naturwissenschaft*, *Alexander von Humboldt*, wird auf den jungen Studenten aufmerksam (*Die Zeit, 03.09.1998, Nr. 37*).

В контексте (6) князем современного естествознания – *Fürst der zeitgenössischen Naturwissenschaft* – называют Александра фон Гумбольдта

(*Alexander von Humboldt*), известного немецкого ученого-географа, ботаника, зоолога и путешественника, внесшего существенный вклад в науку в XVIII веке (соответствует *zeitgenössisch*). Примечательно, что в контексте речь идет о том, что великий ученый обращает внимание на работу своего студента, в последствии известного ученого-физика Иоганна Риттера (*Johann Wilhelm Ritter*). Гумбольдт просит 21-летнего Риттера сделать критический анализ недавно изданной книги о гальванизме. Гумбольдту, как настоящему властителю науки, было под силу сделать такое – отчасти невероятное с точки зрения научного сообщества – предложение. Но знания, сила дедукции и одержимость экспериментами Риттера действительно вызывали всеобщее восхищение: Новалис, обыгрывая фамилию ученого, сравнивает Риттера с рыцарем, а всех вокруг называет пажами:

Ritter ist Ritter und wir sind nur Knappen (*Berliner Zeitung, 02.12.2002*).

Антропоним *Herzog* может быть использован в сравнении в той же функции, что и другие антропонимы, отобранные для исследования, однако частота таких сравнений значительно ниже. В контекстах (7) – (8) антропоним *Herzog* актуализирует свое «военное» значение:

(7) Er wurde nicht vom Paulus zum Saulus. Mit Afghanistan erlebte er kein umgekehrtes Damaskus. Er wandelte sich nicht vom *Friedensanwalt* zum *Herzog des kalten Krieges* (*Die Zeit, 13.08.1982, Nr. 33*).

В статье, напечатанной в 1982 году в газете «Die Zeit» под заголовком «ein Präsident der Versöhnung und sein Scheitern», Джимми Картера, 39-го президента США (1977–1981), получившего в 2002 году Нобелевскую премию мира «за большой вклад в мирное решение международных конфликтов, укрепление демократии и прав человека», называют президентом примирения, потерпевшем поражение. И хотя время президентства Джимми Картера оценивают неоднозначно, «превращения Савла в Павла» не было: Джимми Картер не отказался от своих идей открытого внешнеполитического курса и защиты прав человека во всем мире (*Friedensanwalt*) и не стал герцогом холодной войны – *Herzog des kalten Krieges*, вероятно в отличие от своих предшественников. В основе сравнения с *Herzog* лежит идея «военного предводителя», что закреплено в словарном значении слова (см. табл. 3, колонка *Duden online* (duden.de).

(8) Sollte der streitbare *Herzog der ÖTV* mit seinem Abgesang auf die Standesorganisationen eben das oder etwas ähnliches meinen, so müssen wir ihm applaudieren, wenn damit auch nichts aufregend Neues gesagt wird (*Die Zeit, 23.08.1956, Nr. 34*).

В контексте (8) представлено небезосновательное сравнение Адольфа Куммернусса (*Adolph Kummernuss*), председателя профсоюза работников коммунального хозяйства и транспорта (*Gewerkschaft Öffentliche Dienste, Transport und Verkehr* (*ÖTV*)) в период экономического чуда, с герцогом, т. е. воинственным (*streitbar*) предводителем профсоюза. Помимо плодотворной работы в своем профсоюзе, Куммернусс был участником ключевых встреч, связанных с созданием федерации профсоюзов в послевоенной Германии. Он призывал работников вступать в профсоюзы, решать проблемы путем переговоров, а не забастовок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтверждает тезис о существовании определенной рекуррентной лингвокогнитивной сравнительной модели (A1 = A + gX), элементом которой выступают широкозначные антропонимы, обозначающие титул человека. Благодаря своему семантическому развитию, закрепленному в серьезных лексикографических источниках, антропонимы *König*, *Fürst* и *Herzog* активно используются в метафорическом сравнении. Особый лингвокогнитивный потенциал этих языковых единиц, а именно: их способность на основе внутренних глубинных связей аккумулировать в себе колоссальные массивы информации, связанные как с семантикой лексемы, так и с лингвокогнитивными интенциями и мотивами адресата, является предпосылкой к их использованию для категоризации и номинации определенного класса явлений.

Мотивирующим признаком неизменно выступают выделяемые качества «превосходства» и «лидирующей позиции» носителя имени в некоей сфере деятельности. Таким образом, при сравнении наблюдается переход от исходного значения широкозначного антропонима к «символьному». Включенное в состав модели определение в форме родительного падежа указывает на определенную сферу деятельности объекта сравнения. Универсальная модель может подвергаться модификации: в ее состав может включаться указание на личностные характеристики носителя антропонима, выраженное, как правило, прилагательным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. Телия В. Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
3. Краева И. А. Развитие категории «градуальность» в английском языке: монография. М.: Триумф, 2021.
4. Hahnemann S. Vergleiche im Vergleich: zur Syntax und Semantik ausgewählter Verglechsstrukturen mit «als» und «wie» im Deutschen. (Limguistische Arbeiten 397). Tübingen: Niemeyer, 1999.
5. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). М.: Наука, 1977. С. 129–221.
6. Гулыга Е. В., Шендельс Е. О. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969.
7. Семина И. А. Общая специфика семантики широкозначных антропонимов современного французского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 6 (745). С. 129–139.
8. Цветаева Е. Н., Куликова В. А. Концептуальная интеграция: антропонимы в антономасическом сравнении // Русская германистика. М.: ФЛИНТА, 2021. Т. 18. С. 474–491.

REFERENCES

1. Kubrjakova, E. S. (2004). Jazyk i znanie: na puti poluchenija znanij o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira = Language and knowledge: on the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.)
2. Telija, V. N. (1990). Nominacija = Nomination. In V. N. Jarceva (ed.), Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. Sovetskaja jenciklopedija. (In Russ.)
3. Kraeva, I. A. (2021). Razvitie kategorii «gradual'nost'» v anglijskom jazyke = The development of the category "gradation" in the English language. Moscow: Triumf. (In Russ.)
4. Hahnemann, S. (1999). Vergleiche im Vergleich: zur Syntax und Semantik ausgewählter Verglechsstrukturen mit «als» und «wie» im Deutschen. (Limguistische Arbeiten 397) Tübingen: Niemeyer.
5. Telija, V. N. (1977). Vtorichnaja nominacija i ee vidy = Secondary nomination and its types. In V. N. Telija (ed.), Jazykovaja nominacija (Vidy naimenovanij) (pp. 129–221). Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Gulyga, E. V., Shendel's, E. O. (1969).Grammatiko-leksicheskie polya v sovremennom nemetskom yazyke = Grammar-lexical fields in modern German. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
7. Syomina, I. A. (2016). General semantic traits of wide-meaning anthroponimics in modern French. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 6(745), 129–139. (In Russ.)
8. Tsvetaeva, E. N., Kulikova, V. A. (2021). Conceptual Integration: Anthroponyms in Antonomasia. Russkaja germanistika, 18, 474–491. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куликова Валерия Александровна

преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка Института иностранных языков им. М. Тореза
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kulikova Valeriya Alexandrovna

Lecturer at the German Lexicology and Stylistics Department, Faculty of the German Language,
M. Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 10.07.2022
одобрена после рецензирования 18.08.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 10.07.2022
approved after reviewing 18.08.2022
accepted for publication 14.09.2022

Научная статья
УДК 811.112
DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_69

Развитие абстрактной лексики в средневековой проповеди (на примере слова «tugent» в наследии Мейстера Экхарта)

Т. А. Лазарева[1], **Е. Н. Цветаева**[2]

[1,2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*tatiandreevna13@yandex.ru*, [2]*elenatsvetaeva@yandex.ru*

Аннотация. Исследование выполнено в русле исторической семантики и посвящено рассмотрению развития абстрактного значения у лексем в средневерхненемецкий период (на примере ключевого для проповеди этого времени понятия «tugent», выраженного соответствующей лексемой и ее производными). В статье демонстрируется взаимодействие внешних и внутренних лингвистических факторов, а также роль отдельной личности (Мейстер Экхарт) в процессе становления значения лексемы и формирования класса абстрактной лексики, типичной для немецкого Средневековья.

Ключевые слова: абстрактная лексика, историческая семантика, мистическое богословие, значение, абстрактная семантика, словообразование

Для цитирования: Лазарева Т. А., Цветаева Е. Н. Развитие абстрактной лексики в средневековой проповеди (на примере слова «tugent» в наследии Мейстера Экхарта) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 69–75. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_11_866_69

Original article

Development of Abstract Vocabulary in Medieval Sermon (on the case of the word "tugent" in the Legacy of Meister Eckhart)

Tatiana A. Lazareva[1], **Elena N. Tsvetaeva**[2]

[1,2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*tatiandreevna13@yandex.ru*, [2]*elenatsvetaeva@yandex.ru*

Abstract. This study is conducted in the paradigm of historical semantics and is devoted to studying the development of abstract meaning in lexical items in the Middle High German period (using the concept "tugent", a key concept in the sermon of that time, expressed by the corresponding lexical item and its derivatives as an example). The article demonstrates the interaction of external and internal linguistic factors, as well as the role of an individual (Meister Eckhart) in the process of lexical item meaning evolution and formation of abstract vocabulary typical of the German Middle Ages.

Keywords: abstract vocabulary, historical semantics, mystical theology, meaning, abstract semantics, word formation

For citation: Lazareva, T. A., Tsvetaeva, E. N. (2022). Development of Abstract Vocabulary in Medieval Sermon (on the case of the word «tugent» in the Legacy of Meister Eckhart). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 69–75. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_69

ВВЕДЕНИЕ

Любое исследование в сфере исторической семантики сталкивается с проблемой поиска и отбора репрезентативного эмпирического (текстового) материала, позволяющего судить о семантических процессах отдаленных эпох и выдвигать убедительные гипотезы относительно роли выявленных тенденций при формировании лексико-семантической системы языка. В случае с богословскими текстами исследование осложняется и тем, что оно ограничено теологическим дискурсом, хотя произведения и рассчитаны на широкую аудиторию. Изучение средневековых текстов предполагает учет, в частности, латинской богословской традиции, мистической духовной литературы и особых условий появления наиболее значимых текстов в соответствующий период.

Цель настоящего исследования выявить и систематизировать лингвистические средства, которыми пользуются авторы немецкоязычных проповедей и трактатов в условиях формирования языка мистики и схоластики на фоне уже существующих заимствованных (латинских) лексических единиц с абстрактной семантикой. Материалом для исследования послужили тексты проповедей и трактатов Мейстера Экхарта, являющегося одной из ключевых фигур в немецкой духовной культуре Средневековья. Источником служит издание трудов Мейстера Экхарта из серии «Deutsche Mystiker des vierzehnten Jahrhunderts» [Meister Eckhart, 1906].

Мейстер Экхарт известен как автор не только научных богословских трудов, но и как практикующий проповедник, который стремился донести до христианских общин основные положения духовной практики, осуществляемой в рамках монастырских духовных школ. Вслед за ним создают свои труды такие мистики, как Генрих Сузо и Якоб Бёме, однако именно словотворческая деятельность Экхарта повлияла на язык не только немецкой теологии, но и на язык философии, в том числе и современной, в частности, немецкого экзистенциализма Мартина Хайдеггера.

Благодаря систематическому использованию новых дериватов, образованных на основе ряда словообразовательных моделей, Экхарт создает очень емкие обозначения для ментальных процессов и понятий невидимого мира; некоторые образованные им лексемы в дальнейшем расширили свое значение и вошли в научный и бытовой обиход, например *Begriff*, *begreifen*, *Einbruch*, *Ausbruch*, *Durchbruch*, *Einfluss*, *Einbildung* и др.

Объем лексики, созданной Экхартом, не представляется возможным охватить в одном исследовании; в данной статье внимание обращено на лексему *tugent* как обозначение добродетельных качеств Средневековья. В дополнение также будут приведены примеры употребления производных лексических единиц, поскольку автор чередует употребление *tugent* в духовном смысле с сочетанием однокоренного прилагательного *tugentlich* с существительными, обозначающими дела или упражнения: *tugentliche werke / üebunge* [там же, с. 450] или в сочетании *tougenlîche stilheit* (*der einekeit*) – добродетельная тишина (единение) [там же, с. 520, 524, 526].

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН СОЗДАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРОПОВЕДЕЙ

На фоне разыгравшейся чумы в городах средневековой Европы повсеместно царят апокалиптические настроения и страх смерти. В связи с высоким уровнем смертности люди обращаются в храм за совершением большого количества таинств, ищут утешения и общения с Богом. Одним из последствий для института Церкви стало в этой связи резкое увеличение состава клира [Moeller, 2011]. В XIII–XIV веках католическую церковь в Германии характеризует своеобразный выбор духовенства: в сферу деятельности более образованных представителей входили внутренние дела Церкви и решение официальных вопросов, а также контакты с государственной властью, а для совершения таинств и общения с прихожанами выбирали священников менее грамотных [там же]. Будучи не в состоянии донести суть католического богословия до простого населения, они создали благоприятную почву для развития жанра проповеди в монастырях, которые, со своей стороны, к этому времени уже стали главными хранителями духовного и культурного наследия, а также позволили прихожанам знакомиться с мистической стороной христианской доктрины.

Немецкое монашество видело цель проповеди в распространении благочестия и объяснении того, как осуществляется общение души с Богом. Это нашло широкий отклик особенно у прихожанок, и с этого времени начала развиваться мистическая литература в женских обителях. Похожая ситуация распространяется по всей Европе. Мистические работы представлены, в частности, произведениями Мехтильды Магдебургской, Маргариты Поретанской, Ядвиги Антверпенской, Хильдегарды Бингенской и др. [Реутин, 2018]. Люди погружаются в монастырскую среду, и актуальным становится перевод богословских произведений на национальные языки и адаптация монашеской литературы для мирян, что, безусловно, влекло за собой ряд сложностей.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА РАННЕЙ МИСТИКИ

Мистическая духовная традиция примечательна попыткой выразить опыт и переживания души, которые не имеют прямых соответствий в материальном мире. Трансцендентность и невозможность объяснить привычными средствами языка явления мира горнего подтолкнули мистиков к созданию своего поэтического языка в том смысле, как это понимает В. Н. Топоров, а именно, как языка, важное свойство которого состоит в «строгой детерминации формальной структуры плана выражения и «поэтического» со стороны специфических структур плана содержания» [Топоров, 1989, с. 220].

В качестве исходного пункта мистического богословия средневековая Церковь рассматривает прежде всего ветхозаветный текст Песни Песней, который дает все предпосылки для аллегорической экзегезы [Волжин, 2016], что в дальнейшем проявляется, например, в представлении взаимоотношений жениха и невесты как отношений души с Богом [Протоиерей Геннадий Фаст, 2000].

И для Экхарта Песнь Песней выделяется на фоне других книг Священного Писания. В частности, в своей проповеди «О гневе души» он отсылает читателя к отрывкам, которые приводит в собственном изложении: «Вот я обошла вокруг света и все же не дошла до его конца. Тогда устремилась я к самому средоточию его, ибо пленило оно меня видом своим!»; «Через все горные вершины перешла я, одолела и собственное немощное Я…» [Мейстер Экхарт, 2018, с. 117] (приведенные цитаты не отражены в синодальном переводе Ветхого Завета на русский язык. Подобная цитация характерна для средневековых авторов, которые, по всей видимости, прибегали к известным отрывкам Библии по памяти, что было также свойственно отцам восточной (православной) церкви, например Григорию Паламе [Григорий Палама, 2000]).

Однако мистическая литература имеет в своей основе не только толкование Священного Писания, но и собственное содержание и свой предмет обсуждения и восходит по способу выражения мысли к (псевдо-)Дионисию Ареопагиту, христианскому святому I века, в наследии которого присутствуют трактаты, посвященные описанию небесной и церковной иерархии, божественных имен и таинственному богословию. Можно утверждать, что именно он послужил для мистиков образцом при описании трансцендентных понятий и стал одним из главных богословских авторитетов для Экхарта, который многократно на него ссылается [Мейстер Экхарт, 2018].

В своих работах Дионисий Ареопагит апеллирует к таким словам, как *мрак* (точнее мрак неведения, однако отмечает, что под мраком следует понимать твердь, небо, а под неведением – способ богопознания [Дионисий Ареопагит, 2002, с. 745]), *осияние*, *схождение светосвечения*, *светодаяние* и др. [там же, с. 37]. Отдельно следует отметить, что в труде «О небесной иерархии» Дионисий Ареопагит приводит логику описания небесного мира: «Богословы, приступая к изображению в чувственном виде существ совершенно бестелесных, должны были отпечатлеть и представить их в образах, им свойственных и, сколько возможно, с ними сродных, заимствуя таковые образы от существ благороднейших – как бы невещественных и высших; а не представлять небесных, Богоподобных и простых существ в земных и низких многоразличных изображениях» [там же, с. 49].

Так, на основе трактатов Дионисия Ареопагита можно выделить следующие характерные особенности языка мистики: использование аналогии и различных тропов (таких как метафора, метонимия) для описания горнего мира; сознательный уход от существующих в мире реальных образов; частое использование отглагольных существительных для обозначения божественных свойств истечения, исхождения, существования[1].

Эти и другие лексические и стилистические особенности изложения прослеживаются во всей мистической литературе, поскольку любой христианский автор, желая находиться в русле традиции Священного Предания[2], был призван выдерживать заданные параметры. Именно с этой целью немецкоязычная проповедь прибегает к такому большому количеству производных. Часто производные существительные создаются путем добавления суффиксов *-heit, -keit, -unge, -schaft* к глагольной основе. Например, ключевое *abgeschiedenheit* или *bewegunge*.

ЯЗЫК МИСТИКИ МЕЙСТЕРА ЭКХАРТА

Говоря о немецкой проповеди XIII века, следует указать, что до появления произведений Экхарта средневерхненемецкий использовался преимущественно как вспомогательный по отношению к

[1] Особое место занимает слово *сущий*, на которое также обращает внимание преп. Максим Исповедник в своих комментариях к произведению «О небесной иерархии»: именно Сущий – библейское имя Бога, которое дается Моисею и встречается в книге Исход (3:14), и в переводах на различные языки сохраняется именно причастная форма.

[2] Священное Предание включает в себя корпус текстов, составляющих Священное Писание (Библию), и творения Отцов Церкви. Из них Иоганн Экхарт чаще всего использует произведения блаженного Августина и Дионисия Ареопагита.

латиноязычному материалу [Бондарко, 2014]. Латынь – один из языков Священного Писания, и это оправдывало использование именно латинского языка в западной богословской среде. Однако латынь не была «народным» языком средневековой Германии, следовательно, проповеди, написанные на латыни, в принципе не могли найти отклик в среде церковных общин.

Неоценимая заслуга Мейстера Экхарта при написании проповедей состоит именно в том, что он смог использовать уже имеющийся в традиции языковой материал для создания новой богословской концепции об отрешенности как вершине духовного развития человека и высшей добродетели. Помимо представленных выше характеристик языковых средств мистики можно назвать также следующие: «ипостазирование» абстрактных лексем, т. е. наделение их собственной сущностью, метафоризацию конкретной лексики — необходимый инструмент мистической духовной литературы, использование предикатов в качестве атрибутов (например, *излияние*, *истечение*, *исхождение* и др.) [Реутин, 2018].

Перечисленные явления и процессы уже имеют место в рамках мистической традиции Дионисия Ареопагита, однако все приведенные примеры (а также не приведенные здесь, но имеющиеся в других его трактатах) относятся к описанию божественной природы или духовной реальности вне взаимодействия с человеком.

Принципиальное отличие средневековой мистики от так называемой древней состоит в том, что Экхарт уже имеет представление о личности, индивидуальности [там же], а это значит, что и свойства души приобретают для него личностный характер. Переосмысление взаимоотношений человека с Богом заключается в осмыслении их активного общения на межличностном уровне, а также в способности человека со своей стороны обладать некими атрибутами (пусть и не в полной мере) духовной реальности. К ним относится, в частности, *tugent*. Условно значение этого понятия можно объяснить с помощью рус. *добродетель*, но это не будет в рассматриваемом дискурсе единственно возможным вариантом в силу особенностей этимологии и семантического развития лексемы, которые при интерпретации языкового материала всегда заставляют отдельно учитывать аспект наличия / отсутствия исторического семантического тождества лексемы.

ЛЕКСЕМА *TUGENT* В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МЕЙСТЕРА ЭКХАРТА

Этимологически *tugent* восходит к причастию I от претерито-презентного глагола *tūgen*, который можно перевести как *годиться*, *подходить*. На момент создания текстов Экхарта его употребление бывает омонимичным: форма соответствует как причастию, так и существительному, хотя в его трудах оно используется преимущественно в качестве существительного.

Несколько раз в текстах Экхарта встречается особая форма *tougeni* для обозначения библейской добродетели, точнее в обозначении Библии как книги добродетели, например, в проповеди 112 [Meister Eckhart, 1906, с. 303]:

> Diz zil verwunderte den hôhen adelar Johannes in dem buoche der ***tougeni***. – *букв.* 'Эта цель привела в изумление орла Иоанна в Книге Добродетели'[1].

В некоторых случаях можно встретить также постепенно выходящий из употребления в средневерхненемецкий период глагол *tüegen* со значением «осиливать, пытаться, стремиться, силиться», как, например проповедь 5 [там же, с. 32]:

> ...alle crèatiure suochent sîne minneclicheit ze minnende, sie ***tüegen*** ez wizzende oder unwizzende, es sî in liep oder leit. – ...Всё творение ищет его милости к любящим, они стремятся к этому осознанно или неосознанно, в любви или страдании.

Также в нескольких случаях *tugent* встречается в форме причастия, в частности, в отрывке *in der kraft der* ***tugende*** *minne* (проповедь 107) [там же, с. 353].

Любопытен момент противопоставления различных сем *tugent* в проповеди 14:

> du... solt haben an dir edelkeit alles gesteines, daz ist, daz alle ***tugent*** in dir beslozzen sint unde wesentlich von dir vliezent. Du solt alle ***tugent*** durchgân und übergân unde solt alleine die ***tugent*** nemen in dem grunde, dâ si ein ist mit göttlicher natùre [Meister Eckhart, 1906, с. 71].

В первом случае ***tugent*** выступает в значении силы, положительного качества, годности (сема, более актуальная для двн. памятников), а далее происходит объединение со значением божественной природы добродетели.

При этом в ряде контекстов *tugent* в значении физической характеристики рассматривается как антипод божественной добродетели, хотя добродетели, присущие человеку естественным

[1] Образ орла использовался в средневековой геральдике и иконографии для обозначения апостола Иоанна. Менее буквальный перевод звучал бы: «эта цель привела в изумление апостола Иоанна в Книге Добродетели» (т. е. в Библии).

образом, обладают своей силой и благородством: «sô edele und sô kreftic sint» [Meister Eckhart, 1906, с. 433]. Упражнение в ***tugent*** ради стяжания ***tugent*** самой по себе приравнивается к греху и является «очернением» добродетели в высоком (божественном) смысле.

В новом понимании ***tugent*** уже не в значении силы, а добродетели / совершенства души образует бинарное сочетание с *lîden* (страдания). В наследии Мейстера Экхарта можно найти несколько примеров союза добродетели и страданий, один из них в трактате «Daz buoch der götlîchen trœstunge» [там же]: «Noch sol man wizzen, daz ***tugende*** haben unt ***lîden*** wellen gerne unt gedulteclichen hât ein wîti», где речь идет о том, что человек, желающий стяжать добродетель и пережить страдания, разумен (…и по сравнению с другими людьми красивее и умнее). Однако само по себе страдание добродетелью не является. Оно приходит к человеку, чтобы он обрел добродетель в глазах Бога [там же], что объясняет также сочетание *tugent* и *gedult / demütikeit* (*добродетель* и *терпение / смирение*) в ряде работ [там же]. Употребление подобных бинарных сочетаний, обладающих определенной степенью устойчивости, типично и для более поздних религиозных текстов:

> Es mangelt an der nachfolg/ Christi Liecht leuchtet fürher in Lieb / ***Tugenden vnd Leiden*** / aber wer folget nach?[1]

> Pauli in vielen ***Tugenden und Leiden*** v. 10. 11. und aller Gläubigen v. 12. [2]

Иногда ***tugent*** рассматривается в обобщенном смысле как своего рода совокупность душевных качеств, совершенство. Подобного совершенства можно достичь, если забыть самого себя (отрешиться), и у этого отрешения есть четыре ступени (проповедь 86) [Meister Eckhart, 1906]: отрешение от всего преходящего, изменение поведения человека, обращение к себе, соединение с Богом. В Боге обретаются все добродетели в одной: «…daz ist in gote, unde dâ vindet man **alle tugende in einer tugent**» [там же].

Для авторов эпохи Средневековья было характерно находить связь чисел и событий, имен, персонажей, цветов и образов. Мейстер Экхарт также поддерживает эту традицию в отношении духовных реалий. Например, в проповеди 68 он говорит о сети 7 добродетелей ипостаси Отца, 7 совершенств Сына, 7 даров Святого Духа и 7 святынь христианства. В тексте 76 проповеди он раскрывает 7 добродетелей как 4 добродетели души (*wîsheit, mâze, sterke unde gerehtikeit*) и 3 божественных добродетели (*geloube, hoffenunge unde minne*), аналогичную классификацию он приводит в трактате «Von der sêle werdikeit und eigenschaft» [Meister Eckhart, 1906].

Также в 105-й проповеди [там же] упоминаются 12 добродетелей Богородицы: *diemütikeit, gedult, vorhte, miltikeit, hezmeherzikeit, miltidunge, mezikeit, sterke, wisheit, gloube, hoffenunge unde minne*. В приведенном перечне можно отметить, что особое место отводится *sterke*, которая дает представление о силе в отличие от *tugent*, для которой эта сема была ключевой в древневерхненемецком, однако, как показывает наследие Экхарта, в средневерхненемецком ушла на второй план.

Как известно, в христианстве высшей добродетелью является любовь (1 Кор. 13:13). С точки зрения Экхарта, для достижения этой высшей добродетели необходимо прийти к отрешенности, чтобы впоследствии соединиться с вечным *ничто nihtes nicht* (проповедь 30) [Meister Eckhart, 1906]: последним Экхарт обозначает трансцендентного Бога во избежание использования мирских категорий для описания его мистической природы.

Живя в поле добродетелей, человек пожинает плоды (*fruht*) и получает благодать, благоволение, состояние его передается словом *lustlich* (*зд.* блаженный), особенно если он умирает в добродетели и «бросается в самое ничто» (обретает единение с трансцендентным Богом). Но и безотносительно смерти Мейстер Экхарт утверждает: «fruht der tugende rîchert den geist» [там же], т. е. «плоды добродетели (добродетельной жизни) обогащают дух», делая акцент на становлении личности в течение всей жизни.

Мейстер Экхарт поясняет, каким образом Бог являет себя человеку в добродетели. В 107-й проповеди он утверждает, что поскольку Бог – Троица, он является трижды. В первый раз он дает благодать «alle ***tugende*** zu erfüllen», далее открывает способность познавать людей и на третий раз – дает духовную свободу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, отметим превалирующее число упоминаний лексемы *tugent* в сугубо богословском ключе со значением «добродетель». В таблице представлено количество упоминаний лексемы

[1] Dannhauer, Johann Conrad: Catechismus Milch. Bd. 5. Straßburg, 1654 // Historische Korpora (1465–1969) URL: https://www.dwds.de/r/?corpus=dtaxl&q=Tugend%20und%20Leiden

[2] Lange, Joachim: Des Apostolischen Lichts und Rechts. Bd. 2. Halle, 1729 // Historische Korpora (1465–1969) URL: https://www.dwds.de/r/?corpus=dtaxl&q=Tugend%20und%20Leiden

Таблица

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ **TUGENT**

	tugent			tugengtlich / tugenhaft	tüegen / tuogi
	добродетель	сила	совершенство		
Всего	168	17	38	31	8

tugent и ее производных в соответствующих значениях в исследуемом источнике, где страницы 1–372 отводятся на проповеди, 373–596 – на трактаты и 597–688 – на изречения. Всего в сборнике встречается 262 упоминания слова *tugent* и его производных (*tugentlich*, *tugenhaft*, *tougi*).

Хотя Мейстер Экхарт не является первым автором, упоминающим этот термин в немецкоязычной мистике (в частности, его можно встретить у Мехтхильды Магдебургской[1]), но в своих трудах он чрезвычайно подробно раскрывает его значение для немецкого католицизма и широко применяет в разработке терминологического аппарата немецкого богословия наподобие существующего в латинской традиции, сформированной несколькими веками раньше Блаженным Августином, на которого опирается Мейстер Экхарт.

Формирование класса абстрактной лексики в рамках традиций средневековой немецкой проповеди представляет собой яркий пример взаимодействия внутрилингвистических (словообразовательная система немецкого языка определенного исторического периода) и экстралингвистических (латинская, в том числе богословская, традиция) факторов, а также роли отдельной личности в процессе становления языковых явлений.

[1] Mechthild von Magdeburg. Das fließende Licht der Gottheit. Buch I–XXII. URL https://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/13Jh/Mechthild/mec_1000.html#22

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Meister Eckhart // Deutsche Mystiker des vierzehnten Jahrhunderts. Herausgegeben von F. Pfeiffer. II. Unveränderte Auflage. Anastatischer Neudruck der Ausgabe von 1857. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1906.
2. Moeller B. Geschichte des Christentums in Grundzügen. 10. Auflage. Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co. KG, Göttingen, 2011.
3. Реутин М.Ю. Формирование языка немецкой мистики (шесть сюжетов). Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право, 43 (2), 2018. С. 203-214.
4. Топоров В. Н. Мейстер Экхарт – художник и «ареопагитическое» наследство // Палеобалканистика и Античность. Сборник научных трудов / отв. ред. д. ф. н. В. П. Нерознак. М.: Наука, 1989. С. 219-252.
5. Волжин С. В. Мартин Лютер и «Немецкая теология»: к вопросу о мистике как источнике реформационной теологии. 2016. Verbum, 18. С. 193–204.
6. Протоиерей Геннадий Фаст Толкование на книгу Песнь Песней Соломона Красноярск: Енисейский благовест, 2000.
7. Мейстер Экхарт Духовные проповеди и рассуждения / Мейстер Экхарт ; [пер. со средневерхненем. М. Сабашниковой]. М. : РИПОЛ классик, Пальмира, 2018.
8. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих / пер., послесловие и комм. В. Вениаминова. М.: Канон+, Реабилитация, 2011.
9. Дионисий Ареопагит Сочинения. Толкования Максима Исповедника. СПб.: Алетейя; Издательство Олега Абышко, 2002.
10. Бондарко Н. А. Немецкая духовная проза XIII–XV веков: язык, традиция, текст / отв. ред. М. Л. Кисилиер. СПб.: Наука, 2014.

REFERENCES

1. Meister Eckhart. (1906). Deutsche Mystiker des vierzehnten Jahrhunderts. Herausgegeben von F. Pfeiffer. II. Unveränderte Auflage. Anastatischer Neudruck der Ausgabe von 1857. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht.
2. Moeller, B. (2011). Geschichte des Christentums in Grundzügen. 10. Auflage. Vandenhoeck & Ruprecht GmbH&Co. KG, Göttingen.
3. Reutin, M. Y. (2019). Formirovanie yazyka nemeckoj mistiki (shest' syuzhetov) = Formation of the language of German mysticism (six plots) part 2. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo, 43(2), 203–214. (In Russ.)
4. Toporov, V. N. (1989). Mejster Ekkhart – hudozhnik i "areopagiticheskoe" nasledstvo = Meister Eckhart – the artist and the "Areopagitic" heritage. In V. P. Neroznak (ed.), Paleobalkanistika i Antichnost' (pp. 219–252). Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Volzhin, S. V. (2016). Martin Lyuter i «Nemeckaya teologiya»: k voprosu o mistike kak istochnike reformacionnoj teologii = Martin Luther and "German Theology": On the Question of Mysticism as a Source of Reformation Theology. Verbum, 18, 193–204. (In Russ.)
6. Protoierej Gennadij Fast (2000). Tolkovanie na knigu Pesn' Pesnei Solomona = Interpretation of the book Song of Songs of Solomon Krasnoyarsk: Eniseiskii blagovest. (In Russ.)
7. Meister Eckhart (2018). Duhovnye propovedi i rassuzhdeniya = Spiritual Sermons and Discourses, transl. from Old High German by M. Sabashnikova. Moscow: RIPOL klassik, Pal'mira. (In Russ.)
8. Grigory Palamas (2011). Triady v zashchitu svyashchenno-bezmolvstvuyushchih = Triads in defense of the sacred silent. Translation, afterword and commentories by V. Veniaminov. Moscow: Kanon+, Reabilitaciya. (In Russ.)
9. Dionysius the Areopagite (2002). Sochineniya. Tolkovaniya Maksima Ispovednika = Works. Interpretations of Maximus the Confessor. St. Petersburg: Aletejya; Izdatel'stvo Olega Abyshko. (In Russ.)
10. Bondarko, N. A. (2014). Nemeckaya duhovnaya proza XIII–XV vekov: yazyk, tradiciya, tekst = German spiritual prose of the XIII–XV centuries: language, tradition, text, ed. by M. L. Kisilier. St.Petersburg: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лазарева Татьяна Андреевна

старший преподаватель кафедры грамматики и истории немецкого языка
факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Цветаева Елена Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lazareva Tatiana Andreevna

Senior Lecturer, Department of Grammar and History of the German language,
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Tsvetaeva Elena Nikolaievna

PhD (Philology), Associate Professor,
Associate Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics,
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 10.05.2022
одобрена после рецензирования 20.05.2022
принята к публикации 21.06.2022

The article was submitted 10.05.2022
approved after reviewing 20.05.2022
accepted for publication 21.06.2022

Научная статья
УДК 81'271:004.946
DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_76

Кинорецензии на фильм Веймарской республики «Голубой ангел» в современных немецких СМИ

А. С. Новикова[1], **Г. Б. Воронина**[2]

[1,2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*alenuchka.noff90@gmail.com*
[2]*galinavoronina@yahoo.com*

Аннотация. Анализ кинорецензий на фильм «Голубой ангел» (1930) Веймарской республики в современных изданиях позволяет проследить изменение его оценки в ретроспективе, что находит отражение в языковой реализации. В статье представлены результаты исследования, выявившего особенности дискурсивных стратегий в современных кинорецензиях, ориентированных на разный круг читателей, и подтвердившего однозначную высокую оценку константы немецкой культуры – фильма «Голубой ангел».

Ключевые слова: кинорецензии, немецкий кинодискурс, современные СМИ, дискурсивные стратегии, особенности языка, дискурсообразующие лексические единицы, Веймарская республика

Для цитирования: Новикова А. С., Воронина Г. Б. Кинорецензии на фильм Веймарской республики «Голубой ангел» в современных немецких СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 76–82. DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_76

Original article

Film Reviews of the Weimar Republic Film «The Blue Angel» in Modern German Media

Alena S. Novikova[1], **Galina B. Voronina**[2]

[1,2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*alenuchka.noff90@gmail.com*
[2]*galinavoronina@yahoo.com*

Abstract. The analysis of the «The Blue Angel» film reviews of the Weimar Republic in modern publications allows to trace the change in a retrospective film evaluation, which is reflected in its language implementation. The following article presents the results of a study that revealed the discursive strategies in modern film reviews with a different readership and confirmed an unambiguous award of the German culture constant – the film «The Blue Angel».

Keywords: film reviews, German film discourse, modern media, discursive strategies, language peculiarities, discourse-forming lexical units, the Weimar Republic

For citation: Novikova, A. S., Voronina, G. B. (2022). Film reviews of the Weimar Republic film «The Blue Angel» in modern German Media. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 76–82. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_76

ВВЕДЕНИЕ

Возникновение кинорецензии как жанра и формирование кинокритики связано с зарождением кинематографа в начале XX века и становлением кино как отдельного, доминантного вида культуры. Кино Германии, зародившееся в конце XIX века, достигает своего расцвета в Веймарской республике, Берлин становится творческой мастерской мирового кино. С выходом фильмов возникает необходимость в их профессиональном оценивании, в печатных изданиях (общенациональных газетах, а также в специализированных журналах) появляются первые кинорецензии. Популярность жанра росла вместе с появлением новых фильмов, поскольку зрителю было важно получать информацию о фильме и его профессиональной оценке.

Фильм «Голубой ангел» вошел в историю кинематографа Германии. Несмотря на то, что картина появилась на экранах в 1930 году, она до сих пор остается предметом исследований кинокритиков. Мы выделяем следующие причины появления современных кинорецензий на фильм «Голубой ангел»: оцифровка киноленты и, как следствие, необходимость привлечения внимания потенциальных потребителей к новому продукту; постоянный интерес кинокритиков к произведениям кинематографа; ретроспективный взгляд на рецензии других кинокритиков, в том числе критиков-современников Веймарской республики. Мы исходим из предположения о том, что оценка определенных событий или явлений культуры, в том числе кинематографа, с течением времени может меняться. Наше исследование дискурсивных стратегий и практик немецкой кинокритики в Веймарской республике позволило установить диаметрально противоположные мнения специалистов о фильме «Голубой ангел» [Новикова, 2021].

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы проследить изменения оценки фильма «Голубой ангел» в ретроспективе на основе дискурсивных стратегий и дискурсообразующих лексических единиц в кинокритике XXI века по сравнению с оценками фильма в Веймарской республике.

Мы исходим из того, что особенности языка современных кинорецензий на фильмы в Веймарской республике являются частью гетерогенного дискурса кинокритики, отражают особенности текстовой культуры рецензентов, многообразие мнений об искусстве кино и детерминированы ценностной картиной мира современной Германии.

Актуальность исследования вытекает из востребованности изучения взаимодействия языка и социума в определенный исторический период, а также из необходимости анализа тенденций развития и эволюции текстовой культуры кинорецензий.

Материалом исследования послужили 32 немецкоязычных кинорецензии, размещенные как в общенациональных авторитетных изданиях («Der Spiegel», «Der Tagespiegel», «Die Welt», «Süddeutsche Zeitung»), так и в профессиональных («Blickpunkt: Film», «Kino-Zeit», «Filmbulletin», «Filmstarts»). В статье в связи с ее ограниченным объемом будут представлены результаты исследования кинорецензий в двух изданиях «Die Welt» и «Kino-Zeit».

СВОЕОБРАЗИЕ ЖАНРА КИНОРЕЦЕНЗИИ В ЛИНГВИСТИКЕ

В начале XX века главным средством массовой информации являлась периодическая печать. С появлением кино стали появляться специализированные журналы, где наряду с общенациональными газетами публиковались кинорецензии. Таким образом, кинорецензия представляла собой сложное явление социального взаимодействия, письменную регистрацию коммуникативной деятельности, один из главных источников воздействия на читателей.

Первоначально в кинорецензиях уделялось внимание возможностям развития кино как жанра – «нового вида искусства и технического чуда» [Гаранина, 2013, с. 28]. С появлением полномасштабных художественных фильмов профессиональные критики заинтересовались процессом написания кинорецензий. С признанием кино отдельным видом искусства в 1930-х годах кинокритики обратили свое внимание на художественную ценность фильма, а не на его техническое исполнение [Беленький, 2008, с. 48].

Жанр кинорецензии является объектом исследований не только критиков, журналистов и литературоведов, но и лингвистов.

Так, В. А. Эрман относит кинорецензию к разновидностям жанра рецензии [Эрман, 2011]; Д. Д. Брежнева рассматривает кинорецензию как жанр стилистически гибридный, совмещающий черты публицистического и художественного текста [Брежнева, 2013]. А. А. Тертычный, классифицируя жанры современной журналистики по трем группам (художественно-публицистические, информационные и аналитические), относит рецензию к последней группе [Тертычный, 2010].

Предметом рецензии, отличающей ее от других газетных жанров, выступают не факты действительности, а информационные явления – спектакли, кинофильмы, книги. А. А. Тертычный высказывает идею о том, что рецензию можно

отнести к информационному жанру, если автор не проводит анализ произведения, а предоставляет лишь сжатую информацию о нем. Если автор-критик дает аргументированный анализ и оценку произведению в своей рецензии, ее стоит отнести к аналитическим жанрам [Тертычный, 2010].

Мы исходим из того, что жанр современной немецкой кинорецензии на фильмы Веймарской республики является особым видом рефлексивной письменной коммуникации как представителей профессионального сообщества, так и зрителей и относим кинорецензию к аналитическому жанру.

Мы опираемся на положение Д. Д. Брежневой, что газетная рецензия является одним из наиболее мощных информационных источников воздействия на читателя. Исследователь считает, что для автора рецензии важно заинтересовать публику, не раскрывая целиком сюжет фильма, сохраняя тем самым интригу. Частичное информирование, побуждающее к просмотру фильма, является отличительной чертой структуры газетной рецензии.

Д. Д Брежнева провела структурный и языковой анализ кинорецензий на материале: качественных печатных англоязычных СМИ (для образованной аудитории); специализированных (ориентированных на узкий круг читателей); популярных (для широких масс). Исследователь выделила три функционально-тематических блока в структуре рецензии: введение, основную часть и заключение. Было установлено, что введение и заключение несут главную коммуникативную нагрузку, в то время как основная часть в рецензии является информативно насыщенной (сведения об актерах, режиссере, киностудии и т. д.). Основная часть кинорецензии представлена в следующих функционально-тематических блоках: информационно-дескриптивном, информационно-оценочном, аргументативно-оценочном. Отмечается, что для информационно-дескриптивного блока характерно краткое представление информации о фильме (простые предложения, краткий пересказ сюжета, имплицитная оценка). Цель информационно-оценочного блока изложить интересующую самого рецензента информацию и дать ей оценку. В аргументативно-оценочном блоке автор кинорецензии приводит доказательства и аргументы в пользу своей точки зрения. В заключении приводятся оценочные высказывания, подкрепляющие мнение критика, которые мотивируют к дальнейшему просмотру фильма или, напротив, советуют отказаться от просмотра. Исследователь указывает на то, что блоки различаются в языковом и функциональном планах, а степень освещения информации о фильме и используемые для этого языкового средства зависят от вида печатного издания и от типа читателя (профессионал, любитель, непрофессионал). Было установлено, что в массовой прессе оценка автора выражается эксплицитно, с помощью оценочных суждений и синтаксических конструкций, экспрессивно-окрашенной лексики. Рецензии, рассчитанные на узкий круг читателей, не содержат в себе примеров выраженного оценочного мнения. Рецензенты в профессиональной прессе воздействуют на читателя опосредованно, через отбор фактов и их характеристику. Для кинорецензий качественных изданий свойственны слова с нейтральной коннотацией, рационально-оценочные единицы [Брежнева, 2013].

По мнению Эрман В. А., исследовавшей поли- и интердискурсивный характер немецкоязычной кинорецензии, рецензии в специализированных журналах и качественной прессе, в отличие от кинорецензий в популярных изданиях, включают в себя разные типы дискурса (дискурс адресанта и адресата, дискурс режиссера, дискурс сценариста). В них субъективная оценка коррелирует с рациональной характеристикой (использование специализированных терминов, подробный опосредованный анализ фильма). Кинорецензии в популярной прессе отличаются ярко выраженной экспрессивностью и наличием элементов рекламного дискурса [Эрман, 2011].

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКИХ КИНОРЕЦЕНЗИЙ НА ФИЛЬМ «ГОЛУБОЙ АНГЕЛ» ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

В настоящем разделе представлен анализ дискурсивных стратегий и их языковой реализации на примере рецензий двух авторов, представляющих разные издания: Петер Остерид (Peter Osteried), профессиональный кинокритик журнала «Kino-Zeit», и Филипп Кассиер (Philip Cassier), журналист, выпускающий редактор общенациональной газеты «Die Welt». Современный критик оценивает фильм через историческую призму, основывается на уже сформированном общественном мнении о фильме за определенный исторический период; важную роль при этом играет существующая в обществе система ценностей.

Исходя из этого, в кинорецензии от 31 августа 2012 года специалиста-кинокритика Петера Остерида в профессиональном журнале «Kino-Zeit» были выделены следующие дискурсивные стратегии: ознакомления, оценивания, привлечения внимания и рекламная стратегия. В его рецензии «Der Blaue Engel», с подзаголовком «Von der Liebe zerstört…» стратегия ознакомления реализуется в культурно-историческом экскурсе о фильме всего

двумя предложениями. Первое вводит читателя во временно́й контекст создания фильма и напоминает о режиссере фильма:

> *82 Jahre sind vergangen*[1], seit *Josef von Sternberg Der blaue Engel* erschuf.

Второе знакомит с сюжетом фильма и актерским составом:

> *Professor Immanuel Rat* (*Emil Jannings*) erfährt, dass seine Schüler *den „Blauen Engel" besuchen*; Doch dabei verliebt er sich in *die Sängerin Lola Lola* (*Marlene Dietrich*); So ist *der Professor* gezwungen, *in der Varieté Show aufzutreten*.

В заголовке рецензии частично повторяется название фильма, привлекающее внимание читателя, он задает себе вопросы: «Это аллюзия на старый знакомый фильм? Это ремейк забытого фильма?» и др.; иными словами, эта часть заголовка рецензии отсылает читателя к знакомому фильму, поддерживает стратегию ознакомления с ним. Стратегия оценивания является в рецензии основополагающей, направлена как на профессиональное суждение о фильме, так и на оценку его художественной значимости. При выборе языковых средств реализации данной стратегии одним из важных факторов является ретроспективный взгляд на события в фильме и его историю, что находит свое выражение в использовании глаголов-сказуемых в формах прошедшего времени. Важным в реализации стратегии оценивания является отношение автора к технической составляющей фильма, что также подтверждает его ретроспективную оценку, т. е. оценивание от настоящего к прошлому. Ввиду того, что современный зритель избалован техническими возможностями кинематографа, рецензент не мог обойти молчанием техническое несовершенство рецензируемого фильма, в котором были погрешности при восприятии диалогов, особенно женских голосов. Важно, однако, подчеркнуть, что это место в рецензии ее автор начинает с фразы «Dies ist der erste Tonfilm überhaupt» («Это вообще *первый звуковой фильм*»), оправдывая тем самым его технические погрешности:

> *Die Technik war noch nicht perfekt* und das merkt man auch, da *die Dialoge* bisweilen *schwer zu verstehen sind*. Im Speziellen *gilt dies für die höheren Frauenstimmen*.

[1] Выделенные слова / словосочетания в примерах являются дискурсообразующими при реализации соответствующей стратегии.

Отличительной особенностью стратегии оценивания является связь с современными реалиями. Сегодня в Германии провозглашаются демократические принципы общества, любовь и милосердие, права и достоинство человека являются высшей ценностью (ср., например, первую статью Основного закона ФРГ «Die Würde des Menschen ist unantastbar»). Подзаголовок отражает ключевую идею рецензии, подтверждаемой следующей фразой:

> Denn *das Drama* um *den Wert der Liebe und der Würde eines Menschen* ist *heute noch so aktuell wie seinerzeit – inhaltlich*, auch von der *Filmsprache* her; Josepf von Sternbergs Film ist *eine sehr genaue Betrachtung* dessen, was *die Liebe aus einem Menschen machen, wozu sie ihn verleiten kann*. Die letzten 20 Minuten mit der *genüsslich ausgeweideten Demütigung des einst so stolzen Professors sind hochgradig verstörend*.

Сцена, пишет рецензент, где герой фильма выставляется посмешищем в глазах общественности, сегодня заставляет зрителя прочувствовать, как мало что изменилось в актерской среде за почти столетнюю историю:

> Weil sie uns zeigen, was *der Mensch dem Menschen antun kann*, wie jemand *der Öffentlichkeit präsentiert* und *mit Hohn und Spott jeglicher Würde beraubt* wird. *In Zeiten von Casting-Shows*, die *mit ihren Kandidaten auch nicht anders verfahren*, *wirkt diese Sequenz noch stärker nach*, denn man ist *unangenehm berührt*, *dass sich in fast einem Jahrhundert nicht viel verändert hat*.

Ключевое слово *Würde* в современной общественно-социальной жизни Германии соотносится с Веймаровской Германией, где люди были унижены, лишены чувства собственного достоинства.

Дискурсивная стратегия оценивания реализуется в рецензии следующими лексическими единицами:

- профессиональная лексика дискурса кино, раскрывающая профессионализм создателей фильма *(verbesserte Bildqualität, Tonfilm, Probeaufnahme, Deluxe Edition, Fassung, Ausstattung, Montage, Live-Perfomance*);
- контекстуальные синонимы к слову *Film*, выражающие высокую оценку фильма (*der Klassiker, ein Relikt, das Goldstück, die Filmlegende, das Drama um den Wert der Liebe und Würde des Menschen*);
- эпитеты, свидетельствующие о наивысшей оценке киноленты (*großartiger, faszinierender, hervorragender Film*).

Заслуживает внимания словосочетание *zeithistorischer Film*, относящееся к профессиональной лексике дискурса кино. Специалисты так называют фильмы на важные историко-политические темы, побуждающие широкую публику к сопереживанию.

При написании рецензии автор стремится заинтересовать читателя, заострить его внимание на предмете статьи, иными словами, стратегия оценивания сопряжена со стратегией привлечения внимания читателя, потенциального потребителя продукта в новой оцифрованной форме, и с рекламной стратегией. Рекламная стратегия, реализующаяся в трех предложениях, имеет скорее не коммерческую составляющую, а рекламирует качественный продукт киноиндустрии, что подтверждает последняя фраза.

> Der blaue Engel liegt erstmals in *verbesserter Bildqualität* vor. *DVD und Blue-ray bringen dies sehr schön zur Geltung*. *So gut, so sauber, so frisch* war der Film vorher nie.

В кинорецензии от 1 апреля 2022 года Филиппа Кассиера, непрофессионального кинокритика, в журнале «Die Welt» были выделены следующие дискурсивные стратегии: ознакомления, оценивания, привлечения внимания.

В рецензии также дается высокая оценка фильму, что находит свое выражение в следующих контекстуальных синонимах к слову *Film*: *Kino-Klassiker*, *ein Relikt längst vergangener Jahre*, *der Tonfilm*, *ein Zeitnerv*, *ein zeitloses Drama*.

Стратегия ознакомления реализуется в одном предложении. Автор ограничивается цитатой из произведения Генриха Манна «Учитель Гнус», не отражающей сюжет фильма:

> Da er *Raat* hieß, nannte ihn die ganze Stadt *Unrat*. Nichts könnte einfacher und natürlicher sein.

Определяющей дискурсивной стратегией рецензии выступает стратегия привлечения внимания, что обусловлено целевой аудиторией рецензии – широким кругом читателей, в том числе обывателей. Ключевой единицей при ее реализации является имя собственное – Марлен Дитрих, актриса с мировой славой и известная каждому немцу. Ее имя вынесено в броское название рецензии со сниженной лексикой, направленное на привлечение внимания читателей – «*Den Erfolg* werden *die nackten Schenkel der Dietrich* machen». При ознакомлении читателей с историей создания фильма и подбором актеров (автор называет имена создателей фильма и автора экранизированного романа) внимание акцентируется на их частных, а не на профессиональных взаимоотношениях:

> *Heinrich Mann* war gegen *Marlene Dietrich*; Vor dem *Drehbeginn des „Blauen Engels"* gab es allerdings ein geringfügiges Problem; Die Nervosität setzte sich am *Set* fort; *Sternberg kümmerte sich* um *Marlene Dietrich*; die *himmelte Sternberg* dafür *an*, aber nur *platonisch*.

В рецензии преобладает разговорная или стилистически сниженная лексика (*entgegentorkeln*, *anhimmeln*, *die nackten Schenkel* и др.)

И даже погружая читателя в исторический контекст 1930-х годов, когда уже ощущалось дыхание национал-социализма, передаваемое выразительными средствами (e*in Zucken des freiheitlichen Irrwitzes, braune Uniformen, die braunen Herrscher),* автор обращает внимание не на профессионализм актрисы при исполнении ее первой роли. Рецензент упоминает достойный факт из биографии Марлен Дитрих (эмиграция в Америку по причине отказа сотрудничать с коричневым режимом), но подчеркивает, что этот фильм стал для нее трамплином в Голливуд, сделавшим актрису звездой:

> Auf die erste Vorführung folgte eine rauschende Nacht in einer Stadt, die *dem Untergang* bereits *entgegentorkelte*. *Ein Zucken des freiheitlichen Irrwitzes*, bevor *braune Uniformen*, *Gleichschritt* und *Parolengebrüll*, die Reichshauptstadt zu einem Ort machten, von dem *schlimmste Verbrechen gegen die Menschheit* ausgingen; Jeder, der sich auch nur das kleinste Bisschen mit der *Mimin mit der rauchigen Stimme* beschäftigt hat, weiß, dass sie Deutschland verließ, als *die braunen Herrscher an die Macht kamen*, und *in Hollywood zum Star aufstieg*, der allen *Lockungen der Nazis widerstand*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ современных кинорецензий как специалистов, так и непрофессионалов-журналистов подтвердил предположение о том, что положительная оценка фильма «Голубой ангел» в современных рецензиях отлична от диаметрально противоположных суждений критиков Веймарской республики.

Однозначная высокая оценка фильма в современных рецензиях, реализованная в развертывании стратегии оценивания в первую очередь существительными (контекстуальными синонимами к слову *Film)* и прилагательными с семантикой «превосходное качество», позволяет считать фильм одной из констант немецкой культуры.

Стилистика проанализированных рецензий обнаруживает значительные расхождения,

диктуемые целевой аудиторией. Кинокритик, создавая текст для специалистов, использует профессиональную лексику и концентрирует внимание на художественных достоинствах фильма, исходя из современных немецких реалий, что подчеркивается повторением ключевого понятия «Würde des Menschen». Рекламная стратегия ориентирована не на достижение коммерческой выгоды от фильма, а на привлечение читателей и зрителей к качественному кино высокого уровня.

Рецензия журналиста в общенациональном издании ориентирована на широкий круг читателей, в том числе на обывателей. С одной стороны, автор рецензии погружает читателей в исторический контекст 1930 года, приближающегося режима национал-социализма, с другой стороны, играет на низменных чувствах обывателей, раскрывая не профессиональные стороны фильма, а детали частной жизни его создателей, прежде всего исполнительницы главной роли, что подтверждает использование разговорной и стилистически сниженной лексики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Новикова А. С. Дискурсивные практики немецкой кинокритики в Веймарской республике // Научно-практический журнал: Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 12. С. 153–156.
2. Гаранина Э. Ю. Оценочность в жанре кинорецензии // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54). Т. 2. С. 28–31.
3. Беленький И. В. Лекции по всеобщей истории кино: годы беззвучия. М.: Гуманитарный институт телевидения и радиовещание им. М. А. Литовчина (ГИТР), 2008.
4. Эрман В. А. Кинорецензия как полидискурсивный и интердискурсивный текст (на материале немецкий журналистских текстов): автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2011.
5. Брежнева Д. Д. Жанрово-стилистические и когнитивные особенности кинорецензии как вида массово-информационного дискурса: на материале современной британской прессы: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2013.
6. Тертычный А. А. Аналитическая журналистика: учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2010.

REFERENCES

1. Novikova, A. S. (2021). Discursive practices of German film critics in the Weimar Republic (pp. 153–156). Scientific and practical journal,12. Moscow. (In Russ.)
2. Garanina, E. Yu. (2013). Evaluation in the genre of film review. Bulletin of the KemSU, 2, 2(54), 28–31. (In Russ.)
3. Belenky, I. V. (2008). Lektsii po vseobshchey istorii kino: gody bezzvuchiya = Lectures on the general history of the cinema: the years of the silence. Moscow: GITR Film & Television School. (In Russ.)
4. Ehrman, V. A. (2011). Kinoretsenziya kak Polidiscursivnyi i Interdiskursivnyi Tekst (na materiale nemetskikh zhurnalistskikh tekstov = Film Review as a Polydiscourse and Interdiscourse: based on German Journal Texts: abstract of PhD in Philology. St.Petersburg. (In Russ.)
5. Brezhneva, D. D. (2013). Zhanrovo-stilisticheskiye i kognitivnyye osobennosti kinoretsenzii kak vida massovo-informatsionnogo diskursa (na materiale sovremennoy britanskoy pressy) = Genre, stylistic and cognitive features of film review as a type of mass information discourse (based on modern British press): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
6. Tertychnyi, A. A. (2010). Analytical journalism: textbook for students. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Новикова Алена Сергеевна
аспирант кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

Воронина Галина Борисовна
кандидат филологических наук, профессор
профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Novikova Alena Sergeevna
Postgraduate Student, Department of German Lexicology and Stylistics,
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Voronina Galina Borisovna
PhD (Philology), Professor, Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics,
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.07.2022
одобрена после рецензирования 15.08.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 12.07.2022
approved after reviewing 15.08.2022
accepted for publication 14.09.2022

Научная статья
УДК 81.112
DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_83

Особенности современной многоязыковой меметики

Р. К. Потапова[1], **В. В. Потапов**[2]

[1]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,*
[2]*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия*
[1]*RKpotapova@yandex.ru*
[2]*Volikpotapov@gmail.com*

Аннотация. В процессе исследования были сформированы три базы данных с опорой на русскоязычный, немецкоязычный и англо-американоязычный сегменты Интернета, распространенные среди молодежного контингента пользователей, а также введен термин «меметика», включающий различные тематические структурно-системные и смысловые особенности феномена «мем» и «мем-коммуникация». Национальная меметика обладает своими особенностями в процессе тематического отбора, средств кодового и / или поликодового способа передачи информации. Основным методом исследования предстает герменевтический подход. Концепт «токсичность» позволяет определить различные способы негативного воздействия на интернет-пользователей.

Ключевые слова: меметика, креолизованные и некреолизованные мемы, герменевтика, молодые пользователи Интернета, токсичность, русскоязычный, немецкоязычный и англо-американоязычный сегменты Интернета

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект No 22-28-01050.

Для цитирования: Потапова Р. К., Потапов В. В. Особенности современной многоязыковой меметики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 83–91. DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_83

Original article

Features of Modern Multilingual Memetics

Rodmonga K. Potapova[1], **Vsevolod V. Potapov**[2]

[1]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[2]*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*
[1]*RKpotapova@yandex.ru*
[2]*Volikpotapov@gmail.com*

Abstract. In the course of the study, three databases were formed based on the Russian-language, German-language and American-English-language segments of the Internet, common among young users, and the term “memetics” was introduced, which includes various thematic structural-systemic and semantic features of the phenomenon of “meme” and “meme-communication”. National memetics has its own features regarding the process of thematic selection, means of code and/or polycode methods of information transmission. The main research method is the hermeneutic approach. The concept of “toxicity” makes it possible to identify various ways, in which Internet users can be negatively affected.

Keywords: memetics, polycode and monocode memes, hermeneutics, young Internet users, toxicity, Russian-language, German-language and American-English-language segments of the Internet

Acknowledgments: The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation (RSF), project No. 22-28-01050.

For citation: Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2022). Features of modern multilingual memetics. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11(866), 83–91. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_83

INTRODUCTION

A comprehensive analysis of Internet content using digital artificial intelligence technology is one of the most relevant areas in relation to interdisciplinary-convergent research. Digital communication studied within *Digital Humanities* makes it possible to address humanitarian problems from different points of view and with promising analytical tools, which is directly relating to linguistics. One of the subjects of the focus on the features of the semantic content of network communication is a multidimensional analysis of the means of transmitting semantic information correlated with polysemiotic means of its expression. It should be emphasized that the volume of polycode content generated by Internet users is such that only highly automated intellectual analysis methods involving supercomputer and *cloud technologies* can be able to classify and describe all incoming information and determine those objects that require special expert analysis. A particular difficulty lies in the interdisciplinary-convergent approach, since in such a situation data involved are not only from linguistics, but also from sociology, ethics, aesthetics, psychology, psychiatry, legal studies, etc. The study of Internet communication in Russia and beyond is additionally is complicated by the variety of languages used in Internet communication. All the while, in the post-Soviet space, this variety is often of polylingual nature, which causes not only linguistic interference and the formation of pidgins, but also polycode digital structures, that is, *memes*.

A meme is understood as «короткий фрагмент информации (слово или фраза, изображение и т. п.), мгновенно и неожиданно ставший модным и активно воспроизводящийся в Интернете, в том числе в новых контекстах или ситуациях – a short snippet of information (word or phrase, image, etc.) that instantly and unexpectedly became fashionable and is actively reproduced in the Internet, particularly in new contexts or situations» [Словарь языка интернета, 2016, с. 200]. Some researchers (for example, [Выналек, 2014, с. 53–59]) correlate the interpretation of a meme as a kind of modern folklore with some reservations in terms of their features: variability, anonymity, collectivity, spoken form of existence, text meme, image-meme, video-memes, polycode meme, text meme combined with changing image, comic books, image combined with unfinished text meme, mixed type. All the studies discussed above were based solely on the material of the Russian language. As for the integrative features of memes in relation to the linguistic typology of Internet-memes, no such research has been conducted.

In this context, we define "*memetics* as an interdisciplinary knowledge domain including, as a study object, methods for transmitting network information with the use of concise monocode or polycode ministructures characterized by maximum network *virality*[1] and popularity" [Потапова, Потапов, 2022, p. 80].

The use of paraverbal and non-verbal means along with verbal means in the polycode process makes it possible to ensure Internet communication through integrating into the structure of a communicative act and influencing its *semantic content*. At the same time, polycode process of semantic information (text, image, video, music, singing, photo) can multiply the impact on recipients, since in this case several perception channels are engaged simultaneously or sequentially.

Thus, in order to achieve completeness and adequacy of the discursive, plot-compositional and syntactic-semantic representations in relation to *memetics*, it is necessary to consider a complex interdisciplinary-convergent model that includes all the components of the meme-discourse. The methodology for analyzing the phenomenon of multilevel polycode transformation process of the digital components of a meme-unit involves referring to various methods and approaches in terms of, in particular, the emotiogenic nature of the units considered and their influence as an emotional trigger on Internet communication in general.

CONCEPTUAL BACKGROUND OF THE STUDY OF NETWORK MEME-COMMUNICATION

Before coming down to the essentials of our research, it is necessary to turn to the origins of the emergence of the very phenomenon of "meme". This aspect has been given much attention in general in a number of modern articles and reports, but it seems to us that this problem is analyzed and described most capaciously and deeply in the work of M. A. Krongauz "Meme in the Russian-language Internet: the experience of deconstruction". So, according to the relevant sources [Blackmore, 2000; Dawkins, 1976; Rushkoff, 1994], the term "meme" was introduced by English biologist and popularizer of science Richard Dawkins in his book "The Selfish Gene" [Dawkins,

[1] Virality is the ability of content to spread in an electronic network by the method of "viral infection", or "word of mouth advertising", that is, by network members sharing a link in order to share interesting information with "friends". In a broad sense, the virality of a message can be seen as its popularity. In a narrow sense, virality is a measurable measure of the spread of information in the network used in network marketing, as well as in political and other organized campaigns [Терещенко, 2017, p. 48].

1976]. According to M. A. Krongauz, meme entered the Russian language most likely through network jargon [Кронгауз, 2014, p. 87].

In our view, a comprehensive methodology for the analysis of polycode digital meme-units should include elements of hermeneutic analysis involving data not only from linguistics, but also from a number of other humanities. Of even greater interest is a comparative analysis of Internet-memes that are encountered in different-language segments of the Internet. In relation to our study, these are Russian-language, German-language and English-language Internet segments. The databases (DBs) formed on the basis of the above languages provide an opportunity to compare the features of the means of information transfer in relation to *meme-communication* and determine how monocode and polycode means of transferring semantic information are used to form memes of these language areas. At the same time, it is rather interesting to study polycode meme-units in these three language areas as an emotiogenic trigger characterized by the presence of a *toxicity* feature [Toxic comment classification service in social network, 2021; Gordeev, Potapov, 2020; Detection of toxic language in short text messages, 2020; Risch, Krestel, 2020].

The complex method of hermeneutic analysis of polycode digital meme-units that we use, taking into account the specifics of the discursive and plot-compositional levels, allows for determination of specific features of meme-structures that function in network communication as an emotional trigger and a source of toxicity in three linguocultures. The appeal to hermeneutics in this case seems reasonable, since a versatile interpretation of meme-stimuli requires versatile knowledge in the field of not only linguistics, but also sociology, psychology, psychiatry, neurophysiology, etc., which is caused by the need for a multi-parameter interpretation of meme-information. It is known that "hermeneutics is the theory and methodology of interpretation, especially the interpretation of biblical texts, wisdom literature, and philosophical texts. Hermeneutics is more than interpretative principles or methods used when immediate comprehension fails and includes the art of understanding and communication" [Zimmermann, 2010, p. 2].

Consequently, our study of the features of the functioning of this emotiogenic trigger with elements of toxicity on the material of meme-communication in relation to the Russian-language, German-language and American-English-language Internet segments showed a direct interdependence between different polycode types of meme-structures and the degree of their toxicity that affects emotional perception of these structures by communicants belonging to different language areas.

The general range of problems related to the study of Internet information on a global scale includes: a) various Internet sources for the dissemination of fake information regarding news and advertising messages [Appel, 2020]; b) multi-format Big Data [Potapova, Potapov, Gorbunov, 2022], including the analysis of personal data, cognitive impairment as a result of irrational thinking, conspiracy theories and their reflection in network communication, reactions of Internet users to conflictogenic information, psychological aspects of Internet users' reactions to the functioning of "network rumors" (fakes), network *virality* as propaganda in the service and trade sectors, bot information as a means of forming opinions, meme-information as an emotiogenic trigger among young people, etc. Thus, memetics, from our point of view, it is one of the components of a powerful information flow that affects the young users of the global network.

The basic structures of memetics are various means of transmitting information: texts, images (pictures, photos, videos), etc., which are samples of polysemiotic information.

Modern digital technologies have significantly expanded the boundaries of the polysemiotic representation of transmitted and received information. In the process of our study, this aspect was given special attention. The appeal to polysemiotic information, in particular, in relation to meme-communication, has significantly expanded the possibilities for the influence of certain life factors on the formation of a collective profiling (portrait) [Потапова, Потапов, 2006] of young people from different countries. Some researchers of the features of network communication emphasize that the manipulation of semiotic means of information transmission has become a powerful source of influence on the formation of individual emotional and intellectual characteristics of a modern young person [Stein, Sehic, Appel, 2020].

STUDYING THE COMPONENTS OF MEMETICS ON THE MATERIAL OF THE THREE LANGUAGE SEGMENTS OF THE INTERNET

Particular attention was paid to the study of the influence of polysemiotic Internet information on a person in a number of our works related to the

reaction of the neurophysiological system and the functioning of the human brain to polycode and monocode Internet stimuli.[1]

In the course of this study, three databases (DBs) of Internet meme-communication were formed and annotated: Russian-language DB (n=3684), German-language DB (n=4722) and American-English-language DB (n=5018). All these three databases were differentiated taking into account three means of transmitting information: a) polycode (texts, utterances, as well as images / pictures / videos), b) monocode (texts / utterances only), c) monocode (images / pictures / videos only).

A comparative analysis of the data obtained showed that: a) the Russian-language segment of the Internet is characterized by the predominance of polycode memes (91.0 %) and a small number of functioning monocode memes (texts/utterances) (9.0 %); for the German-language segment of the Internet, the number of polycode memes was (99.6 %), while monocode memes (texts / utterances) were (0.4 %); for the American-English-language segment of the Internet, respectively, there were (97.6 %) of polycode memes and (2.4 %) of monocode memes (texts / utterances). Therefore, a comparison of the above data allows for the conclusion that German-language memetics (99.6 %) is in the first place in terms of the use of polycode texts to convey meme-information, and American-English memetics is in second place (97.6 %), while Russian-language memetics holds the third place is (91.0 %). The above data suggests that an increase in the number of polycode memes corresponds to a decrease in the number of monocode memes, that is, means of conveying information using texts or utterances. Accordingly, if one focuses on the maximum number of polycode meme-information with a small number of monocode information, then in this case the center of gravity is formed by polycode means of transmitting meme-information. And in this regard, the first place is taken by German-language meme-information that is "based" on polycode types of memes. From this point of view, American-English meme-information is an intermediate option between German-language and Russian-language meme-information. Interestingly, Russian-language memetics uses monocode meme-information based on texts or utterances to a greater extent than German-language and American-English memetics. A significant part of Russian-language memetics in its monocode version includes obscene words. The appeal to such topics as "animals", "sports", "personal life" is common for all these types of meme-communication. The most typical for the American-English-language segment of the Internet is the discussion of various films, cartoons, anime, series, gambling and non-gambling games and other types of shows, i.e. something that was practically absent in relation to the Russian-language and German-language segments of the Internet.

Of interest is the description of specific memes, including the fixation of the perception of the analyzed material from the users' standpoint, that is, young people of 18 to 25 years of age. In this regard, an experiment to determine the topic of memes was conducted with the involvement of students of Moscow State Linguistic University (MSLU) proficient in foreign languages, whose samples of memes are presented in this study. The names of the memes given in our article are a percept of Internet users and therefore are given in quotation marks.

ANALYSIS OF MEME-INFORMATION ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN LANGUAGE

The informational content of Russian-language memetics includes the following topics: "a la celebrity names", "army", "pregnancy", "vaccination and anti-vaxxers", "adult life", "Harry Potter and everyone", "sad memes", "childhood", "distancing", "friendship", "food", "female friendship", "female", "health", "games", "intimacy", "historical facts", "quarantine and coronavirus (covid)", "linguistics", "mathematics", "obscene language", "anime", "Elon Musk", "in case of important negotiations", "wolves", "animals", "frogs", "beer", "politics", "SpongeBob", "Shrek", "art of the Middle Ages", "music", "Shitsville", "drugs", "Natasha and cats", "science", "garden", "relationships", "Percy Jackson", "weight loss", "2020", "alcohol", "gays and homosexuality", "money", "medicine", "Meladze", "sleep", "transvestites", "success and achievements", "dick", "schizophrenia", "programming and computer", "just memes", "work", "miscellaneous", "religion", "Sunlight and its closure", "family", "series", "complex memes", "scholarship", "study", "feminism", "philosophical", "FSS", "Spotify".

The analysis of Russian-language memes showed that the entire material is divided into several topic subgroups, the components of which are presented as their frequency of occurrence decreases: the first topic subgroup is "animals",

[1] For more information, see: Potapova R., Potapov V., 2020. URL: https://elibrary.ru/contents.asp?id=45211119 ; Potapova R., Potapov V., Lebedeva N., Karimova E., Bobrov N., 2019. URL: https://istina.msu.ru/publications/article/202491144/ ; Potapova R., Potapov V., Lebedeva N., Karimova E., Bobrov N., 2020. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=46238847, etc.

"important negotiations", "beer", "art of the Middle Ages", "obscene words" ; the second topic subgroup includes "interpersonal relations", "historical facts", "study", "quarantine and coronavirus (covid)", "science", etc.

Thus, *events, interests, everyday life, tastes,* and *pandemic* are represented in Russian-language memetics mainly with the help of polycode means of transmitting information. Nevertheless, in the rarest cases, there are meme-texts also.

ANALYSIS OF MEME-INFORMATION ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE

As for German-language memetics, the data obtained are striking in their contrasting reaction of young people in Germany to the surrounding reality in comparison with Russian-language memetics. The subject-percipients identified the following topic meme-units, the components of which are also presented as their frequency of occurrence decreases: "das Studium" ("study"), "Alcohol und Partys" ("alcohol and parties"), "Tiere" ("animals"), "Fitness" ("fitness"), "CDU" ("CDU" – Christian Democratic Union), "Politik" ("politics"), "Corona" ("coronavirus"). Thus, there is a topic contrast of meme-units between Russian-language and German-language memetics. This contrast is observed primarily in the polytopic worldview of Russian-speaking young people in comparison with native German speakers. In German-language memetics, such meme-units as, for example, "childhood", "friendship", "intimacy", "remote work", "food", "historical facts", "in case of important negotiations", "politics", "music", etc. are entirely absent.

However, German-language memetics is characterized by the presence of several topic groups, which radically differ in the frequency of their functioning on the Internet. The first subgroup includes everything related to studies ("das Studium") (30.0 %). The second subgroup is formed by the memes "Alcohol und Partys" (25.0 %) and "Tiere" (23.0 %). The third subgroup is represented by memes, the common topic for which is "Fitness" (9.0 %). The fourth subgroup of memes reflects the controversy on the issues of the Christian Democratic Union (CDU) (7.0 %) and politics in general (4.0 %). And the fifth subgroup is related to the coronavirus situation in Germany (3.0 %).

It can be assumed that the Russian-language and German-language worldviews of young people differ primarily in the contrast between the multi-parameter perception of the worldview by representatives of Russian young people and the topic-limited perception of the worldview by representatives of modern young population in Germany. Also characteristic is the use of a method of transmitting information with appeal to polycode forms of memes and to monocode ones (texts) in memes. For Russian-language memes and their total number, along with the majority of polycode units of information transmission, textual forms are also observed, that is, monocode means of transmitting information, which is absolutely unusual for German-language memes. A significant difference for German-language memetics as compared to Russian-language memetics is the complete absence of the unit "obscene words".

ANALYSIS OF MEME-INFORMATION ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE, INCLUDING NETWORK MEME-AMERICANISMS

At the next stage of our comparative study, we analyzed the corpus of data obtained during the formation of experimental material based on the American-English segment of the Internet. The subjects recorded the following topic subgroups of memes: "Animals", "Gym fitness health", "Harry Potter", "Madagascar", "Naruto", "Rick and Morty", "Russia", "Shrek", "Spongebob", "Stonks", "The Incredibles", "Trump", "Zoom".

The data obtained were distributed according to the frequency of their occurrence in the following subgroups: the first subgroup was the most numerous and included memes on a variety of topics: "animals", "gymnastics and fitness", "movies and Internet games" (including those with elements of "cash prize"), various "anime" (97.6 %). The second subgroup is so large and includes topics related to such concepts as "Russia" (0.8 %), "Trump" (0.5 %) and "Zoom" (1.5 %).

A significant proportion of all meme material in the American-English segment of the Internet is made up of numerous animated films (sci-fi, comedy, feature-length), for example, "Madagascar" is an American computer-animated comedy film; "Naruto" is a popular animated film; "Rick and Morty" is an American comedy science fiction animated series, "Shrek" is a feature-length animated film; "Spongebob" is an animated series featuring a sponge (video game series); "Stonks" is a surreal picture with a businessman standing in front of a table with stock prices; and "The Incredibles" is an American computer-animated film starring a superhero.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE RESULTS OF THE STUDY ON THE MATERIAL OF THREE LANGUAGE AREAS

The study of multilingual memetics gives an opportunity to penetrate deeper into the nature of the specifics of the cognitive worldview of the younger generation of Internet users. An overabundance of digital information and the scale of virtual communication contribute, in our opinion, to the development of the "accentuated personality" phenomenon, especially in relation to adolescence, contributing to the emergence of a number of psychological disorders, which include, first of all, unusual acceleration, proclivity for emancipation, formation of various kinds of interest associations and groups, aggression towards "strangers" and not "friends" in network communication, increased interest in everything "forbidden", a desire for imitation of various kinds of heroes, etc. All these aspirations form a common collective psychological portrait (profiling) of the young generation, a kind of "accentuated personality" – a term widely used in psychology regarding various forms of manifestation of human behavior disorders (for example, [Леонгард, 1997]).

A short form and terse language in expressing thoughts in memes make it possible to precisely and specifically express one's attitude to the addressee or to a group of addressees and thereby confirm or reject one's commitment to a particular phenomenon, object, event, personality, etc. At the same time, memetics provides the ability to respond emotionally and "concisely", as well as positively or negatively, to any phenomenon, any person and any event, being a kind of emotional trigger in network communication.

In this regard, the multilingual corpus of meme-data analyzed by us demonstrates the different dominant concepts of the emotiogenic assessment of events, objects, processes and phenomena of the world around us. A variety of emotional assessments, impressions, interpersonal relationships and external events serve as the evaluative dominant of Russian-language meme-communication. For German-language memetics, a narrower topic and event scale is more commonly found that reflects a certain concentration of interests and hobbies. As for American-English memetics, the dominant in this case is the passion for films, cartoons, various series, games aimed at winning something, which indicates the functioning of two types of psychological dependence in English-American memetics: *gaming* (non-monetary reward) and *gambling* (with a monetary reward) that have higher emotionality and toxicity.[1]

CONCLUSIONS

Thus, network memetics is extremely attractive for young Internet users due to its imagery, conciseness, expressiveness, toxicity (in situations of aggression, insult, humiliation of a person, damage to the honor and dignity of a communication partner). At the same time, memetics makes it possible to concentrate various types of semantic content, for example, cognitive and informational, creative, film and photo art, theatrical and advertising, visual and textual content. Naturally, such cognitive stimulation leads to the rapid uptake of information, enjoyment, on the one hand, and the assimilation, as a rule, of negative forms of socialization, on the other. According to the observation and experience of a number of specialists in the field of psychology and psychiatry, such a dependence, in particular, on meme-communication (the habit of daily exchanging information, receiving approval (likes), concisely expressing one's thoughts, while accompanying the information with various semiotic means), is a physical need that causes the emergence of the phenomenon of *psycho-emotional intoxication*, including, as a rule, negative emotional-modal states: irritability, anger, rage, complete escape from reality, hatred, aggressiveness, suicidal tendencies, etc. In relation to the data of sociology, psychology and pedagogy, the number of emotional reactions in Internet-dependent users significantly exceeds the number of manifestations of cognitive processes, that is, a layer of Ignoratus-consumers is formed that blindly follow Internet samples of virtual toxicity.

If one considers memetics retrospectively, one can be convinced that this type of communication has accompanied humankind (Homo sapiens) at all stages of its evolution: from communication using petroglyphs, poster forms of information transfer, various kinds of comics, advertising means of influence to development of various forms of communication based on new information digital technologies. In recent decades, humankind has turned to memetics, that is, to laconic polycode and monocode means of transmitting information.

In connection with the intensive development of new information digital technologies, methods associated with the process of transmitting semantic content that have a direct negative impact on the recipients of this information are of

[1] For more information, see: Агибалова Т. В., Тучина О. Д., Бузик О. Ж., Потапова Р. К., Потапов В. В., 2020. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44409125; Потапова Р. К., Потапов В. В., 2022. URL: https://ras.jes.su/sliya/s160578800019458-9-1; Potapova R., Agibalova T., Potapov V., Tuchina O., 2021. URL: https://istina.msu.ru/publications/article/383914798/; Thacker S., Griffiths M. D., 2012. URL: https://www.igi-global.com/article/exploratory-study-trolling-online-video/75169; Thompson W. N., Gazel R., Rickman D., 1996. URL: https://digitalscholarship.unlv.edu/grrj/vol5/iss1/1/, etc.

particular importance; and this is a peculiar kind of "*mental infection*". This process of perception and semantic interpretation of the information received is currently characterized as a process that has a toxic (harmful) effect on users of network communication. Information digital flows form a worldview of users and, first of all, users of the younger generation. The key problems of modern digital communication include, first of all, the problem of *personality formation*, with all its ethical, social, aesthetic, intellectual, ideological and valeological aspects. The problem of valeology correlates with the formation of a healthy lifestyle, the neurophysiological and cognitive status of an individual, which is of fundamental importance for the development of the society as a whole. Research in this field of knowledge, taking into account the technological specifics of information transfer, is in its infancy. As a rule, linguistic research devoted to Internet communication is limited to the analysis of the textual and discursive component. As for the analysis and interpretation of deep semantic features that influence the formation of the worldview of network communication users, there are significant gaps in this respect that do not allow establishing patterns of functioning and interdependence between semantic content and means of its implementation, as well as features of its perception, understanding, etc. Based on the foregoing, the use of the hermeneutic approach seems more promising, as it is based on the interpretation of the semantic features of network information with due allowance for various research methods on the scale of the world Humanities (Digital Humanities).

In this regard, it seems appropriate to consider hermeneutics in the study of works of spoken and written speech in the process of communication as a *forerunner* of the modern interdisciplinary-convergent approach, which includes, first of all, an appeal to a number of scientific domains related to the problems of generating oral and written texts, their dependence on intellectual, psycho-emotional, cognitive, neurophysiological and psychopathological features of the personality of the author of an analyzed oral or written statement. The interdisciplinary-convergent approach makes it possible to conduct a large-scale study of the problem of functional dependence between the latent semantic content of small forms of Internet postings (memes) and the degree of influence and impact of this content on changing various aspects of the recipient's worldview. Among the factors of negative impact on Internet users are the dehumanization of interpersonal social relations, the "intoxication" of network meme-communication participants, the growth of communicative acts characterized by aggression, hostility, violence, an increase in the number of attempted suicides, etc., which is a threat to society as a whole. Thus, in memetics, as in a mirror, all the features of the life and existence of the young generation are reflected: social, cognitive, ethical, psychological, socio-political, etc.

The toxicity of the components of memetics contributes to the formation of a modern "digital Internet communicator" characterized by the presence of a reformatted worldview, a tendency to desocialization, dehumanization, the desire for frustration, deprivation and various kinds of addictions. Thus, memetics in the World Wide Web can be considered as a modern subculture characterized by brevity, creativity, popularity, visibility, content expansion and a wide range of functioning. A peculiar difference between memetics and other forms of information transmission in the network is the message coding using verbal, paraverbal, nonverbal and extraverbal means. The special multifunctional features of memetics include the wide scale of network functioning, the relative easiness of determining the tone of meme-information, its temporality and intertextuality. All of the above contributes to the global spread of this type of information transmission, regardless of the language, ethnic and cultural components of network communication among young people.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Словарь языка интернета.ru / ред. М. А. Кронгауз. М.: АСТ-пресс, 2016.
2. Выналек Е. А. О природе интернет-мема // Современный русский язык в интернете / ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 51–60.
3. Потапова Р. К., Потапов В. В. Интернет-меметика как эмоциогенная среда сетевой коммуникации // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т.81. № 2. С. 78–91.
4. Терещенко О. В. Виральность // Новые медиа: социальная теория и методология исследований: словарь-справочник / отв. ред. О. В. Сергеева, О. В. Терещенко. СПб.: Алетейя, 2017.
5. Blackmore S. The meme machine. Oxford: Oxford University Press, 2000.

6. Dawkins R. The Selfish Gene. Oxford Univ. New York: Press, 1976.
7. Rushkoff D. Media Virus! Hidden Agendas in Popular Culture. New York: Ballantine Books, 1994.
8. Кронгауз М. А. Мем в русскоязычном Интернете: опыт деконструкции // Русский язык и новые технологии / под ред. М. В. Ахметовой, В. И. Беликова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 87–95.
9. Toxic comment classification service in social network / Dolgushin M. et al. Lecture Notes in Computer Science. 2021. Vol. 12997. P. 157–165.
10. Gordeev D., Potapov V. Toxicity in texts and images on the Internet. Lecture Notes in Computer Science. 2020. Vol. 12335. P. 156–165.
11. Detection of toxic language in short text messages / Makhnytkina O. et al. Lecture Notes in Computer Science. 2020. Vol. 12335. P. 315–325.
12. Risch J., Krestel R. Toxic comment detection in online discussions. Deep learning-based approaches for sentiment analysis. Springer, 2020. P. 85–109.
13. Zimmermann J. Hermeneutics: A very short introduction. Oxford University Press, 2015.
14. Appel M. (Hrsg.). Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, «Lügenpresse», Clickbait und Co. Berlin: Springer, 2020.
15. Potapova R., Potapov V., Gorbunov P. The modern problem of accessibility and complexity of Big Data. Lecture Notes in Networks and Systems. 2022. Vol. 461.
16. Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006.
17. Stein J.-P., Sehic S., Appel V. Machtvolle Bilder und Bildmanipulationen // Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, «Lügenpresse», Clickbait und Co. / Appel M. (Hrsg.). Berlin: Springer, 2020. P. 177–187.
18. Леонгард К. Акцентуированные личности: пер. с нем. Ростов н/Д: Феникс, 1997.

REFERENCES

1. Krongauz, M. A. (ed.). (2016). Slovar' jazyka interneta. ru = Internet Language Dictionary. ru. Moscow: AST-Press. (In Russ.)
2. Vynalek, E. A. (2014). O prirode internet-mema = On the nature of the Internet meme. In Ja. E. Ahapkina, E. V. Rahilina (eds.), Sovremennyj russkij jazyk v internete (pp. 51–60). Moscow: Languages of Slavic cultures. (In Russ.)
3. Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2022). Internet-memetika kak emociogennaja sreda setevoj kommunikacii = Internet Memetics as an Emotiogenic Environment of the Network Communication. Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka, 81(2), 78–91. 10.31857/S160578800019458-9 (In Russ.)
4. Tereshchenko, O. V. (2017). Viral'nost'. Novyje media: social'naja teotija i metodologija issledovanij = Virality. New Media: Social Theory and Methodology of Research: Dictionary, ed. by O. V. Sergeeva, O. V. Tereshchenko. St.Petersburg: Aleteja. (In Russ.)
5. Blackmore, S. (2000). The meme machine. Oxford: Oxford University Press.
6. Dawkins, R. (1976). The selfish gene. New York: Oxford University Press.
7. Rushkoff, D. (1994). Media Virus! Hidden Agendas in Popular Culture. New York: Ballantine Books.
8. Krongauz, M. A. (2014). Mem v russkojazychnom Internete: opyt dekonstrukcii = Mem in Russian-language Internet: experience of deconstruction. In M. V. Ahmetova, V. I. Belikov (eds.), Russkij jazyk i novyje tehnologii (pp. 87–95). Moscow. (In Russ.)
9. Dolgushin, M., Ismakova, D., Bidulya, Yu., Krupkin, I., Barskaya, G., Lesiv, A. (2021). Toxic comment classification service in social network. Lecture Notes in Computer Science, 12997, 157–165. https://doi.org/10.1007/978-3-030-87802-3_15
10. Gordeev, D., Potapov, V. (2020). Toxicity in texts and images on the Internet. Lecture Notes in Computer Science, 12335, 156–165. https://doi.org/10.1007/978-3-030-60276-5_16
11. Makhnytkina, O., Matveev, A., Bogoradnikova, D., Lizunova, D., Maltseva, A., Shilkina, N. (2020). Detection of toxic language in short text messages. Lecture Notes in Computer Science, 12335, 315–325. 10.1007/978-3-030-60276-5_31
12. Risch, J., Krestel, R. (2020). Toxic comment detection in online discussions. Deep Learning-Based Approaches for Sentiment Analysis (pp. 85–109). Springer.
13. Zimmermann, J. (2015). Hermeneutics: a very short introduction. Oxford University Press.
14. Appel, M. (Hrsg.). (2020). Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, «Lügenpresse», Clickbait und Co. Berlin: Springer.

15. Potapova R., Potapov V., Gorbunov P. (2022). The modern problem of accessibility and complexity of Big Data. Lecture Notes in Networks and Systems, 461.
16. Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2006). Jazyk, rech', lichnost' = Language, Speech, Personality. Moscow: Languages of Slavic cultures. (In Russ.)
17. Stein, J.-P., Sehic, S., Appel, V. (2020). Machtvolle Bilder und Bildmanipulationen. Appel M. (Hrsg.) Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, «Lügenpresse», Clickbait und Co (S. 177–187). Berlin: Springer.
18. Leongard, K. (1997). Akcentuirovannyje lichnosti = Accentuated personalities. Rostov-on-Don: Feniks Publication. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Потапова Родмонга Кондратьевна
доктор филологических наук, профессор,
действительный член Международной академии информатизации,
директор Института прикладной и математической лингвистики
Московского государственного лингвистического университета

Потапов Всеволод Викторович
доктор филологических наук, старший научный сотрудник Учебно-научного компьютерного центра
Филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Potapova Rodmonga Kondratyevna
Doctor of Philolody (Dr. habil.), Professor,
Full Member of the International Informatization Academy,
Head of Department of Applied and Experimental Linguistics,
Director of Institute of Applied and Mathematical Linguistics of Moscow State Linguistic University

Potapov Vsevolod Viktorovich
Doctor of Philolody (Dr. habil.),
Senior Researcher of the Centre of New Technologies for Humanities,
Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию 12.05.2022
одобрена после рецензирования 22.05.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 12.05.2022
approved after reviewing 22.05.2022
accepted for publication 14.09.2022

Научная статья
УДК 811.112.2
DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_92

Функционирование и роль средств разговорности в немецкой художественной литературе для детей и юношества

Е. П. Привалова
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
privalova.ep@yandex.ru

Аннотация. Предметом настоящей статьи являются средства разговорности в современной немецкой художественной литературе для детей и юношества. Контекстуально-семантический и интерпретационный методы анализа средств разговорности позволяют сделать предположение о намеренной авторской стилизации и художественной адаптации разговорной речи в художественном произведении. С точки зрения концептуального анализа можно сделать вывод о том, что диалогическая речь играет важную роль в процессе реализации концептуальной структуры художественного текста.

Ключевые слова: немецкая художественная литература для детей и юношества, средства разговорности, диалогическая речь, концептуальная структура

Для цитирования: Привалова Е. П. Функционирование и роль средств разговорности в немецкой художественной литературе для детей и юношества // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11(866). С. 92–98. DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_92

Original article

Functioning and Role of Conversational Means in German Fiction for Children and Youth

Elena P. Privalova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
privalova.ep@yandex.ru

Abstract. The subject of the article is conversational means in modern German fiction for children and youth. The contextual-semantic and interpretive methods of analyzing means of conversation allowed to make a conclusion about the author's intentional stylization and artistic adaptation of colloquial speech in a literary work. From the point of view of conceptual analysis, it can be concluded that dialogical speech plays an important role in the process of implementing the conceptual structure of a literary text.

Keywords: German fiction for children and youth, conversational means, dialogical speech, conceptual structure

For citation: Privalova, E. P. (2022). Functioning and role of conversational means in German fiction for children and youth. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 92–98. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_92

ВВЕДЕНИЕ

Включение элементов разговорной речи, а также стилизация разговорной речи и художественная адаптация диалогической речи является неотъемлемой характеристикой художественного текста в целом и, в особенности, художественного текста детско-юношеской литературы [Козлова, 2010].

Цель настоящей статьи заключается в исследовании особенностей реализации параметра разговорности и диалогической речи, а также их функций в немецкой художественной литературе для детей и подростков.

В диалоге отражаются «межличностные отношения» [Девкин, 1981]. Диалог – это особая форма речи, построение которой обусловлено внеязыковыми условиями коммуникации: социальными ролями и числом его участников, спецификой коммуникативного контекста и социальной ситуации. Художественный диалог персонажей художественного произведения не является точной копией разговорного диалога, но воспроизводит, имитирует ее [Беляева, 2005].

С точки зрения языковой организации диалогическая форма речи обнаруживает ряд особенностей на всех уровнях языка. Диалог реализуется в условиях общего коммуникативного контекста, что позволяет его участникам использовать невербальные элементы общения, при одновременной редукции вербальных средств, в первую очередь синтаксических конструкций («расшатанность и разрыхленность структуры» [Девкин, 1981, с. 45]).

Важной особенностью диалогической формы речи являются конкретные коммуникативные стратегии, реализуемые говорящими – участниками коммуникации. В. Д. Девкин отмечает следующие особенности диалога: «Одно из основных свойств предложения – законченность и самостоятельность – в репликах диалога оказывается поколебленным, частично нарушенным. Реплика ориентирована на контекст и выступает неотъемлемой его частью. Структурно-синтаксическая зависимость имеет преимущественно регрессивный характер: последующая реплика оказывается подчиненной предшествующей, ориентировка новой фразы, как правило, осуществляется вспять» [там же, с. 27].

О НЕКОТОРЫХ СРЕДСТВАХ РЕАЛИЗАЦИИ РАЗГОВОРНОСТИ В НЕМЕЦКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

В качестве примера многообразия средств создания эффекта разговорной речи приведем роман Ш. Кернер (Ch. Kerner) «Geboren 1999». Роман написан от третьего лица. Текст романа построен на основе приема ретроспективы. По сюжету главная героиня – журналистка Франциска – готовит материал о главном герое – мальчике Карле, приемном сыне в семье, находившемся в поиске своих настоящих родителей и пропавшем после раскрытия тайны своего происхождения. В связи с этим в основе романа лежит описание воспоминаний, бесед. Главная героиня вспоминает разговоры с пропавшим подростком. В ее воспоминаниях встречаются:

– цитаты из его реплик:

> Er nannte ihn «Schöpfungsmanipulationen (*Ch. Kerner Geboren 1999*).

– реплики из бесед, оформленные в виде прямой речи:

> Ich weiß jetzt wer meine leiblichen Eltern sind!», schlenderte Karl Meiberg seinen verdutzten Adoptiveltern entgegen, als sie beim Frühstück zusammensaßen (*Ch. Kerner, Geboren 1999*).

Кроме того, роман содержит письменные тексты, фиксирующие устную речь. В данном случае создание эффекта разговорной речи осуществляется за счет привлечения интердискурса. В тексте встречаются следующие дискурсы:

– интервью (расшифровки):

> Tonbandaufnahme des Gespräches zwischen Franziska Dehmel und Sarah Haug vom 13. Dezember 2016
>
> *Sarah*: Wo soll ich denn anfangen? Ich weiß nicht, wie ich anfangen soll.
>
> *Franziska*: Erzähl doch einfach mal wie ihr euch kennen gelernt habt. Wann habt ihr euch denn zum ersten Mal getroffen?
>
> *Sarah*: Also, das ging mehr von mir aus… (*Ch. Kerner, Geboren 1999*).

Расшифровка интервью представляет собой зафиксированную в письменном виде разговорную речь персонажей и состоит из реплик-вопросов журналистки и реплик-ответов подруги главного героя. В приведенном фрагменте можно отметить такие признаки разговорной речи, как частицы *doch*, *mal*, *also*;

– дневниковые записи главного героя Карла, представляющие собой, по сути, внутреннюю речь персонажа, которая является средством создания эффекта диалога с читателем:

> Mich nennen sie den Kalten Karl. Der Kalte Karl, das bin ich. Das Wort ICH bedeutet mir plötzlich wie noch nie, immer mehr bedeutet es mir.

ICH, ICH, ICH.
Je mehr ich über meine Herkunft herausbekomme, je verworrener alles wird, umso wichtiger wird dieses ICH. Es ist das Einzige, an das ich mich halten kann. Ich habe wenigstens noch mich, das ist mir sicher.
Und dann schießt mir dieser schreckliche Gedanke wieder durch den Kopf: auch das könnten sie mir noch nehmen.
Das ICH könnte plötzlich wertlos sein. Denn sie haben mich in Serie produziert (*Ch. Kerner, Geboren 1999*).

В данном фрагменте в качестве элементов создания разговорной речи служат синтаксические средства (инверсия, повторы, эллиптические конструкции):

– заполненные анкеты, результаты общественного опроса:

Karl las laut vor, was Gunther Pohl auf die an ihn gerichteten drei Fragen geantwortet hatte:
Warum spenden Sie?
Wegen des Geldes. Bücher und Studium sind teuer. Die 500 Mark sind schnell und relativ leicht verdient.
Haben Sie schon öfter gespendet? Wenn ja, wann und wo? Sind Sie bereit, nochmals zu spenden?
Ja, einmal, auch hier in der Klinik, vor 8 Monaten. Ich bin bereit, nochmals zu spenden (*Ch. Kerner, Geboren 1999*).

Katharina Treu verdiente an den sechs Eizellen 20 000 Mark. Auch sie hatte den Fragebogen ausgefüllt, mit Schreibmaschine:
Ich spende zum ersten und zum letzten Mal und nicht wegen des Geldes, obwohl wir es natürlich gut gebrauchen können… (*Ch. Kerner, Geboren 1999*).

Анализируемые фрагменты анкет представляют собой письменный тип текста, фиксирующий устную речь в форме вопросно-ответной структуры. Здесь в создании эффекта разговорной речи также участвуют синтаксические средства: эллиптические конструкции (*wegen des Geldes*), неполные предложения (*Ja, einmal, auch hier…*), повествование ведется от первого лица.

Приведем еще один фрагмент романа, содержащий ссылку на результат опроса общественного мнения в виде вопроса, который задавался гражданам, и приведенного ответа большинства опрошенных:

Anti-Gen, dieser Zusammenschluss von Bürgerinnen und Wissenschaftlerinnnen, der seit 25 Jahren besteht, ist heute so bekannt wie früher Greenpeace oder Robin Wood. Auf die Frage «Kennen Sie die Gruppe Anti-Gen?» antworten rund 80 Prozent der Bundesbürger mit Ja. Statt wie früher Umweltschutz ist heute Gen-Schutz das Thema Nummer eins … (*Ch. Kerner, Geboren 1999*);

– слоганы, тексты наклеек, надписи:

Das Herbecker Anti-Gen-Büro begrüßte uns mit einem Aufkleber. Auf der Eingangstür las Karl Meiberg: "Gentest – ohne mich" und "Wir wollen alles Gen(au)-Wissen" (*Ch. Kerner, Geboren 1999*).

Wollen Sie auch in Zukunft wissen, wer Sie sind?» Diese Frage steht auf dem Plakat, mit der Gruppe Anti-Gen neue Mitglieder wirbt. Karl Meiberg jedoch erhielt im September 2016 immer noch nicht die letzte Antwort (*Ch. Kerner, Geboren 1999*).

Параметр разговорности проявляется не только в форме вопросительной конструкции во втором фрагменте, но и в призыве в первом фрагменте, которые вызывают бурю мыслей и чувств у героя-подростка. Кроме того, вопрос и призыв в надписи обращены и к читателю романа;

– текст СМС-переписки:

und er hatte richtig feuerrote haare, dieser basti?, lese ich im Display.
ja, richtig feuerrot, simse ich zurück und schiebe das Handy rüber. Saskia grinst übers ganze Gesicht.
seit wann stehst du denn auf feuermelder? und ist basti nicht ein ziemlich uncooler name?
haha, sehr witzig! der war echt süß, und basti ist ein echt cooler name (*G. Zillgens. Sommernachtsträume*).

В данном примере переписка с помощью коротких сообщений по телефону максимально приближена к устной разговорной речи, о чем свидетельствуют типичные для разговорной речи лексемы: *richtig* (в значении «очень»), *simsen, grinsen, auf j-n stehen, cool – uncool, echt*, *der* вместо местоимения *er*, междометие *haha*. В произведении отражена также графическая характеристика СМС-сообщений, в частности отказ от заглавных букв в написании имен существительных, имен собственных, в начале предложения.

ОСОБЕННОСТИ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ В НЕМЕЦКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

В произведениях немецкой детско-юношеской литературы диалогической речи отводится

значительное место в рамках конкретного произведения. Диалогическая речь вытесняет повествование и описание и приобретает ведущую роль в процессе реализации замысла произведения, развертывания сюжетных линий, а также является важнейшим параметром характеристики персонажей. Таким образом, диалогическая речь имеет важное значение в процессе реализации концептуальной структуры художественного произведения. Именно в диалогах происходит объективация ключевых концептов произведения.

Приведем примеры, иллюстрирующие объективацию ключевого для детско-юношеской литературы макроконцепта «Familie / Семья» посредством диалогической речи:

– диалог подростков:

"Ich hab hier einen Urgroßvater," teilte ich ihr mit.
"Was du nichts sagst."
"Stimmt aber. Der ist hundertundeins."
"Hä?" Jenny blinzelte mich schief an. "Machst du blöde Witze?" (*I. Krauß, Kurz vor morgen*).

Dann versuchte ich witzig zu sein. "Hundertundeins, Jenny – glaubst du nicht auch, dass wir auf dem Dorfplatz was Passenderes finden können?" (*I. Krauß, Kurz vor morgen*).

– диалог взрослых:

"Trotzdem," sagt meine Mutter. "Auch wenn alles so unsicher ist. Urlaubszeit wird überall sein. Was soll sie so rumsitzen. Ein paar Tage heraus werden ihr guttun. Die Lisbeth nimmt sie für eine Woche, in etwa. Was meinst?" "Wenn's uns groß nichts kostet," sagt mein Vater (*Chidolue, D. Aber ich werde alles anders machen*).

– диалог подростков и взрослых:

"Heute abend ist eine Lesung," sagt sie.
"Das ist die dritte Lesung in dieser Woche," sage ich. "Wenn das so weitergeht, musst du mir einen Fernseher besorgen. Wenigstens das."
"Ich bringe dir einen mit, wenn du willst," sagt Gerold. "Ich habe einen übrig."
Ich antworte nicht.
Ein Fernseher ist ein verdammt schlechter Ersatz. Im Gesicht meiner Mutter jetzt dieser leidende Ausdruck. Ihr schlechtes Gewissen (*D. Meißner – Johannknecht. Vollkornsteine bringen Glück*).

Приведенные диалоги имеют типичную для диалога структуру и состоят из вопросов и ответов персонажей и слов автора. Реплики характеризуются эллиптическими синтаксическими конструкциями, парцелляциями, инверсией, повторами, переспросами. Лексика в основном относится к литературному языку, но включает в себя отдельные лексические единицы разговорной речи (*blöd, verdammt, in etwa*), междометия (*hä*?), редуцированные формы (*hab*), типичное для разговорной речи сопровождение имени собственного определенным артиклем (*die Lisbeth*), эмоциональные клишированные восклицания, характерные для разговорной речи (*Was du nicht sagst*!). Важнейшая роль диалогов в художественных контекстах состоит в том, что они воссоздают коммуникативную ситуацию между персонажами, позволяя читателю представить себе ситуацию живого общения, понять мотивы его участников и сопереживать им.

В отношении организации диалогической речи персонажей особый интерес представляет произведение П. Хертлинга (P. Härtling) "Djadi, Flüchtlingsjunge." В тексте романа создается особое пространство на основе смешения прямой речи персонажей и речи автора. Речь персонажей не выделяется графически в тексте, что создает для читателя эффект полного погружения в коммуникацию персонажей, но также осложняет восприятие текста:

Er versteht dich nicht. Jan zog den Jungen noch näher an sich, als müsste er ihn vor blöden Fragen schützen. Weißt du es? Dorothea ging in die Hocke, um dem Kind näher zu sein. Ich habe den Eindruck, er versteht uns ganz gut (*P. Härtling. Djadi, Flüchtlingsjunge*).

РАЗГОВОРНЫЙ СТИЛЬ В НЕМЕЦКОЙ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Разговорный стиль присутствует в каждом художественном произведении и отличается степенью выраженности. При создании образа героя-подростка авторы оформляют его прямую речь в более нейтральной форме разговорной речи либо с использованием разговорных / сленговых элементов, при этом доля последних в проанализированных произведениях незначительна.

Анализируя средства реализации разговорного стиля на лексическом и синтаксическом уровне, можно выделить следующие группы признаков разговорной речи:

– междометия и междометные восклицания, служащие реализации такого важного параметра художественного текста как эмотивность:

Ätsch, Auaa! Yeah ho! Wow! Oje! Hey! Ihhh! Ähm! Ups! Himmel, Arsch und…!, Was um Himmels willen;

– редуцированные формы слов (передача разговорных или диалектных особенностей речи): *Nee, is klar. Olles Ding. Nee, nee;*

– лексемы, типичные для устной разговорной речи: *grinsen, knutschen, auf j-n stehen* и др.;

– разговорные оценочные и усилительные частицы, прилагательные и прочие части речи: *voll fett! Blöde Zicke*; *echt*; *doof*; *Mist*;

– письменная фиксация особенностей устной речи – детская речь, заикание:

Du hast gestaubgesaugt (*K. Boie. Ich ganz cool*).

Oh, Saskia, wiwillst du eieinen Schluck vovon meiner Cococola? Ah, Saskia, hahahast du auch dieses Bububuch gelesen? Ups, Vovovorsicht, Sasaskia, das liegt ein Hahahaufen Huhuhundesche… (*G. Zillgens. Sommernachtsträume*).

«N…nein», sagte ich (*I. Krauß. Kurz vor morgen*);

– обращения, ласковые слова, прозвища:

"Na, Nele, zarte Seele?" sagte Mama und steckte den Kopf durch die Tür.
"Schlaf gut, Nele-Seele," sagte sie (*K. Boie. Ich ganz cool*).
"Ich weiß, Schatz," sagte Mama (*K. Boie. Ich ganz cool*).
Ich gehe da nicht wieder hin, du! (*K. Boie. Ich ganz cool*).

– эллиптические конструкции, инверсии:

"Unser altes Geisterhaus gibt's nicht mehr. Find ich schade!" (*D. Meißner – Johannknecht. Vollkornsteine bringen Glück*).

"Und hinterher Eis mit Heiß?" fragte Gussi.
Papa zögerte einen Augenblick. "Und hinterher Eis mit Heiß," sagte er (*K. Boie. Ich ganz cool*).

Необходимо отметить, что приведенные признаки разговорной речи характерны:

- преимущественно для прямой речи. Речь автора, в особенности оформленная от третьего лица, практически не содержит признаков разговорности;
- не для всех произведений. В ряде произведений под влиянием доминирующего концепта и соответствующего ему дискурса (например, исторического дискурса) прямая речь практически лишена признаков разговорности.

Проанализируем особенности реализации разговорного стиля в романе К. Бойе (K. Boie) «Ich ganz cool». Повествование в романе ведется от лица героя-подростка Штеффена, с использованием разговорного языка, включающего молодежный сленг. Для речи главного героя характерно наличие бранных слов, редукций, многочисленных междометий, эллиптических конструкций, что находит отражение в тексте не только в прямой речи персонажей, но и в авторской речи.

Разговорный характер носит заголовок романа «Ich ganz cool», содержащий эллиптическое предложение и разговорное определение *cool*, которое в словарной статье имеет помету «umgangssprachlich» («разговорное выражение») [Duden 2002].

Показателен фрагмент текста, с которого начинается повествование в романе:

Schule, also logisch, das bockt nicht so, aber was sollst du machen, ich geh trotzdem meistens hin. Und zurück denn immer, also zurück ist logisch besser, geh ich meistens mit Holger und Recep, und denn machen wir noch Mitjoggen auf dem Weg.
Also Mitjoggen, nä, darfst du erst losrennen, wenn das Auto voll auf der Kreuzung ist; der Kühler muß hinter der Fensterscheibe von Edeka, sonst gilt das nicht. Gibt es auch keine Ausnahme, Recep sagt, egal, ob einer kleiner ist oder was und kürzere Beine hat, ganz egal. Wer mitmachen will, gleiche Spielregeln (*K. Boie. Ich ganz cool*).

В приведенном фрагменте обращают на себя внимание повторы, которые прослеживаются далее во всем романе: *also (logisch), denn;* междометие *nä*, также типичное для всего повествования; разговорная лексика и редуцированные формы: *das bockt nicht so, voll, ganz egal; sonst gilt das nicht; ich geh hin*; инверсия: *Gibt es auch keine Ausnahme;* синтактические особенности: *Schule, also logisch, das bockt nicht so*; *Also Mitjoggen, nä, darfst du erst losrennen*; эллиптические предложения: *Wer mitmachen will, gleiche Spielregeln;* типичная для разговорной речи конструкция *machen + субстантивированный инфинитив*: *machen wir noch Mitjoggen*.

Далее рассмотрим пример прямой речи и речи героя-рассказчика:

> «Los, du Arsch!» schreit Recep. «Was ist jetzt?»
> Ich hab aber Glück, das ist ein Lada, steinalt, seh ich gleich. Da hab ich nicht mal richtig Muffe, also, das bockt echt nicht mal richtig. Aber Leben ist auch kein Scheiß, alles kannst du nicht haben.
> «Das gilt nicht!» schreit Recep. «Willst du uns verarschen oder was? Erst warten, bis so ein Schrotthaufen kommt, das gilt nicht!» (*K. Boie. Ich ganz cool*).

Как следует из приведенных примеров, прямая речь и речь рассказчика имеют общие черты:

- наличие бранных и сленговых слов: *du Arsch, verarschen, Da hab ich nicht mal richtig Muffe, Scheiß, Schrotthaufen*;
- разговорных слов и выражений: *das gilt nicht; das bockt echt nicht mal richtig*;
- редукций: *seh ich, hab ich*;
- эллиптических конструкций: *Erst warten, bis so ein Schrotthaufen kommt! Ich hab aber Glück, das ist ein Lada, steinalt, seh ich gleich.*

Речь героя-подростка от первого лица и прямая речь в диалогах и репликах не противопоставлены друг другу, а выдержаны в одном стиле. У читателя возникает впечатление, что все повествование представляет собой прямую речь главного героя, возникает эффект живого общения с персонажем.

Далее следует пример диалога между подростками из романа А. Хензген (A. Hensgen) «Dich habe ich in die Mitte der Welt gestellt». Главные герои этого произведения – учащиеся выпускного класса гимназии из семей интеллектуалов. В романе описываются их интересы, переживания и заботы во время прохождения факультативного курса по истории эпохи Возрождения:

> "Ich habe gestern Abend sehr lange über das Schöne in der Natur nachgedacht, und währenddessen wurde das Schlosstor zugesperrt."
> Svenja hatte sich fest vorgenommen, sich in diesem Gespräch nicht die Führung streitig machen zu lassen.
> "Wie bist du denn wieder rausgekommen?" Pauls Staunen wuchs sichtlich.
> "Matz hat eine Brücke über den kleinen Fluss gelegt und mir die Hand gereicht." Sie sprach betont langsam und ruhig.
> «Aha.» Paul war deutlich irritiert und Svenja überlegte, ob sie es nicht übertrieb (*A. Hensgen. Dich habe ich in die Mitte der Welt gestellt*).

Данный фрагмент содержит некоторые признаки разговорной речи: редуцированную форму *rausgekommen*, усилительную частицу *denn*, междометие *aha*. Однако в целом автор использует литературный язык, в том числе слова, скорее типичные для письменной речи, а не для речи подростков: *währenddessen, wurde zugesperrt, hat mir die Hand gereicht*. Это объясняется общей концепцией данного конкретного произведения: подростки переживают события личной жизни на фоне изучаемого материала – идей эпохи Возрождения. Анализируемые произведения эпохи Возрождения оказывают влияние на формирование личности героев-подростков и, безусловно, на их речь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, разговорность, реализуемая в разговорном стиле на различных уровнях языка, играет важную роль в формировании речевого портрета подростка – героя романа, расширяя средства объективации ключевого для концептуальной структуры художественного произведения макроконцепта «Identität» / «Личность», и также служит реализации концептуальной структуры художественного произведения в целом. Важная роль в пространстве художественного произведения для детей и юношества отводится диалогической речи, часто стилизованной под разговорную. В рамках диалогической речи происходит развитие сюжетных линий произведения, а также реализуются основные элементы концептуальной структуры художественного текста. Художественная ценность диалогической речи заключается в воссоздании коммуникативных ситуаций между персонажами произведения, что позволяет юному читателю живо представить как персонажей, так и непосредственно экстралингвистическую ситуацию общения, что способствует развитию у юного читателя фантазии и эмпатии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Козлова Л. Н. Лингвистическая характеристика средства разговорности в русской и переводной немецкоязычной прозе Людмилы Улицкой: дис. … канд. филол. наук. Калиниград, 2010.
2. Девкин В. Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. Москва: Высшая школа, 1981.
3. Беляева П. А. Лингвистический анализ диалогической речи в художественном произведении: дис. … канд. филол. наук. Москва, 2005.
4. Duden. Das Bedeutungswörterbuch. 3., neu bearbeitete und erweiterte Auflage, Mannheim: Dudenverlag, 2002.

REFERENCES

1. Kozlova, L. N. (2010). Lingvisticheskaya kharakteristika sredstva razgovornosti v russkoy i perevodnoy nemetskoyazychnoy proze Lyudmily Ulitskoy = Linguistic characteristics of conversational means in Russian and translated German-language prose of Lyudmila Ulitskaya: PhD in Philology. Kalinigrad. (In Russ.)
2. Devkin, V. D. (1981). Dialog. Nemetskaya razgovornaya rech' v sopostavlenii s russkoy = Dialogue. German colloquial speech in comparison with the Russian one. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
3. Belyayeva, P. A. (2005). Lingvisticheskiy analiz dialogicheskoy rechi v khudozhestvennom proizvedenii = Linguistic analysis of dialogical speech in a work of art: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
4. Duden. (2002). Das Bedeutungswörterbuch. 3., neu bearbeitete und erweiterte Auflage, Mannheim: Dudenverlag.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Привалова Елена Павловна
старший преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Privalova Elena Pavlovna
Senior Lecturer at the Department of German Lexicology and Stylistics,
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 11.07.2022
одобрена после рецензирования 10.08.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 11.07.2022
approved after reviewing 10.08.2022
accepted for publication 14.09.2022

Научная статья
УДК 81.42
DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_99

Специфика социально-психологического воздействия в период пандемии коронавируса (на материале немецкоязычного фельетона)

Е. А. Северина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ratriniada@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается социально-психологическое воздействие на адресата средствами современного немецкоязычного фельетона, освещающего начальный этап развития пандемии коронавируса в Германии (с февраля по июнь 2020 г.). Представлены результаты анализа фельетонов, для которых характерно применение вербально и невербально выраженной манипулятивной дискурсивной практики, а также определены лингвистические механизмы социально-психологического воздействия, объективируемого при помощи комбинированного применения языковых средств и средств визуализации.

Ключевые слова: фельетон, массовое сознание, манипулятивное воздействие, речевое воздействие, эмоциональное воздействие

Для цитирования: Северина Е. А. Средства социально-психологического воздействия немецкоязычного фельетона в период пандемии коронавируса (на материале немецкоязычного фельетона) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 99–108. DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_99

Original article

The Specifics of Socio-Psychological Impact during the Covid-19 Pandemic (based on the material of German satirical article)

Ekaterina A. Severina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ratriniada@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of the socio-psychological impact of modern German satirical articles on the mass recipient, covering the initial stage of the development of the coronavirus pandemic in Germany (February to June 2020). The author presents the results of the analysis of satirical articles, characterized by verbally and non-verbally expressed manipulative and persuasive discursive practice. Linguistic mechanisms of the socio-psychological impact of satirical articles are also defined, objectified through the combined use of language and visualization tools.

Keywords: satirical article, mass consciousness, manipulative influence, speech influence, emotional influence

For citation: Severina, E. A. (2022). The specifics of socio-psychological impact during the Covid-19 pandemic (based on the material of German satirical article). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 99–108. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_99

ВВЕДЕНИЕ

Тема пандемии коронавируса широко освещалась СМИ, информируя читателя о происходящих событиях. В связи со сложившимся положением институт СМИ сыграл немаловажную роль при оказании существенного манипулятивного и эмоционального воздействия на сознание людей. Среди прочих жанров в освещении данной проблемы ведущее место занял современный немецкоязычный фельетон. Нам представляется целесообразным проанализировать средства социально-психологического воздействия, используемые в современном немецкоязычном фельетоне, при освещении начала пандемии коронавируса в Германии (с февраля по июнь 2020 год).

Следует отметить, что выбор фактического материала для данного исследования обусловлен популярностью фельетона. Он представлен в общенациональных, локальных газетах и журналах общего профиля, а также в тематических периодических изданиях. Соответственно, можно говорить о значительном охвате читательской аудитории жанром фельетона. Повышенный интерес к теме коронавируса у населения в так называемую первую волну пандемии определял выбор главной темы СМИ. В то же время тема общемирового карантина в силу своей новизны и непредсказуемости, а также большого количества экспертных оценок порождает «условия для манипуляции имеющимися фактами» [Корнилова, Гусейнова, 2021, с. 252].

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье приводится анализ 17 немецкоязычных фельетонов, опубликованных с февраля по июнь 2020 год (общим объемом 40 687 знаков), описывающих начало пандемии коронавируса в Германии.

Материал исследования был отобран из 16 периодических изданий, среди которых представлены как общенациональные газеты («Süddeutsche Zeitung», «Deutsche Welle», «Oberhessenlive.de», «Tagesspiegel»), так и региональные издания («Main Post», «Leipziger Volkszeitung», «Ruhrnachrichten», «Westfalenpost»), а также газеты по определенной тематике («Manager Magazin», «Agrarheute, «Mobility Mag», «Energate-Messenger»). Указанный корпус текстов исследуется с точки зрения его воздействия на информационную сферу индивидуального, группового и массового сознания реципиента. Принято считать, что информационно-психологическое воздействие влияет прежде всего на психику реципиента «с целью некритического восприятия поступающей со стороны средств массовой коммуникации информации и с целью навязывания определенных стереотипов в сознании» [Попова, Балезина, 2015, с. 89]. В этом свете следует говорить о создании общепринятого стереотипного мнения, противоположного индивидуальному жизненному опыту. Распространенные представления о привычном образе жизни были полностью изменены в период карантина, что не осталось без внимания в современной немецкой публицистике. Согласно феномену фокусирования внимания, описанному О. К. Ирисхановой, реципиент концентрируется на отдельных аспектах определенной коммуникативной ситуации в «дихотомии *старое – новое*» [Ирисханова, 2014, с. 179]. Например, в фельетоне «Mit Mundschutz attraktiv wie nie zuvor»[1] («В маске еще более привлекательный») описано, как карантин повлиял на размеренный образ жизни, привнося новые привычки и стереотипы:

> Ob in der Zeit nach Corona ehedem unvorstellbare Phänomene wie <…> hausgemachte Haarschnitte oder mehrmals täglich Händewaschen bleiben werden, ist ungewiss.[2] – Неизвестно, сохранятся ли такие невообразимые явления, как <…> стрижка в домашних условиях или мытье рук несколько раз в день в посткоронный период.[3]

Изучение социально-психологического воздействия публицистического дискурса, в частности фельетона на реципиента в период первой волны коронавируса требует комплексного подхода, по этой причине при лингвистическом исследовании эмпирического материала нами был применен широкий спектр методов исследования. При обобщении полученных данных использован метод лингвистической интерпретации текста и метод контекстуального анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Существуют различные классификации психологического воздействия. При анализе эмпирического материала на тему коронавируса мы рассматриваем несколько типов социально-психологического воздействия, опираясь на различные классификации:

[1] URL: https://www.sueddeutsche.de/autoren/wolfgang-goerl-1.1143238
[2] URL: https://www.sueddeutsche.de/muenchen/coronavius-schutzmaske-mode-glosse-1.4916140/
[3] Здесь и далее перевод наш. – *Е. С.*

1) воздействие на психическую сферу реципиента – *стратегия манипулятивного воздействия*, опираясь на типологию, приведенную В. О. Поповой и Е. А. Балезиной [см. Попова, Балезина, 2015];

2) воздействие на намерения и установки реципиента с задействованием как вербальных, так и невербальных средств – *стратегия речевого воздействия*, используя типологию И. Э. Глинчевского [Глинчевский, 2005] и дополняя ее. Вслед за А. Г. Салаховой, отметим, что стратегия речевого воздействия не включает экстралингвистические компоненты коммуникативного взаимодействия [Салахова, 2008];

3) воздействие на эмоциональную сферу реципиента, «привнося в сюжет повествования элемент личной оценки» [Гасанов, 2022, с. 91] – *стратегия эмоционального воздействия*, упомянутая Б. В. Гасановым [Гасанов, 2022] и Ю. А. Зуляр [Зуляр, 2006].

Стратегия манипулятивного воздействия заключается в применении способов психологического влияния, которые имеют «скрытый характер воздействия, а также деструктивность манипуляции» [Van Dijk, 2006, с. 359]. Для манипулятивных практик первостепенную роль играет правильно выстроенный контекст, поскольку остальные пресуппозиции блокируются в сознании читателя [Maillat, 2013]. С этой целью подбираются соответствующие тактики. Остановимся на них ниже.

Тактика сдвига от реалистического сознания к аутистическому. Реалистическое мышление базируется на действительных и правильных представлениях об окружающем мире, в то время как целью аутистического мышления является «создание приятных представлений и вытеснение неприятных» [Попова, Балезина, 2015, с. 90]. Стремясь сохранить и поддержать спокойствие граждан, автор делает упор в фельетоне на положительной стороне сложившихся обстоятельств и описывает коронавирус как фактор, способствующий инновациям:

> Coronavirus als Innovationstreiber: Warum wir jetzt ALLES digitalisieren sollten.[1] – Коронавирус как причина для инновации: почему теперь ВСЁ следует цифровизировать?

Таким образом, подчеркивается, что у кризиса имеются не только негативные последствия. Напротив, автор представляет коронавирус как движущую силу прогресса.

Тактика переключения внимания с глобальной проблемы на локальную:

> Halleluja! Corona erlöst uns von der E-Scooter-Plage.[2] – Аллилуйя! Коронавирус избавляет нас от нашествия электронного самоката.

Журналист подчеркивает, что карантин в связи с пандемией стал разрешением проблемы халатного использования электросамокатов, решение которой давно откладывалось. «Нерадивые водители» электросамокатов приводили к хаосу и опасным ситуациям на дороге. Электросамокат может развивать скорость от 10 до 80 км/ч (средняя приблизительно 20–30 км/ч), и для его использования не требуется наличие специальных прав. Помимо этого, произвольно образовывались их уличные стоянки. Это не только портило облик города, но и приводило к неудобству всех участников дорожного движения. Таким образом, автор сознательно переключает общественное внимание с темы коронавируса на другую проблему, снижая общий градус обеспокоенности граждан по поводу нового вируса.

Тактика включения эсхатологических мотивов заключается в описании «ситуации-катастрофы, требующей незамедлительного решения для предотвращения» разного рода катаклизмов [Гусейнова, 2014, с. 26]. Данная тактика активно используется в современных СМИ для формирования непосредственной и импульсивной реакции у реципиента и состояния «рассеянности сознания», способствующих нерациональной реакции и повышенной внушаемости. Однако современный немецкоязычный фельетон использует данную тактику для создания гротеска, что напротив стимулирует у читателя противоположную реакцию и стремление к критическому мышлению. Во время пандемии общество задавалось вопросами:

> Wer produziert das Coronavirus? Wer verteilt es in der Welt? Wer sorgt für den ständigen Nachschub?[3] – Кто производит коронавирус? Кто распространяет его по всему миру? Кто несет ответственность за постоянный рост заболевших?

В тексте фельетонист в ироничной манере рассматривает общепринятое заблуждение, что переход на более быстрый мобильный Интернет стал разносчиком вируса:

> Dieser Mast, hörte ich, verbreitet Coronaviren. Alle Funk-Masten tun das, insbesondere die neuen 5-G-Masten. – Эта вышка, насколько я слышал, распространяет

[1] URL: https://www.sueddeutsche.de/autoren/wolfgang-goerl-1.1143238 https://www.manager-magazin.de/fotostrecke/coronavirus-warum-alles-digitalisiert-gehoert-glosse-fotostrecke-172610.html/

[2] URL:https://www.sueddeutsche.de/autoren/wolfgang-goerl-1.1143238 https://mobilitymag.de/e-scooter-plage-deutschland-coronavirus/

[3] URL: https://www.swr.de/swraktuell/snacks/die-corona-verschwoerung-100.html/

коронавирус. Это касается всех радиовышек, а особенно новых, распространяющих 5G Интернет.

Такого рода домыслы о том, что коронавирус является якобы последствием внедрения 5G Интернета, не имеет под собой необходимой научной и медицинской базы и приводит к несерьезному отношению к режиму карантина в Германии. Применяя данную тактику, фельетонист стремится развеять и опровергнуть данные мифы.

Тактика поддержания имиджа. В период начала пандемии широкое распространение имеет непроверенная или ложная информация о новом вирусе из ненадежных новостных источников. Подобные разрозненные материалы нередко приводят к сумятице и неразберихе, а зачастую к управляемому хаосу. В подобных условиях функции обеспечения информационной безопасности и поддержания имиджа государства берет на себя и современный фельетон. Фельетонисты целенаправленно формируют картину окружающей действительности, оказывая эмоциональное и психологическое воздействие [Васюкова, 1998, с. 195], внося ясность в разрозненный информационный поток, снимая уровень тревожности у населения и конструируя положительный образ предпринимаемых непопулярных у населения защитных мер. В качестве примера рассмотрим отрывки из фельетонов, где реализуется данная функция:

Wir müssten lernen, mit der Pandemie zu leben.[1] – «Надо научиться жить с пандемией».

Die Corona-Krise wird irgendwann überwunden sein, die Mund-Nase-Maske aber könnte der Stadt noch lange erhalten bleiben.[2] – Когда-нибудь мы преодолеем кризис из-за коронавируса, но респираторные маски еще надолго останутся в городе.

Vernünftige Leute aber sehen im Mund-Nasen-Lappen nur Vorteile.[3] – «Разумные люди видят в респираторных намордниках только плюсы».

Und Corona hat auch gute Seiten: Dank Home Office bin ich immer Zuhause.[4] – У коронавируса есть и хорошие стороны: благодаря удаленной работе я всё время нахожусь дома.

Так, фельетонисты старались не только найти положительные стороны, но и убедить в том, что ситуация не выходит из-под контроля, напротив в скором времени будет непременно разрешена.

Стратегия речевого воздействия является сложным психолингвистическим процессом, при котором важен выбор подходящих и фраз в конкретной коммуникативной ситуации. В современной немецкой публицистике для достижения наибольшего эффекта от автора требуется «умение правильно сочетать различные способы речевого воздействия в зависимости от собеседника и ситуации общения» [Стернин, 2001, с. 61]. В условиях высокой конкуренции фельетонисты используют разные средства речевого воздействия, в том числе и «скрытого» [Серебрякова, Милостивая, 2020], чтобы заинтересовать реципиента и удержать его внимание. Рассмотрим тактики речевого воздействия, релевантные для немецкоязычного фельетона.

Тактика гибридизации жанров применяется авторами для установления контакта с читателем. Тема коронавируса способствует слиянию научных, медицинских, экономических, публицистических жанров. Так, контаминация фельетона и отчета придает тексту более деловой и официальный тон, тем самым вызывая у адресата больше доверия к предоставляемому материалу:

Und dann kam das Coronavirus dazwischen: Unsere Autorin ist während des Lockdowns umgezogen – ein Erfahrungsbericht.[5] – И тут вмешался коронавирус: отчет о переезде одного из наших репортеров во время карантина.

Тактика аргументированного комментария широко распространена в современных СМИ в виде представления компетентной точки зрения эксперта. В данном примере автор ссылается на мнение федерального министра сельского хозяйства госпожу Клёкнер. Представляя политика массовому реципиенту, фельетонист допускает идеологизированные словосочетания с целью усиления воздействия, например:

Denn niemand geringeres als unsere Bundeslandwirtschaftsministerin Julia Klöckner war in Sorge um Sie.[6] – Потому что никто кроме нашего федерального министра сельского хозяйства Юлии Клёкнер не побеспокоился о Вас.

[1] URL: https://www.oberhessen-live.de/2020/05/12/kein-virus-dem-gruenen-funkloch-sei-dank/
[2] URL: https://www.sueddeutsche.de/muenchen/coronavius-schutzmaske-mode-glosse-1.4916140/
[3] URL: https://www.idowa.de/inhalt.glosse-ein-umzug-corona-zum-trotz.3aebccd2-a482-4767-8268-0fce36bf4bbe.html/
[4] URL: https://www.idowa.de/inhalt.glosse-ein-umzug-corona-zum-trotz.3aebccd2-a482-4767-8268-0fce36bf4bbe.html/
[5] URL: https://www.idowa.de/inhalt.glosse-ein-umzug-corona-zum-trotz.3aebccd2-a482-4767-8268-0fce36bf4bbe.html/
[6] URL: https://www.agrarheute.com/politik/ostern-zeiten-coronavirus-567092/)

Журналист, стремясь выделиться из общего беспорядочного информационного потока и придать достоверность тексту, применяет тактику включения мнения третьих лиц, компетентных в определенных областях, которые были непосредственно затронуты коронавирусом (медицина, политика, экономика и т. д.).

Тактику толкования ключевых понятий, описанных в фельетоне, также можно считать проявлением стратегии речевого воздействия. Сведения о ежедневном росте заболевших вызывают страх и волнение у населения. Однако по-прежнему в Германии не все относятся серьезно к мерам предосторожности, не все носят маски и перчатки. Многие не видят смысла в самоизоляции и закрытии различных общественных заведений. Убеждая читательскую аудиторию в серьезности сложившегося положения, фельетонисты дают собственную критическую оценку происходящего и образно описывают ситуацию, например:

> stachlige Viren[1] – колючие вирусы
>
> Diesmal aber hat uns Corona auch das durcheinander gebracht.[2] – На этот раз коронавирус всё испортил.
>
> Als mein Freund und ich Anfang Januar unsere Wohnung kündigen, ist das Coronavirus noch ein Gespenst aus dem fernen Wuhan.[3] – Когда мы с другом покинули нашу квартиру в начале января, коронавирус всё еще был призраком из далекого Уханя.
>
> In Zeiten des Coronavirus sind die goldenen Zeiten von Sport allerdings vorbei.[4] – Однако во времена коронавируса золотой век спорта окончен.

Также в современном немецкоязычном фельетоне можно встретить:

> Das Coronavirus richtet unsere Gesellschaft zugrunde.[5] – Коронавирус разрушает наше общество.

Анализ эмпирического материала показывает, что подобные высказывания приводились фельетонистами не с целью нагнетания обстановки, а стремлением донести до населения информацию о важности соблюдения мер по профилактике коронавируса.

Тактика включения «холиварной» темы. Данное выражение произошло от английского *holy war*[6], что переводится как *священная война* («Collins English Dictionary»). В русском языке упомянутое сленговое выражение обозначает спор двух сторон, соперничающих точек зрения. В подобном споре заведомо нет победителя [Кронгауз, Литвин, Мерзлякова, 2016] и нет правильного мнения. Массовый читатель преимущественно живо реагирует на подобные вопросы, по этой причине современные журналисты нередко прибегают к упомянутой тактике, например:

> Verschwörungstheoretiker und ihre Phantasien zum Coronavirus werden belächelt.[7] – «Приверженцы теории заговора и их фантазии о коронавирусе осмеяны».

Фокусируя внимание читателя на теме коронавируса при помощи данной тактики, журналист доносит информацию о необходимости соблюдения мер защиты при пандемии.

Тактика выделения отдельных фрагментов текста (например, графическое) широко применяется в современном немецкоязычном фельетоне. Подобным образом фельетонист не только привлекает внимание читателя, но и расставляет акценты в тексте. Здесь можно выделить следующие подпункты:

- оформление и формулирование заголовков и подзаголовков. Задачей заголовков и подзаголовков фельетона является побудить читателя прочесть текст полностью, поэтому журналист подбирает наиболее яркое выражение в целях достижения речевого воздействия. В качестве примера можно привести информативно-концептуальные заголовки, демонстрирующие прямую связь между заголовком и текстом:

> Wie Lenin dem Coronavirus zum Opfer fiel.[8] – Как Ленин пал жертвой коронавируса.

Данный фельетон сообщает, что в связи с началом пандемии коронавируса отменяют установку памятника Ленину в соборе Гельзенкирхен в Германии, которая была запланирована весной 2020 года к 150-летию Ленина;

[1] URL: https://www.swr.de/swraktuell/snacks/die-corona-verschwoerung-100.html/
[2] URL: https://www.mainpost.de/regional/main-spessart/Glosse-Rappeln-mit-dem-Virus;art772,10435599/
[3] URL: https://www.idowa.de/inhalt.glosse-ein-umzug-corona-zum-trotz.3aebccd2-a482-4767-8268-0fce36bf4bbe.html/
[4] URL: https://www.tagesspiegel.de/sport/ideen-in-der-coronavirus-krise-der-profisport-ist-reif-fuer-die-insel/25738450.html/
[5] URL: https://mobilitymag.de/e-scooter-plage-deutschland-coronavirus/
[6] URL: https://www.collinsdictionary.com
[7] URL: https://www.oberhessen-live.de/2020/05/12/kein-virus-dem-gruenen-funkloch-sei-dank/
[8] URL: https://www.dw.com/de/glosse-wie-lenin-dem-coronavirus-zum-opfer-fiel/a-53202597/

• включение «лида текста» [Панова, 2016]. Лид кратко раскрывает основную тему, захватывая внимание читателя на выделенном фрагменте и заинтересовывая его, например:

> Berlin – Der Coronavirus hinterlässt erste Spuren in den Kalendern von Politikern, Lobbyisten und Journalisten, die sonst üblicherweise bei diversen Veranstaltungen in der Hauptstadt zusammenstehen. Der Energiekonzern RWE hatte eigentlich für die erste Märzwoche zu einer Diskussionsrunde zum Kohleausstieg geladen. Diese hat das Unternehmen nun abgesagt, so wie auch alle anderen größeren internen und externen Veranstaltungen.[1] – Берлин – коронавирус оставляет первые следы в календарях политиков, лоббистов и журналистов, которые обычно пересекаются на различных мероприятиях в столице. На первую неделю марта энергетическая компания RWE запланировала обсуждение по вопросу прекращения использования угля. В настоящее время компания отменила его, как и все другие важные внутренние и внешние события.

Лид вводит реципиента в курс дела, не раскрывая деталей, побуждая читателя ознакомиться с текстом;

• выделение отдельных фрагментов текста, которые по мнению автора заслуживают особого внимания читателя. В данном отрывке автор высмеивает народные средства путем написания отдельных слов и словосочетаний прописными буквами:

> Drum habe ich lieber sofort eine Packung Bleichmittel geschluckt und mir eine Flasche Essig in die Nasenlöcher gekippt, weil… ich hörte ebenfalls, das helfe gegen Coronaviren. NEIN – NATÜRLICH NICHT! Aber ich hätte es vielleicht sogar getan, würde es mich vor solchen schwachsinnigen Fake-News bewahren! Politiker kämpfen dagegen an, Behörden und Journalisten – allein: ES HILFT ALLES NIX![2] – Поэтому я лучше сразу проглочу упаковку отбеливателя и залью себе в ноздри бутылку уксуса, потому что… в любом случае, говорят это помогает от коронавируса. НЕТ, КОНЕЧНО, НЕТ! Возможно, я так бы и поступил, не будь я огражден от таких безумных фейковых новостей. Политики борются с этим, различные учреждения и журналисты кричат в один голос: «ВСЁ ЭТО НЕ ПОМОГАЕТ!»

Фельетонист сатирически обыгрывает «советы» по лечению коронавируса и профилактическим мерам борьбы с ним сомнительного характера, которые получили во время «первой волны» широкое распространение, применяя шрифтовое варьирование.

Стратегия эмоционального воздействия. Для современного немецкоязычного фельетона как для жанра художественной публицистики характерно оказывать образно-эмоциональное воздействие на лексическом и морфолого-синтаксическом уровнях языка через оценочные суждения, сатирические сравнения, экспрессивную лексику, риторические вопросы и т. д., что передает личное суждение автора об описываемых явлениях и способствует построению доверительных отношений с читательской аудиторией. Эмоциональное воздействие рассматривается как элемент речевого воздействия.

Тактика сатирического осмеяния действительности нейтрализует проблему или по меньшей мере снимает ее остроту. Многие современные исследователи отмечают, что «повышенная эмоциональность фельетона продиктована также его сатирической природой» [Никонова, 2010, с. 79]. Фельетонист обличает действительность и бичует отрицательные черты описываемого объекта, оказывая эмоциональное воздействие на адресата:

> Verrückte Zeiten durchleben wir. Durch den Coronavirus ist Toilettenpapier zum Statussymbol geworden.[3] – Мы переживаем безумные времена. Из-за коронавируса туалетная бумага приобрела статусное значение.

Автор стремится вызвать у реципиента эмоциональный подъем, иронично подчеркивая уникальность временного периода. Так, фельетонист в самом начале пандемии сатирически описывает ажиотаж на некоторые продукты, в частности на санитарно-гигиенические товары, подогреваемый в информационном пространстве неразберихой по поводу правил самоизоляции, например:

> Ein Leben am Limit mit 5 Rollen Klopapier.[4] – Жизнь с ограничением в 5 рулонов туалетной бумаги.

Это способствует ослаблению напряжения, которое испытывает общество во время пандемии.

Тактика эмоционального воздействия на лексическом и морфолого-синтаксическом уровнях

[1] URL: https://www.energate-messenger.de/news/200659/vom-schrecken-des-coronavirus-und-dem-aufbluehen-energiepolitischer-fantasien---eine-glosse/

[2] URL: https://www.swr.de/swraktuell/snacks/die-corona-verschwoerung-100.html/

[3] URL: https://www.wp.de/staedte/kreis-olpe/glosse-durchatmen-und-nachhaltig-sein-in-zeiten-von-corona-id228791401.html/

[4] URL: https://www.ruhrnachrichten.de/werne/glosse-ein-leben-am-limit-mit-5-rollen-klopapier-plus-1505932.html/

языка. По мнению ученых «в коммуникативные намерения автора часто входит стремление изменить эмоциональное состояние аудитории» [Никонова, 2010, с. 79], чтобы подготовить и настроить реципиента на восприятие актуальной информации. Прагматическое воздействие на адресата осуществляется при помощи следующих средств выразительности:

• *каламбур* нередко основан на комическом использовании сходно звучащих, но разных по значению слов. Он усиливает экспрессивную и оценочную функции, например:

> ***Wahndemie***: Was das Virus mit den Chemtrails zu tun hat – oder gerade nicht.[1] – Заблуждение: связан ли вирус с использованием химикатов или нет.

Стремясь выделиться в общем информационном потоке и привлечь внимание к материалу, фельетонист намеренно подбирает для заголовка броское слово *die Wahndemie* схожее со словом *die Pandemie*. Меняя первые слоги, автор не только выказывает личное мнение к поставленной проблеме, но и привлекает внимание читателя к теме.

• *аллюзия* возникает, когда автор берет за основу реальные события прошлого и проводит нешаблонные исторические параллели, тем самым многократно усиливая эмоциональное воздействие. Согласно исторической справке, германцы в 9 году н. э. разгромили в Тевтобургском лесу три римских легиона во главе с полководцем Варусом. Узнав об этом, император Август воскликнул:

> Varus, Varus, gib mir meine Legionen wieder![2] – «Варус, Варус, верни мне мои легионы!»

Имя полководца *Varus* (*Варус*) схоже по звучанию со словом *Virus* (*вирус*), что обыгрывает журналист, проводя связь между двумя историческими событиями: поражением полководца Варуса, что привело к гибели большого числа людей, и новым вирусом, из-за которого также многие ушли из жизни:

> Mit einer winzigen Veränderung lässt sich aus der geflügelten Klage eine aktuelle Bitte machen: Virus, Virus, gib mir alle meine Freunde, Verwandten, Bekannten, ja sogar die Arbeitskollegen wieder.[3] – Немного видоизменив восклицание, ставшее крылатым выражением, мы можем сказать: вирус, вирус, верни мне всех моих друзей, родственников, знакомых и даже моих коллег по работе.

Подобная аллюзия в реалиях действительности пандемии коронавируса оказывает сильнейшее воздействие на массового читателя, так как «рассматривается как угроза» [Катермина, Яченко, 2020, с. 56];

• *персонализация* применяется в тех случаях, когда фельетонисту необходимо подать материал в неожиданном ракурсе, придавая тексту эмоционально-экспрессивную насыщенность. Рассмотрим пример из фельетона, написанного от лица коронавируса, что выделяет его из общего множества текстов по данной теме:

> Ich bin Covid-19, auch bekannt als Coronavirus. Entschuldigt, dass ich nicht angekündigt habe, wann, wie und wie stark ich mich bei Euch präsentieren würde. Warum bin ich hier? Sagen wir einmal, dass ich es leid war, Euch bei der Rückbildung anstatt bei der Entwicklung zuzusehen, oder wie Ihr alles ruiniert. Ich war müde, Euch zuzusehen, wie Ihr den Planeten behandelt, wie Ihr miteinander umgeht. Ich war müde von Euren Missbräuchen und Gewalttaten, den Kriegen, Euren persönlichen Konflikten und von Euren Vorurteilen. Ich war müde von Eurem sozialen Neid, Eurer Gier, Eurer Heuchelei und Eurer Selbstsucht.[4] – Я Covid-19, также известный как коронавирус. Извините, что не предупредил, когда, как и насколько близко мы познакомимся. Почему я здесь? Допустим, я устал смотреть, как вы регрессируете, а не развиваетесь, или как вы все испортили. Я устал смотреть, как вы относитесь к планете, как вы относитесь друг к другу. Я устал от ваших злоупотреблений и актов насилия, войн, ваших личных конфликтов и ваших предрассудков. Я устал от вашей социальной зависти, вашей жадности, вашего лицемерия и вашего эгоизма.

Общую обеспокоенность и растерянность фельетонист выражает в виде ответов на риторический вопрос *Warum bin ich hier?* (*Почему я здесь?*) от лица коронавируса, что придает экспрессию и образность тексту фельетона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В текстах современного немецкоязычного фельетона нами выявлены стратегии, которые могут способствовать формированию определенной точки зрения на событие. Мы выделяем две ведущие тенденции, которые прослеживаются в немецких

[1] URL: https://www.lvz.de/Nachrichten/Kultur/Kultur-Regional/Wahndemie-Was-das-Virus-mit-den-Chemtrails-zu-tun-hat-oder-gerade-nicht/
[2] URL: https://www.rnz.de/politik/ecke_artikel,-virus-virus-_arid,513991.html/
[3] URL: https://www.rnz.de/politik/ecke_artikel,-virus-virus-_arid,513991.html/
[4] URL: https://www.mainpost.de/regional/hassberge/Glosse-Welchen-verdammten-Sinn-kann-denn-dieses-Virus-haben;art513833,10431751/

фельетонах, написанных в период пандемии коронавируса:

– авторы стремятся донести до населения серьезность сложившейся обстановки, показать, насколько положение критично, призывая таким образом адресата воспринимать окружающую действительность со всей серьезностью и не пренебрегать необходимыми защитными мерами. Для этого в современном немецкоязычном фельетоне в первую очередь используются: тактика аргументированного комментария, тактика включения эсхатологических мотивов, тактика толкования ключевых понятий и оценки происходящих событий, тактика включения «холиварной» темы;

– одновременно авторы стремятся обеспечить информационную безопасность населения. Задача фельетонистов состоит в том, чтобы сохранить спокойствие в обществе и не вызвать панику. По этой причине находят некоторые положительные стороны в новом укладе жизни, убеждают читателя в «стабильности» ситуации и в скором ее разрешении. Для этого в первую очередь применяются: тактика сдвига от реалистического сознания к аутистическому, тактика переключения внимания, тактика поддержания имиджа, тактика сатирического осмеяния действительности.

При анализе эмпирического материала нами был проведен статистический подсчет частотности методов социально-психологического воздействия, использованных в современном немецкоязычном фельетоне, описывающих начало пандемии в Германии. Полученные данные сведены в единую таблицу (см. табл.).

Таблица 1

№	Название тактики	Общенациональный фельетон*	Региональный фельетон**	Тематический фельетон***	Частотность метода****	Количество фельетонов*****
Стратегия манипулятивного воздействия						
1	Тактика сдвига от реалистического сознания к аутистическому	4	1	2	7	5
2	Тактика переключения внимания	5	3	4	12	9
3	Тактика эсхатологических мотивов	4	3	1	8	7
4	Тактика поддержания имиджа	10	6	4	21	11
Стратегия речевого воздействия						
5	Тактика гибридизация жанров	–	–	1	1	1
6	Тактика аргументированного комментария	5	1	2	8	6
7	Тактика толкования ключевых понятий	7	2	3	12	9
8	Тактика включения «холиварной» темы	3	4	–	7	3
9	Тактика оформления и формулирования заголовков	9	13	7	29	15
10	Включение «лида текста»	5	5	3	13	13
11	Выделение отдельных фрагментов текста	–	3	–	3	1
Стратегия эмоционального воздействия						
12	Тактика сатирического осмеяния действительности	12	8	2	22	9
13	Тактика эмоционального воздействия на лексическом уровне:					
А	• Каламбур	2	2	2	6	2
Б	• Аллюзия	1	2	1	4	3
В	• Персонализация	2	2	1	5	4

* частотность использования тактики в общенациональных изданиях (корпус состоит из 4 фельетонов);
** частотность использования тактики в региональных изданиях (корпус состоит из 7 фельетонов);
*** частотность использования тактики в тематических изданиях (корпус состоит из 4 фельетонов);
**** частотность конкретной тактики в указанном корпусе текстов (корпус состоит из 17 фельетонов);
***** количество фельетонов с указанной тактикой.

На основании статистических данных мы приходим к выводу о том, что все выявленные нами тактики используются для достижения определенных прагматических целей. При этом авторы фельетона отдают предпочтение одновременному использованию как разных стратегий воздействия, так и тактик их реализующих. В анализируемых нами фельетонах не отмечены четкие границы, определяющие сферы употребления конкретных тактик. В результате такой конвергенции разные стратегии и тактики формируют определенную точку зрения массового читателя на события.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Корнилова Е. Н., Гусейнова И. А. Мифологические модели в медиадискурсе пандемии короновируса в России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 2 (844). С. 250–267.
2. Попова В. О., Балезина Е. А. Роль средств массовой информации в формировании стереотипов массового сознания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 2 (22). С. 88–94.
3. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.
4. Глинчевский И. Э. Средства речевого воздействия в языке СМИ // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 4. С. 18–27.
5. Салахова А. Г. Дискурс: функционально-прагматический и функциональный аспекты. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2008.
6. Гасанов Б. В. Эксплификация и стереотипизация семьи в медийном дискурсе политиков: дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2022.
7. Зуляр Ю. А. Массовые коммуникации в рекламе. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2006.
8. Van Dijk T. A. Discourse and Manipulation // Discourse & Society. 2006. Vol. 17 (3). P. 359–383.
9. Maillat D. Constraining context selection: On the pragmatic inevitability of manipulation // Journal of Pragmatics, 2013. Vol. 59 (Part B). P. 190–199.
10. Гусейнова И. А. Жанр апокалипсиса: сценарии будущего? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 18 (704). С. 24–32.
11. Васюкова И. А. Словарь иностранных слов. М.: АСТ-Пресс, 1998.
12. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Кварта, 2001.
13. Серебрякова С. В., Милостивая А. И. Лингвистическое портретирование пандемии COVID-19 в прессе России и Германии // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 2. С. 202–209.
14. Кронгауз М. А., Литвин Е. А., Мерзлякова В. Н. Словарь языка Интернета.ru. М.: АСТ-Пресс, 2016.
15. Панова Е. Ю. Речевое воздействие в текстах СМИ (на примере анализа новостных сообщений, освещающих этап конфликта на Украине) // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 7 (389). С. 120–130.
16. Никонова Ю. И. Эмоциональное воздействие как прагматическая составляющая полемики фельетона // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 11. С. 77–80.
17. Катермина В. В., Яченко Е. А. Covid-19 как лингвистическое явление (на материале текстов англоязычных СМИ) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. 2020. Вып. 3 (108). С. 51–58.

REFERENCES

1. Kornilova, E. N., Guseinova, I. A. (2021). Mythological models in the media discourse of the coronovirus pandemic in Russia. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 2(844), 250–267. (In Russ.)
2. Popova, V. O., Balezina, E. A. (2015). Role of mass media in formation of stereotypes of mass consciousness. Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology, 2(22), 88–94. (In Russ.)
3. Irishanova, O. K. (2014). Focus games in language: semantics, syntax, and pragmatics of defocusing. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russ.)
4. Glinchevskiy, I. E. (2005). Sredstva rechevogo vozdejstviya v yazyke SMI = Means of speech influence in the language of the media media. Vestnik of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication, 4, 18–27. (In Russ.)
5. Salahova, A. G. (2008). Diskurs: funkcionalno-pragmaticheskij i funkcionalnyj aspekty = Discourse: functional-pragmatic and functional aspects. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. (In Russ.)
6. Gasanov, B. V. (2022). Eksplikaciya i stereotipizaciya sem'i v medijnom diskurse politikov = Explication and stereotyping of the family in the media discourse of politicians: PhD in Philology. Stavropol. (In Russ.)

7. Zular, U. A. (2006). Massovye kommunikacii v reklame = Mass communications in advertising. Irkutsk: Irkutsk State University. (In Russ.)
8. Van Dijk, T. A. (2006). Discourse and manipulation. Discourse & Society, 17(3), 359–383.
9. Maillat, D. (2013). Constraining context selection: On the pragmatic inevitability of manipulation. Journal of Pragmatics, 59 (Part B), 190–199.
10. Guseinova, I. A. (2014). Apocalyptic genre: scripts of the future? Vestnik of Moscow State Linguistic University, 18(704), 24–32. (In Russ.)
11. Vasyukova, I. A. (1998). Slovar inostrannyh slov = Dictionary of foreign words. Moscow: AST-Press. (In Russ.)
12. Sternin, I. A. (2001). Vvedenie v rechevoe vozdejstvie = Introduction to speech influence. Voronezh: Kvarta. (In Russ.)
13. Serebryakova, S. V., Milostivaya, A. I. (2020). Lingvisticheskoe portretirovanie pandemii COVID-19 v presse Rossii i Germanii = Linguistic portrayal of the COVID-19 pandemic in the press of Russia and Germany. Gumanitarnye i yuridicheskiye issledovaniya, 2, 202–209. (In Russ.)
14. Krongauz, M. A., Litvin, E. A., Merzlyakova, V. N. (2016). Slovar yazyka interneta.ru = Dictionary of the Internet language.ru. AST-Press. (In Russ.)
15. Panova, E. Yu. (2016). Speech influence in the texts of mass media (on the example of analysis of news reports covering the initial phase of the conflict in Ukraine). Bulletin of Chelyabinsk State University, 7(389), 120–130. (In Russ.)
16. Nikonova, Yu. I. (2010). Emocionalnoe vozdejstvie kak pragmaticheskaya sostavlyayushchaya polemiki fel'etona = Emotional affect as a pragmatic component of the satirical article polemics. Vestnik of Buryatsk State University, 11, 77–80. (In Russ.)
17. Katermina, V. V., Jachenko, E. A. (2020). Covid-19 as a linguistic phenomenon (based on English mass-media texts). I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin, 3 (108), 51–58. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Северина Екатерина Андреевна
соискатель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка
старший преподаватель кафедры второго иностранного языка Института иностранных языков им. М. Тореза Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Severina Ekaterina Andreevna
External PhD student at the Department of German Lixicology and Stylistics, Faculty of the German Language, Senior Lecturer at the Department of the Second Foreign Language, M. Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 16.07.2022
одобрена после рецензирования 22.08.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 16.07.2022
approved after reviewing 22.08.2022
accepted for publication 14.09.2022

Научная статья
УДК 81.42
DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_109

Особенности репрезентации ключевых понятий общественно-политического дискурса в формате «Leichte Sprache» на сайтах органов власти ФРГ

В. В. Стрельцова
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
wlapschina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности феномена «легкий язык» (Leichte Sprache) как элемента безбарьерной среды и инструмента доступа к общественно-важной информации для людей, испытывающих трудности в восприятии письменных текстов; разграничиваются понятия «простой язык» и «легкий язык», анализируются правила «легкого языка» на примере текстов сайтов федеральных органов власти ФРГ. Изучение лексико-грамматических, синтаксических особенностей текстов позволяет сделать вывод об эффективности правил данного формата немецкого языка.

Ключевые слова: «легкий язык», Leichte Sprache, «простой язык», безбарьерная среда, ограничения, уровни языка

Для цитирования: Стрельцова В. В. Особенности репрезентации ключевых понятий общественно-политического дискурса в формате «Leichte Sprache» на сайтах органов власти ФРГ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 109–116. DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_109

Original article

Features of Representation of the Key Concepts of Socio-Political Discourse in the «Leichte Sprache» Format on the Websites of German Authorities

Valentina V. Streltsova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
wlapschina@yandex.ru

Abstract. The article discusses features of the phenomenon of easy-to-read German (Leichte Sprache) as an element of a barrier-free environment and an instrument of access to socially important information for people experiencing difficulties in perceiving written texts; the concepts of «simple» and «easy language» (easy-to-read German, Leichte Sprache) are distinguished, the rules of «easy language» are analyzed on the example of texts of the websites of federal authorities of Germany. The study of lexico-grammatical, syntactic features of texts allowed the author to make conclusions about the effectiveness of the rules of this format of the German language.

Keywords: "easy language", easy-to-read German, Leichte Sprache, "simple language", a barrier-free environment, restrictions, levels of language

For citation: Streltsova, V. V. (2022). Features of representation of the key concepts of socio-political discourse in the «Leichte Sprache» format on the websites of German authorities. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 109–116. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_109

ВВЕДЕНИЕ

Процессы миграции, экономического и культурного обмена способствуют повышению интереса к изучению иностранных языков. Общество приходит к пониманию, что необходимо обеспечить доступность информации как для всех представителей языковой общности, для которых немецкий язык является единственным родным языком, так и для людей, существующих в условиях многоязычия, в том числе и мигрантов.

С 1960-х годов ряд стран (США, Швеция и др.) активно выступает за равный доступ к информации для всех членов общества. В 1974 году в США была основана общественная организация «People first», которая в 1996 году разработала систему «Easy-Read» для людей, испытывающих по разным причинам (интеллектуальные особенности, трудности в обучении) проблемы с чтением. В Германии в 1990-е годы также была признана необходимость обеспечить всем гражданам полноценный доступ к общественно-важной информации. Так, в 1997 году в ФРГ была основана ассоциация людей, испытывающих трудности в обучении – «Wir vertreten uns selbst!», затем при поддержке учрежденного в 2001 году общества «Mensch zuerst – Netzwerk People First Deutschland» были изданы специальные словари так называемого «Leichte Sprache» («легкого языка»), а в 2006 году создана «Ассоциация "легкого языка"» («Netzwerk Leichte Sprache») [Петрова, 2019]. 14 % взрослого населения ФРГ (7,5 млн граждан) испытывают проблемы с чтением и владеют письменными навыками в недостаточном объеме для участия в общественной жизни, т. е. являются функционально неграмотными[1]. Кроме того, в 2008 году была принята Конвенция ООН о правах инвалидов, согласно которой невозможность для ряда групп населения, испытывающих проблемы с пониманием письменных текстов, в первую очередь официально-делового стиля, извлечь информацию является дискриминацией и должна быть устранена.

Перечисленные факты свидетельствуют о признании мировым сообществом и Германией, в частности, необходимости лингвистической поддержки некоторых групп граждан. При этом стоит подчеркнуть, что эти группы отличает друг от друга наличие определенного ряда трудностей при использовании немецкого языка. В связи с этим представляется важным рассмотреть упрощенный, или так называемый «легкий» (легко читаемый), формат использования немецкого языка как один из элементов создания безбарьерной (barrierefrei) среды [Baumert, 2018]. «Легкий язык», выбранный в качестве объекта данного исследования, рассматривается как наиболее приемлемый способ получения информации о всех сферах жизни, например, о государственном устройстве и актуальных политических событиях[2].

Таким образом, *предметом* данного исследования является система правил употребления лексических единиц, грамматических форм и конструкций, ограничения для употребления стилистических средств, невербальная составляющая текстов в особом формате немецкого языка – «Leichte Sprache» («легком языке»). Изучение лексико-грамматических и синтаксических особенностей текстов позволяет сделать вывод об эффективности правил этого формата немецкого языка.

В качестве *материала* рассматривались тексты сайтов органов государственной власти ФРГ. Теоретическую основу исследования составили работы А. Баумерта [Baumert, 2018], а также ряда статей отечественных и зарубежных исследователей феномена «легкого языка».

Задачи исследования состоят в описании феномена «Leichte Sprache» («легкий язык»), разграничении понятий «Leichte Sprache» («легкий язык») и «Einfache Sprache» («простой язык»), определении лексических и грамматических особенностей текстов в формате «легкого языка». В качестве *методов* исследования использовались сравнительный метод, метод лингвистического и контекстного анализа.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА «LEICHTE SPRACHE» («ЛЕГКИЙ ЯЗЫК»)

«Легкий язык» появился как ответ на критику текстов официально-делового дискурса, представляющих трудность для достаточно гетерогенной группы реципиентов. В эту группу входят люди, испытывающие проблемы в обучении, плохо владеющие навыками чтения или имеющие различные когнитивные нарушения, а также страдающие деменцией; к кругу людей, нуждающихся в упрощенном варианте литературного языка, подчиненном определенным стандартизированным принципам трансформации, относятся также плохо владеющие немецким языком (в том числе и мигранты).

Часто можно встретить синонимичное употребление понятий «Einfache Sprache» («простой язык») и «Leichte Sprache» («легкий язык»). Действительно, оба понятия соотносятся с гетерогенной группой реципиентов, нуждающихся в

[1] URL: https://text-welten.com/einfache-und-leichte-sprache-unterschiede/

[2] URL: https://www.bundestag.de/barrierefreiheit ; https://www.bundesregierung.de/breg-de/leichte-sprache/ ; https://www.land.nrw/leichte-sprache ; https://www.zdf.de/barrierefreiheit-im-zdf ; https://www.nachrichtenleicht.de

упрощении немецкого языка [Baumert, 2018]. Но следует уточнить, что так называемый «простой язык» соотносится, как правило, с бытовыми сферами общения, не характеризуется стандартизацией, т. е. набором правил, которые проверяются экспертами. «Простой язык» соответствует уровням языковой компетенции A2 и B1, что можно считать средним уровнем владения языком. В связи с этим он представляет трудность для вышеупомянутой целевой группы. «Легкий язык», напротив, ориентирован на уровни владения A1 и A2, тексты обязательно должны быть соотнесены с целым рядом критериев, например необходимо использование простых и коротких слов, сложносоставные слова разделяются дефисом или точкой (*Bundes-Tag*), оба компонента пишутся с заглавной буквы, что облегчает понимание структуры слова. Кроме того, следует отказаться от заимствований, даже во избежание синонимии, что выглядит на первый взгляд как стилистическое нарушение, но в действительности позволяет повысить семантическую связность текста. Этому способствует также простой синтаксис. Важным представляется отказ от средств языковой экономии, к которым относятся сокращения и невербальные средства, а также от фразеологии и метафорики. Тропы как источник имплицитных смыслов и стилистические фигуры представляют трудность для понимания, создают многомерность содержания, совершенно ненужную в текстах информационного характера, для которых, собственно, и был создан «легкий язык».

Рассмотрим особенности представления одного и того же текста в стандартном варианте немецкого языка, «Einfache Sprache» («простом языке» и «легком языке» («Leichte Sprache»).

Вариант стандартного употребления немецкого языка[1]:

> Viele Menschen haben Probleme, das zu verstehen, was wir als normale Schriftsprache kennen. Dies betrifft zum Beispiel Menschen, deren Muttersprache nicht Deutsch ist, Menschen mit Lernschwierigkeiten oder Menschen mit einem geringen Bildungshintergrund. Um auch diese Menschen zu erreichen, gibt es Einfache Sprache. Im Vergleich zu Leichter Sprache ist Einfache Sprache etwas komplexer[2].

Многим людям сложно понять обычный язык в письменной форме. Это касается, например, людей, для которых немецкий язык не является родным, а также тех, кто испытывает трудности в обучении или имеет низкий уровень образования. Чтобы все эти люди получили информацию, используется «простой язык». По сравнению с «легким языком» он представляется более комплексным явлением.

Сложность для понимания представляет наличие сложноподчиненных предложений разных типов (с придаточными определительными и придаточными цели) и инфинитивных оборотов в небольшом контексте, инверсии, перечисления, сложных слов, оборотов (*im Vergleich zu*). Данные средства характерны для номинального стиля, создают семантическую плотность, но сложны для восприятия.

«Простой язык», напротив, предлагает вариант того же текста, но уже с использованием главным образом простых предложений, эллиптических конструкций:

> Viele Menschen können schwere Texte nicht verstehen. Zum Beispiel Menschen, die nicht gut Deutsch können. Zum Beispiel Menschen mit Behinderung. Zum Beispiel Menschen, die nicht lange zur Schule gegangen sind. Für diese Menschen gibt es Einfache Sprache. Im Vergleich zu Leichter Sprache ist Einfache Sprache etwas schwerer[3]. – Многие люди не понимают сложные тексты. Например, те, кто плохо знает немецкий язык, инвалиды, люди, которые недолго ходили в школу (*досл.*). Для этих людей есть «простой язык». По сравнению с «легким языком» «простой язык» представляется более сложным[4].

Несомненно, этот текст легче воспринимать благодаря распределению информации на большее количество предложений. При этом допускается наличие придаточных предложений, но это придаточные предложения одного типа. Замена словосочетания *mit einem geringen Bildungshintergrund* (*низкий уровень образования*) на придаточное предложение (*Menschen, die nicht lange zur Schule gegangen sind*) позволяет снизить категоричность и даже в каком-то смысле стигматизацию целевой группы, а также позволяет легче воспринимать текст. «Простой язык» в большой мере рассчитан на мигрантов и иностранцев и не предполагает обязательного наличия особого форматирования или графических элементов.

Использование «легкого языка» определено рядом правил [Die Regeln für Leichte Sprache, URL]. Это заметно уже на уровне графического оформления текста. Так, согласно правилам[5], каждое предложение пишется на отдельной строке

[1] Зд. и далее представлен (в ряде случаев приблизительный) перевод фрагмента текста на немецком языке в формате «легкого языка». Пунктуация в ряде случаев сохранена. – *В. С.*

[2] URL: https://text-welten.com/einfache-und-leichte-sprache-unterschiede/

[3] Там же.

[4] Зд. и далее перевод наш. – *С. В.*

[5] URL: https://www.leichte-sprache.org/leichte-sprache/dieregeln/

без переносов, интервал и шрифт должны быть увеличены, причем не каждый шрифт считается легко воспринимаемым (предпочтительнее, например, шрифты Arial, Tahoma). В связи с обеспечением семантической связности можно наблюдать полное отсутствие замены слова или выражения эквивалентным словом или словосочетанием, например, *люди – целевая группа*. Следующий пример позволяет это продемонстрировать:

Viele Texte sind zu schwer.
Viele Menschen können diese Texte nicht verstehen.
Zum Beispiel:
- Ausländer
- Behinderte
- Menschen, die nicht lange zur Schule gegangen sind.

Für diese Menschen gibt es **Einfache Sprache**[1].

Многие тексты сложны.
Многие люди не могут понять эти тексты.
Например:
- иностранцы,
- инвалиды,
- люди, которые недолго ходили в школу (*досл.*).

Для этих людей есть «простой язык».

Далее подробнее рассмотрим правила создания текстов в формате «Leichte Sprache».

ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА СОЗДАНИЯ ТЕКСТОВ В ФОРМАТЕ «LEICHTE SPRACHE»

Основные правила формата «легкого языка» касаются лексического и синтаксического уровней [Die Regeln für Leichte Sprache, 2022]. Устранение синонимии как явления, порождающего неуверенность пользователя (например, замена *Tablette* на *Pille* в рамках одного контекста), который не всегда способен идентифицировать отношения эквивалентности в тексте, а также выбор в пользу общеупотребительного слова с широкой семантикой, не маркированного стилистически (*erlauben* вместо *genehmigen*), не относящегося к профессиональной лексике, отказ от большого количества сложных слов, с одной стороны, и сокращений (*Dr., ebd.*), с другой стороны, значительно облегчают восприятие текста.

Большую трудность для целевой группы представляют числительные. В случае сложных количественных числительных возможна их замена на слово *viel* (*много*), порядковые числительные для наглядности могут быть представлены цифрой (*...gibt es einen 2. Wahl-Versuch*).

Что касается грамматических конструкций, совершенно необходимым представляется избегать употребления номинального стиля, цепочки существительных в родительном падеже, пассивных конструкций с неназванным исполнителем действия, а также сослагательного наклонения.

Данный формат немецкого языка рассчитан в основном на восприятие информации, но на основании таких текстов пользователь сможет говорить на тему прочитанного текста, т. е. самостоятельно создавать текст и развивать навыки владения языком, а именно, продуктивной речевой деятельностью. Интересно, что в качестве вспомогательного инструмента Институт вычислительной визуалистики университета Кобленц-Ландау (Institute for computational visualistics Koblenz Landau) разработал вычислительную лингвистическую систему ExtendedEasyTalk, с помощью которой стало возможным формулировать самостоятельно грамматически и семантически правильные тексты. Система позволяет поддержать пользователя, имеющего недостаточные знания грамматики, обеспечить правильность синтаксиса [Harbusch, Steinmetz, 2022].

Далее рассмотрим, как применяются перечисленные правила в текстах раздела «Leichte Sprache».

ОБЪЯСНЕНИЕ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ САЙТОВ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ФРГ

В данном разделе проанализировано объяснение ключевых понятий общественно-политического дискурса в соответствии с правилами построения текстов в формате «Leichte Sprache». Представляется нецелесообразным полное дублирование в этом формате всей информации, представленной на официальном сайте. Для целевой группы, использующей «Leichte Sprache», необходима выборочная информация о функциях, выборах или назначении главы органов власти, международных организациях, членом которых является ФРГ.

Рассмотрим отрывок текста о роли и функции федерального канцлера:

Was ist der Bundes-Kanzler?
Der Bundes-Kanzler ist der Chef der Regierung von Deutschland.
Die Regierung sind die Politiker, die Deutschland leiten.
Die Regierung kümmert sich zum Beispiel darum, dass die Gesetze ausgeführt werden. Sie kann aber auch eigene GesetzIdeen entwickeln[2].

[1] URL: https://text-welten.com/einfache-und-leichte-sprache-unterschiede/

[2] URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/leichte-sprache/der-kanzler-und-sein-kabinett-1987834

Кто такой федеральный канцлер?
Федеральный канцлер – это глава правительства Германии.
Правительство – это политики, которые руководят Германией. Правительство заботится, например, о том, чтобы законы исполнялись. Оно может также предлагать законопроекты.

Текст начинается с вопроса *Was ist der Bundes-Kanzler?* (*Кто такой федеральный канцлер?*), что позволяет представить текст менее официальным (этому способствует также вопросительное слово *was*).

В текстах формата «Leichte Sprache» синонимический ряд обычно отсутствует. Если же номинация *der Bundes-Kanzler* всё же заменена на *der Chef der Regierung* (но не *der Regierungs-Chef*), то во избежание недопонимания, дополнительных дефиниций, связанных с употреблением слова иностранного происхождения с непривычным написанием (*-chef*), приводится объяснение, что эти слова являются эквивалентами. Отметим графические особенности написания сложных слов.

Кроме того, следует обратить внимание на особенности представления понятий политического дискурса в текстах. Следующий пример демонстрирует следование закону тема-рематического построения текста:

Der Bundes-Kanzler ist der Chef der *Regierung* von Deutschland. Die *Regierung* sind die Politiker… Die Regierung kümmert sich …die *Gesetze* ausgeführt werden… (*там же*).

Несмотря на правило, согласно которому следует использовать простые предложения, отступления от правила возможны:

…Die Regierung kümmert sich zum Beispiel *darum*, *dass* die Gesetze ausgeführt werden (*там же*). – …Правительство заботится, например, *о том*, *чтобы* законы исполнялись.

Так, оборот *kümmert sich zum Beispiel* ***darum, dass*** (*заботится, например, о том, чтобы*) является примером сложноподчиненного предложения, в то время как в формате «Leichte Sprache» предпочтительнее использовать простые предложения. Точно определить, насколько приемлема такая конструкция для целевой группы, можно только после работы экспертов, состоящей из людей, испытывающих проблемы с пониманием письменных текстов. Возможно, человек, испытывающий проблемы с пониманием письменного текста в силу недостатка образования, или иностранец, не имеющий когнитивных нарушений и имеющий представление о немецкой грамматике, сможет понять это предложение. Но реципиенты с когнитивными нарушениями будут испытывать трудности понимания, вызванные, в частности, обратным порядком слов в придаточном предложении, употреблением местоименного наречия.

При создании текста на «легком языке» автор должен руководствоваться тем, что читатель может не обладать фоновыми знаниями, необходимыми для понимания текста. Возможны ситуации, когда читатель обладает информацией об упоминаемых в предназначенном для него тексте явлениях, но не имеет представления об их взаимосвязи. Поэтому некоторая «избыточность», выражающаяся в дефинициях встречающихся первый раз понятий, необходима.

Обычно формат «Leichte Sprache» допускает замену сложного для восприятия числа на слово *много*, но это не всегда возможно. Следующий пример демонстрирует, что в некоторых случаях указание точного числа необходимо, иначе читатель не поймет, что означает слово *большинство* при голосовании. Также необходимо отметить, что порядковые числительные в тексте обозначаются цифрой для наглядности и лучшего понимания:

Zum Beispiel: Der Bundestag hat **700** Mitglieder.
Dann braucht der Kandidat **351** Stimmen.
Wenn das nicht klappt, gibt es einen **2**. Wahl-Versuch.
Dabei kann der Bundestag 14 Tage lang einen oder mehrere neue Kandidaten vorschlagen. Über die wird dann auch abgestimmt.
Auch dann braucht ein Kandidat mehr als die Hälfte aller Stimmen vom Bundestag.
Dann wird er Bundes-Kanzler.
Wenn auch das nicht klappt, gibt es einen **3**. Wahl-Versuch.
Wenn ein Kandidat mehr als die Hälfte aller Stimmen bekommt, wird er Bundes-Kanzler. Beim 3. Wahl-Versuch reicht es aber auch, wenn ein Bewerber mehr Stimmen bekommt als andere Bewerber. In diesem Fall darf der *BundesPräsident* entscheiden: Er kann den Kandidaten zum *Bundes-Kanzler* machen. Oder er kann entscheiden, dass ein neuer Bundestag gewählt wird[1].

Например: в бундестаге 700 человек.
Тогда кандидату [на должность федерального канцлера] необходим 351 голос. Если он не получает

[1] URL: https://www.bundestag.de/resource/blob/871132/111df23882a61ecf51ce2ea3261ea5d8/beilage_188_bundeskanzler_13122021-data.pdf

необходимого количества голосов, выборы проводят второй раз.
При этом бундестаг в течение 14 дней может предложить одного или нескольких кандидатов. Тогда проводится голосование.
Кандидат должен получить более половины голосов в бундестаге.
Если он не получает нужного количества голосов, выборы проводят в третий раз.
Если кандидат получает более половины голосов, он становится федеральным канцлером. В третий раз достаточно, если кандидат получит больше голосов, чем другие претенденты. В этом случае решение принимает федеральный президент. Он может назначить этого кандидата федеральным канцлером. Или он [федеральный президент] может принять решение о новых выборах в бундестаг».

Данный фрагмент позволяет убедиться, что замена аналитических глагольно-именных конструкций на глаголы и, в частности, употребление одного и того же глагола (*entscheiden*) облегчают понимание сложного содержания текста на политическую тему. Этому способствуют и знаки препинания, например, двоеточие, обеспечивающее бессоюзную связь и четко разграничивающее две части предложения (*In diesem Fall darf der Bundes-Präsident entscheiden: Er kann den Kandidaten zum Bundes-Kanzler machen.*). В графическом отношении интерес представляют варианты написания сложных слов: через дефис (*Bundes-Kanzler*) и слитно, но обе части слова с прописной буквы (*BundesPräsident*). Вариативность позволяет читателю, испытывающему трудности с восприятием сложных слов, в будущем легче понимать сложные слова, написанные в соответствии с нормами немецкого литературного языка, а значит, постепенно преодолевать сложности.

В следующем отрывке освещается деятельность международной организации, активным участником которой является ФРГ:

In dem Jahr 2022 *über-nimmt* Deutschland die G7-Präsidentschaft.
G7-Präsidentschaft ist ein schweres Wort. Zuerst muss dafür *G7* erklärt werden. **G** ist die Abkürzung für das Wort **G**ruppe. Mit der 7 sind 7 Länder gemeint.[1]

В 2022 г. председательство в «Большой семерке» переходит к Германии.
Объясним понятие «Большая семерка».

Отметим, что в заглавии префикс глагола имеет графические особенности; обычно графическое разделение слов можно наблюдать на примере сложносоставных существительных. Необходимым условием является объяснение сокращения «Большая семерка», или «Группа семи».

Следует отметить, что все сложные понятия политического дискурса обязательно объясняются, например:

Die G7 ist eine *Werte-Gemeinschaft. Werte-Gemeinschaft bedeutet*: Alle vertreten die gleichen Werte[2]. – «Большая семерка» является сообществом, основанным на общности ценностей. Общность ценностей означает: все [члены сообщества] признают эти ценности.

Для текстов формата «легкого языка» типичным является эксплицитное объяснение логической взаимосвязи между членством в международной организации и влиянием на глобальные политические решения, что может показаться избыточным читателю, не испытывающему сложностей в извлечении информации из текста:

Die Länder von der G7 sind sehr große Industrie-Länder. Deshalb hat die G7 einen großen Einfluss in der Welt. Die Entscheidungen der G7 sind keine Gesetze. Trotzdem beachten wichtige Arbeits-Stellen in der Welt die Entscheidungen der G7. Damit beeinflusst die G7 viele politische Entscheidungen[3]. – Страны – члены «Большой семерки» являются крупными промышленными державами. Поэтому они имеют влияние в мире. Хотя их решения не являются законами, бизнес во всем мире учитывает их мнение. Таким образом, «Большая семерка» оказывает влияние на политику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве вывода следует отметить, что формат «легкого языка» обеспечивает доступ к информации людям с ментальными нарушениями и трудностями в обучении, иностранцам и мигрантам, плохо владеющим немецким языком. В обществе равных возможностей никто не должен подвергаться дискриминации, выражающейся в информационной изоляции и препятствующей коммуникации в общественно-значимых сферах.

«Легкий язык» соответствует уровням знания языка A1 и A2; проходящие обязательную проверку тексты должны соответствовать совокупности критериев, таких как: использование простых и

[1] URL: https://www.g7germany.de/g7-de/g7-informationen-leichte-sprache

[2] URL: https://www.g7germany.de/g7-de/g7-informationen-leichte-sprache

[3] Там же.

коротких слов, разделение сложносоставных слов, отказ от заимствований и профессиональной лексики, наличие простого синтаксиса.

Тексты в формате «Leichte Sprache» на сайтах органов власти ФРГ представляют лишь самую необходимую информацию о функциях, выборах или назначении главы органов власти, международных организациях, членом которых является ФРГ.

Важными моментами представляются следующие: в текстах данного формата практически не используются синонимы. Если же лексема, обозначающая ключевое понятие политического дискурса, например, *die Bundesregierung*, заменена на *das Kabinett*, то во избежание недопонимания, дополнительных дефиниций, приводится эксплицитное объяснение, что это эквиваленты. Для текстов характерно также последовательное объяснение ключевых элементов общественно-политического дискурса (при этом повторяемый элемент может встречаться уже в сложном слове). При употреблении синонимов используется прием объяснения, или дефиниции, что может показаться избыточным читателю, не испытывающему сложностей в извлечении информации из текста. Вербальный стиль и употребление одного и того же глагола облегчают восприятие сложного содержания, чему способствует и неконвенциональное использование знаков пунктуации.

Автор текста не опирается по умолчанию на имеющиеся у читателя фоновые знания текста, вместо этого он объясняет взаимосвязь явлений в тексте.

Нельзя не обратить внимание на отказ от средств языковой экономии, к которым относятся сокращения, а также от фразеологии и метафорики. Тропы как источник имплицитных смыслов и стилистические фигуры представляют трудность для понимания вследствие многомерности содержания, совершенно ненужную в текстах информационного характера, для которых и был создан «легкий язык». Особое внимание уделяется написанию числительных, в том числе порядковых, а также невербальным средствам, к которым помимо шрифта, интервала и расположения на странице относятся иллюстрации.

Изучение феномена «легкого языка» требует решения ряда дальнейших задач: определение круга текстов официально-делового общения, которые нуждаются в интралингвальном переводе в первую очередь (как показывает метод сплошной выборки текстов, представленных на сайтах органов власти ФРГ, разные аспекты общественно-политического дискурса представлены в формате «легкого языка» неравномерно), спецификация вариантов «легкого языка» для разных целевых групп, а также изучение вопроса, как рецептивное использование «легкого языка» способствует развитию продуктивных видов речевой деятельности.

Представляется дискуссионным также ряд вопросов: в каком объеме формат «легкого языка» позволяет передать содержание оригинального текста, всегда ли упрощенное изложение позволяет достичь понимания, в каких еще сферах «легкий язык» может найти применение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Петрова М. В. «Легкий язык»: языковая политика инклюзивности по обеспечению безбарьерной коммуникации в Германии. М.: МГУ, 2019. 2022. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/85938/1/978-5-91256-492-5_2020_040.pdf
2. Baumert A. Einfache Sprache und Leichte Sprache – Kurz und bündig. 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/327142169_Einfache_Sprache_und_Leichte_Sprache_-_Kurz_und_bundig.
3. Die Regeln für Leichte Sprache. 2022, 4. Februar. URL: https://www.leichte-sprache.org/wp-content/uploads/2017/11/Regeln_Leichte_Sprache.pdf
4. Harbusch K., Steinmetz I. A computer-assisted writing tool for an extended variety of Leichte Sprache (easy-to-read German). 2022, 6. Februar. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fcomm.2021.689009/full.

REFERENCES

1. Petrova, M. V. (2019). “Easy language”: the language policy of inclusivity to ensure barrier-free communication in Germany. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/85938/1/978-5-91256-492-5_2020_040.pdf (In Russ.)
2. Baumert, A. (2022, 24. Januar). Einfache Sprache und Leichte Sprache – Kurz und bündig. https://www.researchgate.net/publication/327142169_Einfache_Sprache_und_Leichte_Sprache_-_Kurz_und_bundig

3. Die Regeln für Leichte Sprache. (2022, 4. Februar). https://www.leichte-sprache.org/wp-content/uploads/2017/11/Regeln_Leichte_Sprache.pdf
4. Harbusch, K., Steinmetz, I. (2022, February 24). A computer-assisted writing tool for an extended variety of Leichte Sprache (easy-to-read German). https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fcomm.2021.689009/full

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стрельцова Валентина Викторовна
кандидат филологических наук
доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Streltsova Valentina Viktorovna
PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics,
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 14.07.2022
одобрена после рецензирования 05.08.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 14.07.2022
approved after reviewing 05.08.2022
accepted for publication 14.09.2022

Научная статья
УДК 811.112.2
DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_117

Языковая репрезентация состояний погоды (на материале немецкоязычной прозы)

О. А. Тактаева
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
oxanataktaeva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются языковые средства репрезентации погодных состояний в ландшафтных описаниях на немецком языке. На материале произведений классических и современных немецкоязычных писателей методом лингвостилистического и геопоэтического анализа текста выявлено, что когнитивным механизмом, лежащим в основе лингвистической репрезентации состояний погоды в ландшафтных описаниях, является реификация. В качестве композиционно-речевой формы авторы обычно выбирают статическое описание.

Ключевые слова: состояние погоды, реификация, статичный локативый глагол, литературный текст, немецкий язык

Для цитирования: Тактаева О. А. Языковая репрезентация состояний погоды (на материале немецкоязычной прозы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 117–125. DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_117

Original article

Linguistic Representation of States of Weather (based on German Prose)

Oxana A. Taktaeva
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
oxanataktaeva@mail.ru

Abstract. The article deals with linguistic means of representing weather conditions in landscape descriptions in German. On the material of the works of classical and modern German-speaking writers using the method of linguo-stylistic and geopoetic analysis of the text it is found out that the cognitive mechanism of the linguistic representation of weather conditions in landscape descriptions is reification. The authors usually choose a static description as a compositional speech form.

Keywords: state of weather, reification, static locative verb, belles-lettres, German language

For citation: Taktaeva, O. A. (2022). Linguistic representation of states of weather (on the material of German prose). Vestnik of Moscow State Linguistic University.Humanities, 11(866), 117–125. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_117

ВВЕДЕНИЕ

Развитие глобализационных процессов и нарастающие тенденции универсализации в гуманитарных науках конца XX века обусловили необходимость новой интерпретации литературного географического пространства. На стыке литературоведения, лингвистики и геокультурологии формируется геопоэтический подход как новый способ прочтения художественного пространства. Данный подход рассматривает природу геопоэтического образа, то есть художественный образ географического пространства как природного, историко-культурного и ценностно-смыслового единства (С. Франк, М. Зассе, С. Маршалек, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров и др.).

В творчестве многих авторов определенный регион или ландшафт играет ключевую роль: горы Гарц в творчестве Г. Гейне, Швейцария в письмах В. Гёте [Любимова, 2014], побережье Северного моря в прозе З. Ленца и Т. Шторма. Для воссоздания литературного пространства авторы используют реальные географические данные, что приводит к «взаимодействию и взаимовлиянию реальных пространств и выстроенных по их образу и подобию литературных пространственных конструкций» [Карпенко, Любимова, 2021, с. 217]. В результате поэтизации реального пространства происходит концептуализация ландшафта и символическое осмысление его доминирующих черт.

В связи с необходимостью разработки методов геопоэтического анализа и интерпретации литературного текста Т. Ф. Гостева, Е.И. Карпенко, О. А. Тактаева исследуют стилистические средства пейзажных (ландшафтных) описаний [Гостева, 2007; Карпенко, Тактаева, 2021], Е. В. Чистякова изучает ландшафтную лексику [Чистякова, 2015], Е. И. Карпенко, Н. В. Любимова рассматривают ландшафтные описания в рамках геопоэтической интерпретации категории текстового простраства [Карпенко, Любимова, 2021]. Внимание к состояниям погоды в данной статье обусловлено их ролью в воссоздании природных ландшафтов в литературном тексте.

В современной философской литературе категория *состояние* трактуется по-разному. В большинстве источников *состояние* определяется как одна из основных характеристик живой и неживой природы: «Состояние – категория научного познания, характеризующая способность движущейся материи к проявлению в различных формах с присущими им существенными свойствами и отношениями» [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 627].

В лингвистических исследованиях, посвященных категории состояния, в фокус внимания попадают понятия «статичность» и «статальность», среди языковых средств репрезентации данной категории особое место отводится глаголам с семантикой статики. З. Вендлер выделил четыре класса глаголов, один из которых стативы (states) [Vendler, 1957]. В отечественном языкознании Ю. П. Князев исследует статические ситуации [Князев, 1989]. А. Г. Апухтина исследует статическую категорию локализации, выраженную конструкциями со статичными локативными глаголами [Апухтина, 2004]. Е. В. Падучева рассматривает событийное и статальное значение глаголов [Падучева, 2010]. А. В. Павлова изучает категорию состояния и ее вербализацию на материале английского языка, при этом к языковым механизмам статальной категоризации исследователь относит метафоризацию пространства, фразеологизацию, эвфемизацию [Павлова, 2018]. В когнитивной лингвистике объектом исследования является номинализация как когнитивная операция реификации (Р. Лэнекер, Е. С. Кубрякова, О. К. Ирисханова).

Целью данной статьи является систематизация языковых, стилистических и когнитивных средств репрезентации состояний погоды в ландшафтных описаниях. Материалом исследования послужили ландшафтные описания, отобранные методом сплошной выборки из произведений классических и современных немецкоязычных писателей: З. Ленца, Т. Шторма, П. Хандке, Р. Зеталера, Ю. Шалански и др. Методами исследования являются контекстуально-семантический анализ лексических единиц, лингвостилистический и геопоэтический анализ литературного текста.

ВИДЫ ПОГОДНЫЙ УСЛОВИЙ В ЛАНДШАФТНЫХ ОПИСАНИЯХ

Согласно конструктивистским представлениям ландшафт рассматривается не как реальный объект, как это было в классической ландшафтной географии, а как индивидуальный или социальный конструкт. Ландшафт и его части представляют собой нечто большее, чем просто физический объект, ибо он конструируется как результат взаимного влияния природы и культуры. Ландшафт включает метафоры, смыслы и символические коннотации, отражающие мировоззрение живущих на соответствующей территории людей [Kühne, 2014].

Исследовав более 50 ландшафтных контекстов из немецкоязычной литературы, мы можем утверждать, что погодные условия являются неотъемлемой частью ландшафтного описания. Они могут быть фоном, когда читатель по косвенным признакам «чувствует» погоду, ср.:

> Der Himmel, an dem unbeweglich ein paar weiße Wolken standen, begann langsam blasser zu werden (*T. Mann. Buddenbrooks*). – Небо с недвижно стоявшими на нем редкими белыми облаками мало-помалу начинало бледнеть (*Т. Манн. Будденброки. Пер. Н. Ман*).

Хотя в описании речь идет о небе как об объекте ландшафта, а не о ветре как о погодном элементе, читатель всё же понимает, что погода сначала была безветренной: пара белых облаков неподвижно стояла на небе. Однако постепенно начал подниматься ветер, который разогнал белые облака по небу, от чего оно стало бледнее.

Но погодные условия могут быть и непосредственным предметом (фигурой) описания, ср.:

> Der Morgen war kühl und wolkig. Gestreckte Nebelbänke lagen unbeweglich vor den seitlichen Höhen, während massiges Gewölk, weißes und graues, auf das fernere Gebirge niederhing. Flecken und Streifen von Himmelsblau waren hie und da sichtbar, und wenn ein Sonnenblick einfiel, schimmerte die Ortschaft im Talgrunde weiß gegen die dunklen Fichtenwälder der Hänge (*T. Mann. Der Zauberberg*). – Утро было свежее и мглистое. На ближних вершинах неподвижно лежали длинные пласты тумана, а на более отдаленных хребтах висели пухлые громады туч – белых и серых. Местами приоткрывались полосы и прогалины голубого неба, и когда через них падал солнечный луч, дома поселка в долине ярко вспыхивали белизною на фоне покрывавших склоны темных хвойных лесов (*Т. Манн. Волшебная гора. Пер. В. Станевич, В. Курелла*).

Предметом описания в данном случае является облачность и туман. Оба явления связаны с наличием в атмосфере в том или ином количестве водяного пара. Описание облаков позволяет предположить их тип (*massiges Gewölk, weißes, graues*), а также высоту нижней границы (*auf das Gebirge niederhing*): очевидно, речь идет о низких кучевых или кучево-дождевых облаках. Тем не менее облачность была переменной (*Flecken und Streifen von Himmelsblau waren hie und da sichtbar*), и местами сквозь туман и облака прорывался солнечный луч.

Описание погодных условий, в основном, связано со следующими факторами: температурой, осадками, облачностью и ветром. Все описания погоды являются частью геопоэтики ландшафта. Рассмотрим описание жары, ср.:

> Tiefblau leuchtete der Himmel über den lanzenartigen Wipfeltrieben der Fichten, während die Ortschaft im Talgrunde *grell in der Hitze schimmerte* und das Geläut der Kühe, die umherwandelnd das kurze, *erwärmte Mattengras* der *Lehnen* rupften, heiter beschaulich die Lüfte erfüllte (*T. Mann. Der Zauberberg*). – Глубокой синевой сияло небо над копьевидными вершинами елей, а поселок на дне долины *резко белел в дрожащем зное*, и воздух был полон веселым и задумчивым перезвоном колокольчиков: это коровы щипали на склонах гор *согретый солнцем* низкорослый *желтоголовник* (*Т. Манн. Волшебная гора. Пер. В. Станевич, В. Курелла*).

Предметом описания является «швейцарский ландшафт»: выпас коров на склоне горы в жаркий летний день. Среди маркеров геопоэтического описания – региональное наименование рельефа местности: *die Lehne – склон горы*, а также фитоним *das Mattengras – желтоголовник* как растительный элемент структуры ландшафта. Описано типичное для жары состояние воздуха – *дрожащий* зной, заставляющий поселок поблескивать (*grell schimmern*) на дне долины, и абсолютно безоблачное небо (*tiefblau leuchtete der Himmel*).

Важным для геопоэтического представления пространства является описание осадков, которые типичны в определенной местности. Средством топографического оформления описываемого в следующем отрывке ландшафта является название рельефа местности, свойственное северному побережью Германии: *das Watt* – низменная прибрежная полоса морского дна, ср.:

> Auf jenen Stellen war jetzt das Eis gespalten; wie Rauchwolken stieg es aus den Rissen, und über *das ganze Watt* spann sich *ein Netz von Dampf und Nebel*, das sich seltsam mit der Dämmerung des Abends mischte (*T. Storm. Der Schimmelreiter*). – «На месте бугров во льду появились трещины, из которых поднимался пар, и над всем *ваттеном* сплелась *сеть из пара и тумана*, причудливо смешивавшаяся с вечерним сумраком» (*Т. Шторм. Всадник на белом коне. Пер. С. Шик*).

Описание атмосферных осадков – причудливой сети из пара, тумана и вечернего сумрака – является неотъемлемой частью топографического оформления пространственного нарратива, характеризующей именно ваттен. Зимой в мороз над водоемом образуется туман, так как температура воды во время морозов выше температуры окружающего ее льда и воздуха.

Описание пространства, погодных условий основывается на их комплексном восприятии. Так, описание облачной погоды и родного ландшафта со знакомой растительностью (о чем свидетельствуют фитонимы *der Flieder / сирень, die*

Schneebeeren / волчьи ягоды, die Knallerbsen / снежноягодник), воспринимается рассказчицей как «единый сюжет», ср.:

> Draußen die Rakete an der Wand. Hoch hinaus. *Der Himmel, immer noch unerträglich blau. Dicke, weiße Wolken.* Zur Straßenseite *der Flieder*, der bald blühen würde. *Die Schneebeeren*, vertrocknete *Knallerbsen* (*J. Schalansky. Der Hals der Giraffe*). – На наружной стене – ракета. Метит высоко. *Небо, все еще невыносимо синее. Густые белые облака.* На уличной стороне *сирень*, которая скоро расцветет. *Волчьи ягоды, засохший снежноягодник*[1] (*Ю. Шалански. Шея жирафа*).

Часто описание ландшафта и описание погоды взаимодействуют таким образом, что одно уже невозможно без другого, и наоборот, ср.:

> *Das wehende Gras* der Hügelkuppenwiese im ersten Licht, und im Gegenlicht die durchsichtigen Tautropfen, einige freilich erscheinen farbig, amethystblau, auch rötlich, fast bronzen. In einem Vorgarten *schaukelt* ein leerer *Korbstuhl im Morgenwind*, der entschieden *stärker bläst* als der Nachtwind. In dem sonst glatten, windgeschützten Kanal unversehens *einen einzige Welle* (*P. Handke. Kali. Eine Vorwintergeschichte*). – *Колышущаяся трава* луга на вершине холма в первом свете, а в свете с противоположной стороны прозрачные капли росы, некоторые кажутся цветными, аметистово-голубыми, а также красноватыми, почти бронзовыми. Во дворе пустой плетеный *стул качается* на *утреннем ветру*, который *дует* явно *сильнее* ночного. В гладком, защищенном от ветра канале неожиданно появилась *волна*[2] (*П. Хандке. Кали. В преддверье зимы*).

Ветреное состояние передается эксплицитно: *der Morgenwind bläst stärker als der Nachtwind* и усиливается тем, что все элементы ландшафта находятся в движении: *das wehende Gras / колышущаяся трава*, *schaukelt ein Korbstuhl im Morgenwind / плетенный стул качается на утреннем ветру*.

РЕИФИКАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ВОССОЗДАНИЯ ПОГОДНЫХ УСЛОВИЙ В ЛАНДШАФТНЫХ ОПИСАНИЯХ

В современном понимание ландшафт – это не столько местность, сколько способ ее перцептивного и эстетического восприятия как организованного целого. Ландшафт подразумевает не только *in situ,* он уже включает *in visu* и *in arte.* Ландшафт открывается не только зрению, но чувствам осязания, обоняния и сознанию [Collot, 2015]. Когнитивным механизмом, позволяющим лингвистически воссоздать весь комплекс воспринимаемых органами чувств ландшафтных характеристик, является реификация. Неслучайно Кюне отмечает, что ландшафт как литературная конструкция является результатом онтологизации и реификации [Kühne, 2014, с. 73].

Реификация – междисциплинарное понятие, означающее когнитивную способность человека переосмысливать абстрактные явления как предметные [Ирисханова, 2015]. В контексте данного исследования под реификацией понимается описание погодных условий как реально существующих объектов. В языке данная способность реализуется в различных номинациях, ср.:

> Diese ganze unaussprechliche *Purpurgluth* strahlte auf den himmelhohen blinkenden Eiswänden der Jungfrau, und in den meergrünen Spitzzacken ihrer Nachbar-Gletscher prachtvoll wieder. In dem glühenden Äther erschienen die ungeheuern Schneemassen fast als durchsichtig, und es war, als saugten die Spiegel des ewigen Eises *das Feuer des nahen Himmels* in sich… (*H. Clauren. Mimili*)

> Все это *невыразимое пурпурное пламя* роскошно сияло на сверкающих до неба ледяных склонах Юнгфрау и в зеленовато-морских зубцах ее соседей-ледников. В пылающем эфире неслыханно-громадные снежные массы казались почти прозрачными, и словно зеркала вечного льда всасывали в себя *огонь ближнего неба*[3]… (*Г. Клорен. Мимили*)

В данном примере представлена объективация состояния природы во время заката. В описании заката цвет получает высокую степень опредмечивания. Так, реификация достигается за счет сложного имени существительного *die Purpurgluth / пурпурное пламя*. Включение прилагательного в состав существительного добавляет конкретный признак в семантику слова, профилируя качество пламени. В цветовой метафоре *das Feuer des nahen Himmels / огонь ближнего неба* цвет реифицируется на основе метафорического представления заката в качестве огня. Метафора, как одно из средств реификации погодных условий в ландшафтном описании, объективирует эмоционально-чувственное восприятие природы. Таким образом, за счет перечисленных языковых средств описание состояния природы во время заката воспринимается «предметно».

Еще одно средство реификации при помощи глагольной метафоры рассмотрим далее, ср.:

[1] Перевод наш. – *О. Т.*

[2] Перевод наш. – *О. Т.*

[3] Перевод наш. – *О. Т.*

Es war, *als ob die Luft geronnen wäre* und die ganze Landschaft *in ihre stille Bewegungslosigkeit eingeschlossen hätte* (*R. Seethaler. Trafikant*).

Казалось, словно *воздух разлился*, *окружив* весь пейзаж *своей безмолвной тишиной*[1] (*Р. Зееталер. Трафикант*).

Изначально газообразное вещество – воздух – представлено благодаря глагольным метафорам *rinnen / течь* и *einschließen / охватывать, заключать [в себя]* как вещество плотное, пластичное, способное принимать форму.

Состояние погоды зависит от времени года. В следующем ландшафтном описании состояние природы холодной зимой выражено метафорически. Весь пейзаж (*die Marsch / марши, der Strand / берег, die Watten / ваттены)* предстает как единый живой организм, который на время зимы ушел в спячку или вовсе прекратил жизнь, ср.:

...zu seiner Linken *die* leere weite *Marsch*, zur andern Seite *der* unabsehbare *Strand* mit seiner jetzt vom Eise schimmernden Fläche *der Watten*; es war, *als liege die ganze Welt in weißem Tod* (*T. Storm. Der Schimmelreiter*).

...по левую руку тянулись пустынные марши, по правую необозримая ширь береговой полосы с блистающими льдом ваттенами; казалось, *весь мир пребывает в белом мертвенном сне* (*Т. Шторм. Всадник на белом коне. Пер. С. Шик*).

Реификация характеризуется такими признаками, как локализованность в пространстве, наличие границ, стабильность во времени и др. [Ирисханова, 2015]. В нижеследующем отрывке природа во время жары описывается как стабильное во времени и в пространстве, целостное состояние. Живые и неживые объекты ландшафта (*die Sonne; Fliegen*) локализуются в пространстве при помощи статичных локативных глаголов (*stand; standen*) и обстоятельств места (*über ihnen, in der Luft*), ср.:

Die Sonne stand gerade über ihnen; *es war* glühende *Mittagshitze*; kleine goldglänzende, stahlblaue Fliegen *standen flügelschwingend in der Luft*; rings um sie her ein feines *Schwirren* und *Summen*, und manchmal hörte man tief im Walde *das Hämmern* der Spechte und *das Kreischen* der andern Waldvögel (*T. Storm. Immensee*).

Солнце стояло прямо над ними; стоял палящий *полуденный зной*; маленькие золотые мушки, стального цвета, хлопая крыльями, *зависли в воздухе*; кругом тонкий *свист* и *жужжание*, а иногда в глубине леса слышался *стук* дятлов и *визг* других лесных птиц[2] (*Т. Шторм. Иммензее*).

Субстантивированные глаголы *Schwirren / свист, Summen / жужжание, Hämmern / стук, Kreischen / визг* обозначают звуки, которыми природа наполнена в описываемый отрезок времени, причем звуки также локализованы в пространстве: *tief im Walde / в глубине леса*. Посредством опредмечивания (за счет субстантивации) процессуальный референт концептуализируется как объект [Кубрякова, 2004]. В фокусе внимания читателя оказывается состояние всей природы, природа во время зноя реифицируется в виде гештальта.

Процесс номинализации описывает элементы пространства через предметные концепты целостности, стабильности. Еще одним способом опредмечивания абстрактных сущностей может быть деадъективация, ср.:

Die Stille und die Weite, dachte Franz, während er auf dem Kahlenberg in der Nähe der Stefaniewarte auf einem vom Blitz getroffenen, schwarzen Baumstamm hockte und auf Wien hinabblickte, *die Stille* und die Weite, *das Klare* und das Tiefe, *das Dunstige* und das Heimliche, die Sonne, der Regen, die Stadt, der See, der Berg (*R. Seethaler. Trafikant*).

Тишина и простор, думал Франц, сидя на корточках на горе Каленберг возле смотровой башни Стефаниварте, на черном стволе дерева, пораженном молнией, и глядя вниз на Вену, *тишина* и простор, *чистота* и глубина, *дымка* и тайна, солнце, дождь, город, озеро, гора[3] *(Р. Зееталер. Трафикант*).

Реификация погоды осуществляется с помощью деадъективных существительных *die Stille / тишина*, *das Klare / безоблачность, das Dunstige / дымка.* В данном случае реификация состояний погоды при помощи субстантивации уравновешивает внимание читателя между ними и элементами ландшафта (*die Stadt, der See, der Berg*). Вероятно, стоит безветренная погода. Наращивание реификации происходит за счет включения в описание деадъективов, обозначающих размеры пространства (*die Weite, das Tiefe*).

[1] Перевод наш. – *О. Т.*

[2] Перевод наш. – *О. Т.*

[3] Перевод наш. – *О. Т.*

КОМПОЗИЦИОННО-РЕЧЕВАЯ ФОРМА ДЛЯ ОПИСАНИЯ ПОГОДНЫХ УСЛОВИЙ

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что композиционно-речевой формой для описания погодных условий является статичное описание. В статичном описании предметы изображаются в их качественной определенности, стабильности и неизменяемости в определенный промежуток времени, что и определяет основное качество этого вида – статичность [Домашнев,1989].

В нижеследующем фрагменте описывается состояние погоды перед грозой. Статичные локативные глаголы *hängen / висеть, liegen / лежать* выражают неподвижную локализацию элементов ландшафта (*небо нависло, озеро было спокойным*). В остальных случаях покой ассоциируется с отсутствием движения, что грамматически передается средствами отрицания, выраженными неопределенным местоимением *kein* и частицей *nicht*. Таким образом, создана статичная картина спокойной, безветренной погоды, характеризующей природу перед грозой, ср.:

> *Keine* Vögel waren zu sehen, *keine* Insekten zu hören, und sogar die Schmeißfliegen, die noch im Wirtshaus seinen schweißglänzenden Nacken umschwirrt hatten, waren verschwunden. Der Himmel *hing* schwer über dem See, die Wasseroberfläche *lag* völlig glatt da. Selbst das Schilf *bewegte sich nicht* (*R. Seethaler. Der Trafikant*).

> Птиц *не было видно*, насекомых *не было слышно*, и даже навозные мухи, которые с жужжанием кружили вокруг его мокрой от пота шеи в трактире, исчезли. Небо тяжело *висело* над озером, поверхность воды была идеально гладкой. Даже камыш *не шевелился*[1] (*Р. Зееталер. Трафикант*).

Глаголы, обозначающие местонахождение в пространстве *stand / стояло, war / было,* а также статичный глагол *spiegelte sich / отражался* вместе с локативными обстоятельствами *über dem Wald / над лесом, in den Pfützen / в лужах* создают семантическую модель покоя и статичности, ср.:

> Die Sonne kam hinter den Bäumen hervor und *stand* jetzt *über dem Wald*. Alles trat klar und ungetrübt hervor: Blühende Weidenkätzchen und weiß getupfte Schlehen, stechend gelbe Forsythien und dünne Birken mit grünen Zweigen. Seit Tagen hatte es nur geregnet. Aber heut Morgen *war* der Himmel tiefblau und beinahe wolkenlos. Er *spiegelte sich in den Pfützen* der Feuchtwiesen. Sie *waren* riesig, so groß wie Seen (J. *Schalansky. Der Hals der Giraffe*).

> Солнце выглянуло из-за деревьев и *стояло* теперь *над лесом*. Все было ясным и безоблачным: цветущие *вербы* и бело-пятнистый *терн*, пронзительно-желтые *форзиции* и тонкие *березки* с зелеными ветвями. Дождь шел несколько дней. Но этим утром небо *было* темно-синим и почти безоблачным. Оно *отражалось в лужах* сырых лугов. Они *были* огромными, такими же большими, как озера[2] (*Ю. Шалански. Шея жирафа*).

Поскольку состояние погоды определяется как положение, в котором прибывает природа, оно имеет завершенный характер. Грамматическим средством передачи завершенности, результативности действия является пассив состояния (das Stativ) [Шендельс, 1982]: *der Himmel war bedeckt / небо было облачным*, ср.:

> An diesem Freitag ging nur ein schwacher Wind, *der Himmel war bedeckt*, die Wasservögel waren fortgezogen… (*S. Lenz. Schweigeminute*).

> В пятницу дул слабый ветерок, *небо было облачным*, морских птиц тоже не было видно… (*З. Ленц. Минута молчания. Пер. Г. Косарик*).

В следующем отрывке описано состояние ночной тишины. Существительные конкретно-предметной семантики обозначают элементы природы *Wasser / вода,* природные объекты *der Mond / луна, der Himmel / небо,* явления природы *die Flut / прилив*, а также элементы ландшафта, которые представлены гидронимом *das Wattenmeer / Баттовое море,* фиктивным инсулонимом *Jevershallig / остров Йеверс,* названием геологической особенности ландшафта *die Marsch / марши.* Описание состояния погоды детализируется существительными, обозначающими определенные части пространства. За счет подробного перечисления и описания элементов ландшафта создается полное представление о состоянии ночной тишины, уточненное топонимической локализацией данной местности, ср.:

> *Der Mond* stand hoch am *Himmel* und beschien das weite *Wattenmeer*, das eben in der steigenden *Flut* seine *Wasser* über die glitzernden Schlickflächen zu spülen begann. Nur das leise Geräusch des Wassers, *keine Tierstimme* war in der ungeheueren Weite hier zu hören; auch in der *Marsch*, hinter dem Deiche, *war* es *leer*; Kühe und Rinder waren alle noch in den Ställen. *Nichts regte sich*; nur was sie für ein Pferd,

[1] Перевод наш. – *О. Т.*

[2] Перевод наш. – *О. Т.*

einen Schimmel, hielten, schien dort auf *Jevershallig* noch beweglich (*T. Storm. Der Schimmelreiter*).

Месяц стоял высоко и освещал все *мелководье*, *воды* которого в приливном движении уже стали омывать мерцающий ил. Слышен был только тихий плеск воды; *ни единого живого звука*; на *маршах* за плотиной также *царила тишина*, коровы и овцы были еще заперты в стойлах. *Никакая живая тварь не шевелилась*, и только одна-единственная лошадь, белый конь все еще пасся на *островке Йеверса* (*Т. Шторм. Всадник на белом коне. Пер. С. Шик*).

Глагол *sein / быть* универсален для выражения статичных локализаций [Апухтина, 2004]. Он обозначает пространственную локализованность в самом общем виде, не конкретизируя ни позиции, ни местонахождения предмета (*es war leer / было пусто*). Отрицание движения *Nichts regte sich / ничто не двигалось* подытоживает статичность, покой ландшафта: вся живая природа замерла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало проведенное исследование, состояние погоды является неотъемлемой частью восприятия и описания ландшафта. Состояния погоды неоднородны. В основном, они связаны с температурой, осадками, облачностью и ветром, что находит отражение в их языковом описании. Когнитивным средством репрезентации состояния погоды является реификация. При восприятии пространства происходит переосмысление беспредметных сущностей – погодных условий, а при литературном воссоздании ландшафта они представляются как реально существующие объекты – части ландшафта. Языковыми средствами реификации являются метафора цвета, глагольная метафора, а также субстантивированный инфинитив и деадъективные существительные. Данные средства объективируют погодные условия, выводят их на уровень восприятия и наблюдения. Стилистическим средством репрезентации состояний природы является статическое описание. Состояние погодных условий определяется как статичная характеристика ландшафта. Статичные локативные глаголы, локативные обстоятельства, пассив состояния, грамматические средства отрицания и предметные имена существительные изображают погодные условия в качественной определенности, стабильности и неизменяемости в определенный промежуток времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Любимова Н. В. Швейцарский дискурс в письмах и путевых заметках Гете // Гете – Толстой: диалог двух олимпийцев: материалы Международной научной конференции. Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». 2014. С. 103–123.
2. Карпенко Е. И., Любимова Н. В. Геопоэтика как способ прочтения литературных пространств: лингвистические аспекты (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 215–229.
3. Гостева Т. Ф. Лингвостилистические особенности и текстообразующий потенциал пейзажных описаний в американской прозе XIX–XXI вв.: дис. … канд. филол. наук. Б., 2007.
4. Карпенко Е. И., Тактаева О. А. Приемы персонификации в ландшафтных описаниях на немецком языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 3 (845). С. 82–95.
5. Чистякова Е. В. Категоризация ландшафтов и оценочный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке: дис. канд. филол. наук. Тамбов, 2015.
6. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичёва и др. М.: Советская энциклопедия, 1983.
7. Vendler Z. Verbs and Times // The Philosophical Review. 1957. Vol. 66, № 2. P. 143–160.
8. Князев Ю. П. Акциональность и статальность: их соотношение в русских конструкциях с причастиями на -н, -т // Specimena Philologicae Slavicae. München: Verlag Otto Sagner, 1989. Bd. 81.
9. Апухтина А. Г. Немецкие конструкции со статичным локативыми глаголами в женской и мужской речи: дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2004.
10. Падучева Е. В. Событийное и статальное значение глаголов совершенного вида в русском языке // Проблемы грамматики и типологии: сборник статей памяти В. П. Недялкова. М.: Знак, 2010. С. 240–252.

11. Павлова А. В. Языковые механизмы статальной категоризации // Baltic Humanitarian Journal. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 124–126.
12. Kühne O. Wie kommt die Landschaft zurück in die Humangeographie? Plädoyer für eine 'konstruktivistische Landschaftsgeographie'. Geographische Zeitschrift. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. Bd. 102 H. 2, S. 68–85.
13. Collot M. Landschaft // Handbuch Literatur & Raum / hrsg. J. Dünne, A. Mahler. Berlin/Boston: Walter de Gruyter, 2015.
14. Ирисханова О. К. Реификация как свойство познания и коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. 13. С. 216–226.
15. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
16. Домашнев А. И., Шишкина И. П., Гончарова Е. А. Интерпретация художественного текста: Немецкий язык: учебное пособие. 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1989.
17. Шендельс Е. И. Практическая грамматика немецкого языка: для I–III курсов институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1982.

REFERENCES

1. Lyubimova, N. V. (2014). Swiss discourse in Goethe's letters and travel notes. In Goethe – Tolstoy: Dialogue of the Two Olympians (pp. 103–123): Proceedings of the International Scientific Conference. Museum-Estate of Leo Tolstoy "Yasnaya Polyana". (In Russ.)
2. Karpenko, E. I., Lyubimova, N. V. (2021). Geopoetics as a means of literary spaces interpretation: linguistic aspects (on the German language). Vestnik of Moscow State Linguistic University, 11(853), 215–229. (In Russ.)
3. Gosteva, T. F. (2007). Lingvostilisticheskie osobennosti i tekstoobrazuyushchij potencial pejzazhnykh opisanij v amerikanskoj proze XIX–XXI vv. = Linguistic and stylistic features and text-forming potential of landscape descriptions in American prose of the 19th–21st centuries: PhD in Philology. Barnaul. (In Russ.)
4. Karpenko, E. I., Taktaeva O. A. (2021). Types of personification in landscape descriptions in German language. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 3(845), 82–95. (In Russ.)
5. Chistyakova, E. V. (2015). Kategorizatsiya landshaftov i otsenochnyy potentsial landshaftnoy leksiki v sovremennom angliyskom yazyke = Categorization of landscapes and the evaluative potential of landscape vocabulary in modern English: PhD in Philology. Tambov. (In Russ.)
6. Ilyichev, L. F. et al. (1983). Filosofskij ehnciklopedicheskij slovar' = Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow: Sovetskaya ehnciklopediya. (In Russ.)
7. Vendler, Z. (1957). Verbs and Times. The Philosophical Review, 66(2), 143–160.
8. Knjazev, Yu. P. (1989). Action and state: their interrelation in Russian constructions with -n, -t participles. Specimena Philologicae Slavicae, 81. München: Verlag Otto Sagner. (In Russ.)
9. Apukhtina, A. G. (2004). Nemeckie konstrukcii so statichnym lokativymi glagolami v zhenskoj i muzhskoj rechi = German constructions with static locative verbs in female and male speech: PhD in Philology. Kemerovo. (In Russ.)
10. Paducheva, E. V. (2010). Sobytiynoye i statal'noye znacheniye glagolov sovershennogo vida v russkom yazyke = Eventive and static meaning of perfective verbs in Russian. Problemy grammatiki i tipologii (pp. 240–252): collection of papers in memoriam V. P. Nedyalkov. (In Russ.)
11. Pavlova, A. V. (2018). Language mechanisms of static categorization. Baltic Humanitarian Journal, 7, 1(22), 124–126. (In Russ.)
12. Kühne, O. (2014). Wie kommt die Landschaft zurück in die Humangeographie? Plädoyer für eine 'konstruktivistische Landschaftsgeographie' (Bd. 102, H. 2, S. 68–85). Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
13. Collot, M. (2015). Landschaft. In J. Dünne, A. Mahler (hrsg.), Handbuch Literatur & Raum. Berlin/Boston: Walter de Gruyter.
14. Iriskhanova, O. K. (2015). Reification in cognition and communication. Cognitive studies of language, 23, 216–226. (In Russ.)
15. Kubryakova, E. S. (2004). Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znanij o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira = Language and knowledge. On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)

16. Domashnev, A. I., Shishkina, I. P., Goncharova, E. A. (1989). Interpretaciya khudozhestvennogo teksta: Nemeckiy yazyk = Interpretation of a literary text: the German language: Textbook. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
17. Shendels, E. I. (1982). Prakticheskaya grammatika nemeckogo yazyka = Practical grammar of the German language: for I–III courses of institutes and faculties of foreign languages. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тактаева Оксана Анатольевна
аспирант кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Taktaeva Oxana Anatolievna
PhD Student at the Department of German Lexicology and Stylistics,
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 13.07.2022
одобрена после рецензирования 12.08.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 13.07.2022
approved after reviewing 12.08.2022
accepted for publication 14.09.2022

Научная статья
УДК 811.11
DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_126

Полиаспектность перевода оригинальных и модифицированных немецких пословиц

А. В. Шитикова
МГИМО МИД России, Москва, Россия
anbogdanova@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности процесса перевода оригинальных и модифицированных немецких пословиц. Каждый этап перевода занимает в любом действии определенное место, реализуя свои функции, подчиняясь его конкретным целям. Перевод пословиц занимает особое место и является отдельным искусством в системе переводной деятельности. Сложность перевода пословиц состоит в том, что речь идет о передаче ее смысла, а не буквальном переводе знаков с одного языка на другой.

Ключевые слова: пословица, перевод, лингвистический аспект, экстралингвистический аспект, психолингвистический аспект

Для цитирования: Шитикова А. В. Полиаспектность перевода оригинальных и модифицированных немецких пословиц // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 126–133. DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_126

Original article

Multi-Aspect Translation of Original and Modified German Proverbs

Anzhelika V. Shitikova
MGIMO University, Moscow, Russia
anbogdanova@yandex.ru

Abstract. The article analyzes features of the translation process of original and modified German proverbs. Each stage of translation takes a certain place in any action, realizing its functions, obeying its specific aims. Translation of proverbs occupies a special place and is a separate art in the system of translation activities. The difficulty of translating proverbs is that we are talking about transferring its meaning, and not literally translating characters from one language to another.

Keywords: proverb, translation, linguistic aspect, extralinguistic aspect, psycholinguistic aspect

For citation: Shitikova, A. V. (2022). Multi-aspect translation of original and modified German proverbs. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 126–133. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_126

ВВЕДЕНИЕ

Перевод является полиаспектным процессом и результатом как личностного, так и коллективного взаимодействия, а также социализации индивида. Проблема перевода, как и многие «основополагающие проблемы современной лингвистики» [Бондарчук, 2014], изучаются с давних времен. Однако со временем ставятся всё новые задачи и многие вопросы рассматриваются с позиции новых требований и новых тенденций. Представляя когнитивный фактор языка в трех ракурсах: как средство приобретения человечеством знаний, как средство личного познания, как инструмент социализации человека [Леонтьев, 2005], становится понятно, что переводчик стоит в центре всего разнообразия взаимодействий личного и общественного опыта, так как перевод осуществляет его вхождение во все внутрисоциальные общественные связи и практику и рассматривается как коммуникативный или когнитивный аспект. С данной точки зрения рассматривается и перевод оригинальных и модифицированных пословиц. Для достижения данной цели автор использует следующие источники: научную и справочную литературу русских и немецких авторов, современную немецкую прессу, в том числе и онлайн-издания, а также сайт http://www.sprichwort-plattform.org, который является международным проектом Еврокомиссии в рамках «Программы пожизненного образования».

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Кроме лингвистического и экстралингвистического факторов перевода многие лингвисты рассматривают психолингвистический как его отдельный аспект. Три аспекта переводной деятельности индивида выделяет А. А. Яковлев: перевод-речь как категорию «речемыслительной деятельности», перевод-общение как категорию общения и перевод-текст как результат деятельности [Яковлев, 2015, с. 4]. Перевод есть инструмент передачи данных о реальности, а переводной текст – преобразованное, или косвенное, отображение этой действительности. Часто в данном случае речь идет не о действительности, а о некой доли знаний автора оригинального текста о данной действительности. Таким образом, можно сделать предположение: текст является отображением действительности, а перевод текста – отображением отражения, т. е. «метаотражением». Для переводчика текст функционирует как преобразованный сознанием вид содержания [там же]. Если рассматривать перевод как категорию общения, то можно говорить не просто о передаче информации от адресанта к адресату посредством канала связи, а об их взаимодействии, об обмене интересами, идеями, при этом с определенными установками и с учетом усвоения общественно-исторического опыта [Леонтьев, 2005]. В данном случае общение рассматривается как общественное явление, социальный процесс, который реализуется для общества внутри общества. Важной составляющей взаимосвязи перевода-речи и перевода-общения можно назвать мотив. Он задает вектор переводной деятельности индивида. Речевое действие осуществляется ради цели неречевой деятельности, в которой участвуют несколько взаимодействующих (коммуницирующих) индивидов [Тарасов, 1987]. Суть деятельности переводчика состоит в его стремлении изменить образ мира адресата согласно замыслу и прагматической направленности высказывания. Было бы неправильным утверждать, что мотив помещается исключительно в сознании посредника, т. е. переводчика, или полностью во внешних факторах переводной деятельности. Цель переводчика состоит не только в преобразовании внешней картины, но и в способах осмысления данных преобразований. Текст переводится согласно цели и внешним условиям деятельности, но восприятие и осмысление важных параметров и составляющих ситуации коммуникации личностно обусловлены и переосмыслены. Важными являются элементы, которые переводчик осознает и переживает как необходимые для понимания реципиентом сути текста или его части. А. А. Яковлев определяет мотив как нечто, чего не существует в реальности, а только «в сознании переводчика как образ будущего» [Яковлев, 2015, с. 15]. Зинченко обозначает мотив как одну из важных *задающих переменных* деятельности перевода [Зинченко, 1998]. С достижением не конечного, а промежуточного результата отдаляется горизонт возможного прогнозирования и тем самым задаются новые мотивы переводной деятельности, без подобного отдаления деятельность сошла бы на нет. Результат спрогнозирован заранее, однако он оказывает влияние на некоторые элементы деятельности, специфику ее реализации, ее характер и форму.

Данные обозначения определяют специфику взаимодействий и связей посредством перевод-текста между переводом-речью и переводом-общением.

Однако нельзя утверждать, что какой-либо из уровней является наиболее значимым или главным. Только взаимодействие всех этапов, психологические процессы каждого уровня дают конечный и желаемый результат. На каждом этапе есть текст, его суть, представление речевой ситуации и

т. д. И на каждом уровне этот материал функционирует по-своему, на каждом этапе существуют свои точки опоры, на основе которых переводчик принимает необходимые решения об операциях или действиях.

Каждый этап перевода занимает в любом действии установленное место, реализует определенные функции, подчиняется его конкретным целям. Личность, которая выступает как субъект деятельности, представляет некую категорию общества, которая наделена национальной, этнической культурой. Поведение данной личности следует законам как индивидуального, так и коллективного сознания. Таким образом, можно утверждать, что сам перевод входит в обе меняющиеся структуры: внутреннюю, т. е. индивидуальную, и внешнюю, т. е. поведенческую. Он является составляющей всего комплекса психических процессов человека и его действий. Деятельность в границах поведения индивида и личность с точки зрения комплекса деятельности – два взаимосвязанных аспекта одной системы – системы перевода. Данная система состоит из четырех уровней: восприятия, мыслительного уровня, переработки и реализации [Яковлев, 2015]. При переводе воспринимаются не отдельные единицы речи, а суть высказывания полностью. Эти определенные характеристики перевоплощаются в мыслительные образы, далее используются не указанные определенные предметы, а образы. И данные образы выступают как точка опоры дальнейших действий. Переводчик, осуществляя активную деятельность по восприятию реальности, отображает образ предметного мира, что является конечным результатом процесса восприятия. Однако установка восприятия зависит не только от параметров текста и его характеристик, но и от многих, в том числе и личностных факторов реципиента, например, его социальной ориентированности, целевой установки, а также аспектов речевой ситуации. А. А. Залевская предлагает систему понимания высказывания, состоящую из пяти компонентов: «автор – авторская проекция текста – тело текста – реципиент – проекция текста у реципиента» [Залевская, 2005]. При этом три из указанных компонентов — динамичная система, только сам текст, тело текста — остаются составляющей постоянной. В данной концепции переводчик сразу может определить «прагматический смысл» текста, не углубляясь в вопрос о его «прагматическом значении». Мыслительный уровень в данной системе может выступать как составляющая уровня восприятия. Всё зависит от операций и действий, факультативно имеющих место на данном уровне. Например, реципиент может обратить внимание на то, что ранее осталось незамеченным. Это может произойти в случае двусмысленности толкования или затруднения понимания и др. Кроме того, на данном уровне соприкасаются «вероятностное прогнозирование восприятия» [Яковлев, 2015] и зарождение речи. Переводчик осознает смысл текста и задумывается над инструментами его представления, что не является необдуманным толкованием или первичным пониманием. Мыслительный процесс может предшествовать процессу восприятия, так как часто образ предстоящего результата, например в виде клише или языковых структур, уже существует в мыслях переводчика при его социальной совместной деятельности с другими людьми, возможно и в общем виде. Таким образом, на данном уровне речь идет о вероятном образе, отображении содержании текста. На уровне переработки, с учетом результатов предыдущих действий, речь идет о процессах и действиях, направленных на образование вторичного образа текста, установления полной структуры высказывания. Его действия и процессы направлены на определение общего плана действий. Переводчик решает, какие компоненты сформированных представлений и его параметров передать в соответствии с тематикой текста, его жанром и т. д. Однако предполагаемый образ конечного результата присутствует в сознании переводчика до начала самого перевода, если он уже сталкивался с подобными текстами, тематикой или жанром. В процессе перевода данный образ перерабатывается и корректируется согласно ситуативности. Таким образом переводчик сопоставляет текст с нормами социокультуры и необходимым для выражения смыслом. В соответствии с образом будущего результата он определяет, какие компоненты содержания не выражать, а какие сделать частью содержания, т. е. выразить несуществующее в оригинальной форме текста, но имеющее значение для образа мира адресата. Вербальное выражение этого образа, или его формулирование происходит на уровне реализации. Здесь процессы предыдущих уровней получают свое выражение в предметном, внешнем мире. Оно имеет форму, которую воспринимают другие индивиды в определенном месте и времени их общения. Она имеет семантико-синтаксическую структуру, которая на предшествующих уровнях заполняется определенными синтаксическими, лексическими, морфологическими компонентами. Здесь переводчик определяет языковые средства для выражения смысла текста. На данном этапе переводчик воспроизводит в сознании больше лексических единиц, чем требуется для формирования высказывания. Выбранные слова входят в смысловую структуру, уже имеющуюся в его мыслях, исходя из его социализации, приобретенного им социального опыта,

который зачастую не менее важен, чем владение языком. Некоторые исследователи называют социальный аспект определяющим в изменении словарного состава. Так, например, Н. Ю. Северова, говоря о развитии немецкого языка в послевоенное время в ФРГ и ГДР, убедительно доказывает тезис о том, что «… на язык оказывают воздействие развитие самого общества, изменения в экономике, политике, общественной жизни» [Северова, 2016, с. 10]. Данный тезис подкрепляется примерами, как в стране, в которой внедряется социалистическая идеология: в язык искусственно вносятся изменения с целью разграничения двух социумов в условиях разных общественных систем. Учет подобных факторов способствует обогащению социального опыта переводчика, что делает его переводческую деятельность более успешной.

Социальный опыт переводчика влияет также и на перевод пословиц, который занимает особое место и является отдельным искусством в системе переводческой деятельности. Пословичный фонд – это часть не только языка, но и культуры любого народа. Каждая пословица отражает историю, эволюцию, мировидение, культуру и мудрость народа. С лингвистической точки зрения пословица – явление полиаспектное. Это – одновременно текст и законченное предложение, и устойчивая идиоматическая единица, и средство языкового выражения мировоззрения. Сложность перевода пословиц состоит в том, что речь идет о передаче сути паремии, а не буквальном переводе знаков с одного языка на другой. Чтобы профессионально выполнить поставленную задачу, в данном случае, правильно и точно осуществить перевод пословичного выражения, переводчик должен иметь широкий кругозор, быть компетентным, даже находчивым. Первой ступенью в сложной речевой системе перевода является определение наличия идентичной или эквивалентной пословицы в другом языке. Если таковая имеется, то это упрощает задачу переводчика. Однако и в этой ситуации могут возникнуть сложности. Например, русская пословица *Яблоко от яблони не далеко падает* имеет в немецком языке два эквивалента *Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm*[1] (*букв.* 'Яблоко падает не далеко от корня') и *Wie der Vater, so der Sohn* (Как отец, так и сын). Образные основы данных паремий схожи и основаны на выводе о том, что дети часто имеют такие же качества или совершают такие же поступки, как и их родители. Выбор варианта зависит, с одной стороны, от лингвистических компетенций переводчика, с другой стороны, от его умения проникнуть в ситуацию. Если, например, речь идет о неких похожих действиях или чертах матери и дочери, то употребление второго варианта будет выглядеть как ироничное или некомпетентное.

Однако при отсутствии тождественной пословицы в другом языке переводчик сталкивается с некоторыми трудностями: необходимостью найти такую же по смыслу пословицу, но с другой основой. Как правило, метафорическую суть пословичного выражения нельзя передать обычным переводом слов, поскольку это приведет к тому, что пословица потеряет свою образность. А это отрицательно скажется на представлении культурных, национальных, исторических характеристиках языка. Ведь каждый язык, каждый народ стремится «к сохранению своей идентичности» [Гусейнова, 2018]. Кроме того, переводчик должен уметь соотнести найденную пословицу с ее окружением, ситуативностью, т. е. точно понимать, какую информацию автор хочет донести до реципиента.

Таким образом, при сопоставлении эквивалентности пословиц в русском и немецком языках, можно выделить следующие три типа:

а) пословицы с идентичным, или дословным, переводом. Например:

Der Appetit kommt beim Essen [Duden, 2013]. –
Аппетит приходит во время еды.

Hunger ist der beste Koch [там же]. –
Голод лучший повар.

Lachen ist die beste Medizin [там же]. –
Смех – лучшее лекарство.

Besser spät als nie [там же]. –
Лучше поздно, чем никогда.

Es ist nicht alles Gold was glänzt [там же]. –
Не всё то золото, что блестит.

Jeder ist seines Glückes Schmied [там же]. –
Каждый сам кузнец своего счастья [там же].

Как правило, пословицы такого типа представляют собой простые предложения, состоящие из двух – максимум семи – восьми компонентов. Но таких пословиц не очень много. Необходимо помнить и о синтаксических особенностях немецкого языка, связанных с местоположением глагола в предложении. Во-первых, глагол в простом предложении всегда стоит на втором месте; во-вторых, отрицательная частица *nicht* стоит не перед глаголом, как в русском языке, а после него или в конце предложения; в-третьих, в сложноподчиненных

[1] URL: http://www.sprichwort-plattform.org/sp/Sprichwort

предложениях глагол занимает в придаточном предложении последнее место, например:

Man beißt nicht die Hand, die einen füttert (*букв*. 'Не откусывают руку, которая кормит'). – Не кусай кормящую тебя руку.

или

Was du heute kannst besorgen, das verschiebe nicht auf morgen (*букв*. 'Что ты можешь сегодня уладить, то не откладывай на завтра'). – Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.

Иногда дословному переводу «мешает» рифмование частей паремии. Так, немецкая пословица *Der Mensch denkt und Gott lenkt* дословно переводится *Человек думает, Бог управляет*. Рифмование пословиц является одной из ее характеристик, и в русском языке существует также похожий рифмованный вариант *Человек предполагает, а Бог располагает*. Другая немецкая пословица рифмуется существительными *Gaul – Maul*:

Einem geschenkten Gaul schaut man nicht ins Maul (*букв*. 'Дареному коню не смотрят в пасть'). – Дареному коню в зубы не смотрят;

б) пословицы с частично одинаковым переводом. Они, в свою очередь, подразделяются на большую и меньшую степень одинаковости. К большей степени относятся пословицы, у которых почти все компоненты переводятся буквально. В таких случаях паремии обычно узнаются по ключевому/-ым компоненту/-ам, как правило субстантивному или адъективному, или словосочетанию. Например:

Ohne Fleiß kein Preis (*букв*. 'Без прилежания нет приза'). – Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.

Ost und West, daheim das Best (*букв*. 'Восток, Запад – дома лучше всего'). – В гостях хорошо, а дома лучше.

Papier ist geduldig (*букв*. 'Бумага терпеливая'). – Бумага всё стерпит.

Aller Anfang ist schwer (*букв*. 'Всякое начало трудно'). – Лиха беда начало.

Not macht erfinderisch (*букв*. 'Нужда делает изобретательным'). – Голь на выдумку хитра;

в) пословицы с разным лексическим наполнением, но одинаковым смыслом, одинаковым образом, например:

Kommt Zeit, kommt Rat (*букв*. 'Придет время, придет совет'). – Поживем – увидим.

Viele Köche verderben den Brei. – У семи нянек дитя без глазу.

Übung macht den Meister (*букв*. 'Упражнение делает мастера'). – «Повторение – мать учения».

Eile mit Weile (*букв*. 'Спешка со временем'). – Тише едешь, дальше будешь.

Reue und guter Rat sind unnütz nach der Tat (*букв*. 'Раскаяние и хороший совет бесполезны после поступка'). – После драки кулаками не машут.

Die dümmsten Bauern haben die dicksten Kartoffeln (*букв*. 'У самых глупых крестьян – самая толстая картошка'). – Дуракам везет.

Однако всё в мире меняется. Это находит отражение в языке, модифицируются и пословицы. Существует мнение, что данный процесс особенно активизировался в последние десятилетия, поскольку перемены в обществе, в жизни происходят со стремительной скоростью. Но ученые лингвисты утверждают, что трансформированию пословицы подвергаются с давних времен, со времени их возникновения. И именно в последнее время эта тема стала пристально изучаться. Измененные пословицы являются экспрессивным способом выражения мысли и излюбленным языковым средством журналистов, используются с целью привлечения внимания к материалу. Они часто встречаются на страницах как печатных, так и онлайн-изданий и представляют собой особую группу, отражающую национальную специфику языка. Как прецедентный текст пословицы, в том числе и трансформированные, «служат для максимального упрощения восприятия за счет легкой узнаваемости слов и выражений для того, чтобы легко «скользить» по тексту [Горбачевская, Едличко, 2016, с. 161].

Как было сказано выше, существуют три типа эквивалентности пословиц в русском и немецком языках. Если речь идет о калькированном переводе, то это упрощает задачу переводчика. Трансформированные пословицы также можно перевести дословно. Если пословица изменяется, например, расширением дополнительными компонентами или, наоборот, редуцируется, ее образная основа остается неизменной и перевод не представляет особой сложности. Дополнительные элементы также переводятся буквально, как и само пословичное выражение. Например:

Nur Pessimisten schmieden das Eisen, solange es heiß ist[1] (*букв.* 'Только пессимисты куют железо, пока оно горячо').

В оригинальную пословицу добавлены слова *nur Pessimisten*, но это не повлияло на изменение ее переносного смысла ни в русском, ни в немецком языках:

Schmiede das Eisen, solange es heiß ist (*букв.* 'Куй железо, пока оно горячо').

Также не представляет особой сложности и трансформирование пословичных выражений с частичной эквивалентностью. Как было сказано выше, дополнительные элементы могут быть переведены дословно, в том числе и элементы пословицы, замененные на другие: синонимичные, антонимичные или иные слова. Не влияет на сложность перевода и кардинальное изменение сути паремии. Например, если пословица с отрицательным действием становится с положительным и наоборот; или если происходит замена элементов пословицы на другие:

Und gerade dem geschenkten Gaul schaut man am meisten ins Maul[2] (*букв.* 'И как раз дареному коню больше всего смотрят в пасть').

Оригинальная пословица (представлена выше) одновременно расширяется дополнительными элементами *und gerade, am meisten* и сокращается отрицательной частицей *nicht*. Такое редуцирование повлекло за собой изменение смысла паремии на противоположное.

Но особенно сложно переводить измененные пословицы с одинаковой образностью, но разным лексическим наполнением. Одинаковый заложенный в пословицу образ выражается разными словами, так как он основан на истории, менталитете и культуре народа, например:

Zu viele Köche verderben den Brei[3] (*букв.* 'Слишком много поваров портят кашу').

Возможен русский эквивалент *У семи нянек дитя без глазу*. Вариант пословицы образуется расширением компонентного состава с помощью слова-усилителя *zu – слишком*. Модифицированную пословицу можно перевести с помощью изменения эквивалента, например: *Слишком много нянек, и дитя без глазу*. Возможен и дословный перевод, но тогда он требует дальнейшей интерпретации, так как не в каждой ситуации понятен данный образ.

Разберем примеры модифицированных пословиц с полной, частичной и образной эквивалентностью. Данные трансформы найдены в онлайн-изданиях немецкоязычной «качественной» прессы. В статье «280 Euro für jedes Kind» («280 евро для каждого ребенка») пословица *Armut ist keine Schande* (*Бедность – не порок*) трансформирована в вариант:

Kinderarmut in unserem Land ist eine Schande. – Детская бедность в нашей стране – это позор[4].

Речь идет о том, что каждый пятый ребенок в Германии находится за чертой бедности, поэтому власти решили выплачивать дополнительно пособие на детей. Пословица модифицирована двумя способами: с помощью увеличения компонентного состава и субституции. Расширение происходит за счет слияния слов *Kinder* и *Armut* и обстоятельства места *in unserem Land*. Дополнительные элементы имеют уточняющий характер: *в нашей стране* и *бедность детей*. Отрицательная частица *keine* заменена на неопределенный артикль *eine*. Таким образом кардинально изменился смысл пословичного выражения *Бедность – порок*.

На странице крупного немецкого издателя «Verlagsgruppe Weltbild» представлена книга «Ohne Fleiß kein Reis»[5] (*букв.* 'Без труда нет риса').

Сын корейского гастарбайтера, с 1993 года счастливый обладатель немецкого гражданства, является, по его словам, примером успешной политики интеграции. В своей книге он с юмором рассказывает о приключениях иностранцев в Германии и утверждает, чтобы пробиться и сделать карьеру в Германии, необходимо приложить много усилий. Элемент юмора содержится в названии книги. Один из ключевых субстантивных компонентов *Preis* заменено на эвфоническое слово *Reis*. Этот символ Азии является намеком на происхождение иностранца. По начальным элементам в памяти возникает оригинальная пословица *Ohne Fleiß kein Preis* (перевод см. выше). В переводе на русский язык можно оставить первую часть неизменной *Без труда*, а во второй части заменить слово *рыбку* на *рис*. Получается модифицированный вариант с элементом юмора: *Без труда не вытащишь рис из пруда*. Но из-за наличия во второй

[1] URL: http://www.welt.de/print/welt_kompakt/frankfurt/article127889524/Hauptsache-die-Lieblingsfigur-ueberlebt.html
[2] URL: https://www.zeit.de/1999/52/199952.luetkehaus_.xml
[3] URL: https://taz.de/Pepe-Dayaw-ueber-die-Kunst-des-Kochens/!5324170&s=Zu+viele+K%C3%B6che+verderben+den+Brei/
[4] URL: https://taz.de/Vorstoss-gegen-Kinderarmut/!5633383&s=Kinderarmut+in+unserem+Land+ist+eine+Schande/
[5] URL: https://www.weltbild.de/artikel/buch/ohne-fleiss-kein-reis_17991142-1

части данного варианта двух основных слов *рис* и *пруд* может возникнуть непонимание, связанное с темой воды. А поскольку ключевым пунктом измененной пословицы является труд приезжего рабочего именно из Азии, то такой перевод требует дополнительного толкования. Если переводчик креативен или имеет способности к рифмовке, он может представить, например, такой перевод: *Без труда не вырастишь и рис тогда*. Выше упоминалось, что не только компетентность, но и креативность, даже (лингвистическая) находчивость должны относиться к профессиональной характеристике переводчика.

Приведенная ниже пословица относится к группе пословиц с разным лексическим наполнением, но одинаковым образом:

> Morgenstund´ hat Gold im Mund [Mieder, 1983] (*букв.* 'Ранний час имеет золото в устах'). – Кто рано встает, тому Бог подает.

В онлайн-издании обнаружен следующий модифицированный вариант:

> Für eine Eule hatte die gestrige Morgenstund kein Gold im Mund...[1] (*букв.* 'Для совы вчерашний утренний час не имел золото в устах').

В сводке происшествий речь идет о том, что сова в утренний час врезалась в окно автобуса. Пословичное выражение изменено за счет добавления дополнения и изменения временной формы глагола. Таким образом пословица реализована в контексте вчерашнего утреннего происшествия с совой. В данном случае в таком измененном варианте невозможно употребить эквивалент русской пословицы. Кроме того, перевод не может быть дословным, а только описательным. Например, *Ранний час для совы не закончился ничем хорошим*. Перевод подобных трансформированных паремий имеет еще одну особенность: зачастую их невозможно переводить вне контекста, так как это влечет за собой не только потерю образа, но и непонимание ситуативности реализации измененных пословиц.

[1] URL: https:// https://taz.de/was-fehlt/!796393/

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, перевод является многосложной реалией, которая рассматривается в разных ее проявлениях: смысловом, лингвистическом, психолингвистическом, речевом, коммуникативном. Конвенциональные и трансформированные пословицы составляют часть этой системы. Как было сказано выше, тождественность пословиц в русском и немецком языках делится на три категории: с буквальным переводом, частично идентичным и с одинаковой образностью и различной лексической наполняемостью, которая зависит от исторических, культурных, социальных особенностей народа и, соответственно, его менталитета. Речь идет о частично знакомом тексте, поэтому определенный вариант перевода существует в сознании переводчика до начала процесса перевода. Если с переводом конвенциональной формы пословиц переводчик может справиться, применяя свои лингвистические компетенции, то с переводом модифицированных пословиц могут возникнуть сложности. Тождественные, в том числе и трансформированные, паремии передаются дословно, и это отражает и конкретизирует ситуативность при сохранении их образности. Однако частичная схожесть и разное лексическое наполнение не позволяют переводить пословицу эквивалентом с дополнительными элементами и ломкой ее структуры, поскольку при этом, во-первых, возможно непонимание начального высказывания, во-вторых, теряется национальная и культурная специфика пословичного выражения. В такой ситуации перевод зависит не только от лингвистических и экстралингвистических компетенций переводчика, но и его креативности, творческих способностей и понимании ситуативности реализации и функционирования модифицированной паремии. Воспринятый и переработанный образ должен быть скорректирован в соответствии с ситуацией и с учетом национального и социокультурного фактора в процессе перевода.

Таким образом, дальнейшего и более детального изучения требует исследование возможностей перевода вариантных и трансформированных пословиц.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бондарчук Г. Г. Разные школы о проблемах английского словосложения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 20 (706). С. 50–59.
2. Леонтьев А. А. Психология общения. М.: Смысл; Академия, 2005.
3. Яковлев А. А. Психолингвистические аспекты перевода: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015.

4. Тарасов Е. Ф. Тенденции развития психолингвистики. М.: Наука, 1987.
5. Зинченко В. П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Часть I. Живое знание. 2-е изд., испр. и доп. Самара: Самарский дом печати, 1998.
6. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005.
7. Северова Н. Ю. Семантико-прагматические особенности немецкого языка в ГДР: монография. М.: МГИМО-Университет, 2016.
8. Гусейнова И. А. Ретро как ключ к пониманию геопоэтики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 9 (801). С. 361–373.
9. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Berlin: Dudenverlag, 2013.
10. Горбачевская С. И., Едличко А. И. Интернет как инструмент поиска лексических эквивалентов для перевода в сфере общественно-политического дискурса // Информационно-коммуникационные технологии в лингвистике, лингводидактике и межкультурной коммуникации: сб. статей. М.: Университетская книга, 2016. Вып. 7. С. 160–168.
12. Mieder W. Deutsche Sprichwörter in Literatur, Politik, Presse und Werbung. Hamburg: Buske, 1983.

REFERENCES

1. Bondarchuk, G. G. (2014). Different schools on the problems of English compounding. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 20(706), 50–59. (In Russ.)
2. Leont´ev, A. A. (2005). Psihologija obzhenija = Psychology of communication. Moscow: Smysl; Akademija. (In Russ.)
3. Jakovlev, A. A. (2015). Psiholinquistitcheskije aspekty perevoda = Psycholinguistic aspects of translation: monograph. Krasnoyarsk: Siberian federal university. (In Russ.)
4. Tarasov, E. F. (1987). Tendentsii razvitija psiholinquistiki = Trends in psycholinguistics. Moscow: Nauka (In Russ.)
5. Zintchenko, V. P. (1998). Psihologitcheskaja pedagogika = Psychological pedagogy. Samara: Samarskij dom petchati (In Russ.)
6. Zalevskaja, A. A. (2005). Psiholinquistitcheskie issledovanija. Slovo. Tekst: Izbrann·yye trudy = Psycholinguistic research. Word. Text: Selected works. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
7. Severova, N. Yu. (2016). Semantiko-pragmaticheskie osobennosti nemezkogo iazyka v GDR = Semantic-pragmatic features of the German language in the GDR: monograph. Moscow: Moscow Institute of International Relations-University. (In Russ.)
8. Guseinova, I. A. (2018). Retro as a key to understanding geopoetics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(801), 361–373. (In Russ.)
9. Duden. (2013). Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Berlin: Dudenverlag.
10. Gorbatshevskaja, S. I., Edlitshko, A. I. (2016). Internet kak instrument poiska lexitcheskih equivalentov dlia perevoda v sfere obzhestvennogo-politicheskogo diskursa = Internet as a tool for searching lexical equivalents for translation in the field of socio-political discourse). In Informatsionno-kommunikatsionnye technologii v linquistike, linquodidaktike I mezhkulturnoi kommunikatsii (Issue 7, pp. 160–168): collection of articles. Moscow: Universitetskaia kniga. (In Russ.)
11. Mieder W. (1983). Deutsche Sprichwörter in Literatur, Politik, Presse und Werbung. Hamburg: Buske.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шитикова Анжелика Владимировна
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shitikova Anzhelika Vladimirovna
PhD (Philology), Senior Lecturer of the German Language Department, MGIMO University

Статья поступила в редакцию 13.07.2022
одобрена после рецензирования 12.08.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 13.07.2022
approved after reviewing 12.08.2022
accepted for publication 14.09.2022

Научная статья
УДК 82.32
DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_134

Тема странствий в творчестве Вас. И. Немировича-Данченко

Ю. А. Азаров
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия
gmammoth@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена теме странствий в творчестве писателя, путешественника и военного корреспондента, а впоследствии эмигранта «первой волны» Вас. И. Немировича-Данченко. Странничество как феномен русской духовной жизни получило широкое распространение в литературе, однако с этой точки зрения наследие писателя еще не рассматривалось, чем определяется новизна данной работы. Отмечаются стилистические особенности творчества Вас. И. Немировича-Данченко, оценивается его восприятие, анализируются произведения, в которых опыт странствий нашел наиболее яркое воплощение.

Ключевые слова: Вас. И. Немирович-Данченко, тема странничества, путевые очерки, кавказская проза, военные корреспонденции, литература русской эмиграции

Для цитирования: Азаров Ю. А. Тема странствий в творчестве Вас. И. Немировича-Данченко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 134–141. DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_134

Original article

The Theme of Wandering in the Creative Activity of Vas. I. Nemirovich-Danchenko

Yuri A. Azarov
A. M. Gorky Institute of World Literature RAS, Moscow, Russia
gmammoth@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the theme of wandering in the creative activity of writer, traveller, war correspondent and later an émigré writer of the "first wave" Vas. I. Nemirovich-Danchenko. Wandering as a phenomenon of Russian spiritual life has become widespread in literature, but from this point of view the writer's heritage has not yet been classified as a whole, this factor determines the novelty of the present work. The stylistic features of Vas. I. Nemirovich-Danchenko's work are noted, his perception is evaluated, the works in which the experience of wandering found the most vivid embodiment are analyzed.

Keywords: Vas. I. Nemirovich-Danchenko, theme of wandering, travel essays, Caucasian prose, war reports, Russian émigré literature

For citation: Azarov, Yu. A. The theme of wandering in the creative activity of Vas. I. Nemirovich-Danchenko. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 134–141. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_134

ВВЕДЕНИЕ

Тема странствий как феномен русской духовной жизни получила самое широкое распространение в отечественной литературе, она нашла отражение в творчестве многих писателей и поэтов, среди которых А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, Г. И. Успенский, А. П. Чехов, П. И. Мельников-Печерский, М. Горький. По мнению Ю. С. Степанова, странничество представляет собой один из вечных признаков русской жизни [Степанов, 2001], что, несомненно, в полной мере относится и к литературе. Концепты «странничество» и «странник», как доказывает С. С. Ильин, не только связаны с религиозным паломничеством, но и содержат самое разное смысловое наполнение, неоднократно менявшееся в зависимости от условий исторической эпохи [Ильин, 2012, с. 37]. Данные категории в их широком понимании всегда являлись ключевыми у писателей-путешественников, беллетристов с этнографическим уклоном, историков-бытописателей и фольклористов. Как своего рода странничество (на определенном этапе истории России) можно оценить пути послереволюционной эмиграции – в данном контексте хотелось бы вспомнить биографию писателя Василия Ивановича Немировича-Данченко, еще в 1915 году названного П. В. Быковым вечным странником [Быков, 1915, с. 1].

Говоря о литературе русского зарубежья, нельзя не отметить условность деления творчества писателей, до эмиграции составивших имя в литературе, на «дореволюционное» и «послереволюционное» [Михайлов, 2001]. Иными словами, в результате отъезда за рубеж их жизнь и творчество фактически распались на два периода, хотя, безусловно, есть нечто искусственное в том, что Вас. И. Немировича-Данченко с его сложившейся в XIX веке писательской биографией формально относят к зарубежной ветви русской литературы. Известно, что до революции автор многочисленных исторических романов и воспоминаний о генерале М. Д. Скобелеве приобрел даже бóльшую популярность, чем его младший брат Владимир, один из основателей Московского Художественного театра.

ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Будучи убежденным демократом и противником всякого насилия, Октябрьскую революцию Вас. И. Немирович-Данченко признать отказался, что стало главной причиной его решения покинуть родину. После перехода в 1921 году на положение эмигранта, подобно другим писателям, нашедшим убежище за границей, Немирович-Данченко на родине был забыт или почти забыт. Написанные им книги не издавали, а в 1923 году, согласно «Инструкции о пересмотре книжного состава библиотек», указывалось развернуть работу по освобождению советских книгохранилищ от «вредной литературы». В 1918 году в Москве снесли памятник «белому генералу», любимому герою Вас. И. Немировича-Данченко, о чем с горькой иронией писал И. А. Бунин: «…Хамское, несказанно-нелепое и подлое стаскивание Скобелева. <…> И как раз нынче известие о взятии турками Карса!» [Бунин, 2015, т. 8, с. 187]. Власть, объявившая войну памятникам, не нуждалась в героях эпохи царизма, тем более в описаниях их подвигов.

Советская критика относила прозу Вас. И. Немировича-Данченко к «натуральной школе», в одном ряду с А. В. Амфитеатровым, П. Д. Боборыкиным, В. А. Гиляровским. Читателями она могла восприниматься как некий литературный архаизм, тем более сам писатель был причислен к группе «второстепенных прозаиков» XIX века. Подобную оценку «восьмидесятников» вполне определенно сформулировал Д. П. Святополк-Мирский в «Истории русской литературы» в главе под названием «Второстепенные прозаики»: «Нет необходимости рассматривать каждого из восьмидесятников в отдельности, достаточно будет беглого обзора» [Святополк-Мирский, 2007, с. 524]. Однако впоследствии, уже в 1960-е годы, в серии «Литературное наследство» изданы воспоминания Немировича-Данченко о Некрасове [Немирович-Данченко, 1949], а в 1968 – стихи, вошедшие в сборник «Поэты-демократы 1870–1880-х годов» [Немирович-Данченко, 1968].

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД, ПУТЕШЕСТВИЕ НА СЕВЕР

Известно, что в юности Вас. И. Немирович-Данченко сочувствовал революционному движению, писал свободолюбивые стихи, которые, впрочем, нигде не публиковались. Появилась легенда (он и сам ее не отрицал), что за участие в студенческих собраниях в 1869 году его сослали в Архангельскую губернию. Однако в биографической справке сборника «Поэты-демократы 1870–1880-х годов» [там же, с. 605] раскрыты действительные обстоятельства, послужившие причиной ссылки: молодой человек, доведенный до отчаяния нищетой, решился на кражу, за что, будучи лишенным прав дворянства, по приговору уголовного суда сослан на пять лет в Архангельск. Там ему удалось найти

работу в губерноском статистическом комитете и по роду службы много путешествовать по краю, занимавшему огромную территорию северной части Европейской России, – от Финляндии до Урала. Служба пришлась по душе – привычка к перемене мест появилась еще в детстве, в условиях походной жизни в Чечне, Северном и Нагорном Дагестане, где под началом генерала А. П. Ермолова служил его отец. После путешествий оставались дорожные впечатления и воспоминания о встречах, их хотелось сохранить, в результате они находили литературное воплощение в заметках и очерках, ложившихся впоследствии в основу книг.

Начинающему литератору помог Н. А. Некрасов, к которому в период пребывания в Архангельске обратился Вас. И. Немирович-Данченко: «Наудачу я выбрал несколько из своих стихотворений "Песни о павших" и посылаю их к Вам. Если Вы найдете невозможным благодаря печальной известности моего процесса напечатать их с моей фамилией, – поместите какой вам угодно псевдоним...» [цит. по: Боград, Вильчинский, 1967, с. 208]. Некрасов благожелательно отнесся к просьбе ссыльного поэта и даже внес в стихи существенную правку, в результате в «Отечественных записках» (1871, № 11; 1872, № 2) появилась подборка из пяти стихотворений за подписью «Д». Поворотным в биографии стал февраль 1874 года, когда Немирович-Данченко, уже получив известность как писатель-этнограф, обрел долгожданную свободу и вернулся в Петербург.

ПУТЕШЕСТВИЯ, ИХ ТВОРЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

Литературную известность принесли очерки о путешествиях: «С океана. Очерки Севера» (1874), «За Северным полярным кругом (Очерки мурманского берега)» (1876), позднее объединенные в отдельные книги, в том числе «Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами» («Вестник Европы», 1874, № 8, 9). Так, «Соловки» представляют собой описание монашеской жизни в сочетании с выразительным изображением северной природы – для автора это целый мир, замкнутый и в то же время самодостаточный. Отмечается множество колоритных деталей – это флот монастырской братии, пароход с символическим названием «Вера», экипаж его состоит из монахов, в звании капитана ими командует отец Иоанн. Подробно описываются доки, разводные мосты, искусственная гавань, набережная, подъемные механизмы. Сам путешественник не богомолец – в его восприятии паломники такая же экзотика, как и Соловецкий монастырь. Для себя он избрал роль любознательного путешественника, испытывающего потребность поделиться с читателем своими впечатлениями:

> Перед вами бесконечный простор синего моря, в которое врезались бесчисленные мысы соловецких берегов. <...> Это целая поэма природы, и, глядя на нее, вы точно внимаете беспредельному миру чудных гармонических звуков. <...> А вдали Соловецкая обитель с ее часовнями, точно легкий призрак. Весь розовый, с искрами своих крестов – он ласкает взгляд туриста (*Вас. Немирович-Данченко. Соловки*).

Значительное место в творческом наследии Немировича-Данченко занимает кавказская проза, получившая, по свидетельству М. Л. Слонимского, высокую оценку Горького [Слонимский, 1987]. Писатель продолжает странствовать: по Уралу (1875), по Волге и Прикаспию, по Кавказу, Дагестану, районам Грузии (1876), отправляется в Турцию. После путешествий появляются книги: Кавказ – «В гостях» (1880), Урал – «Кама и Урал» (1880), регионы Прикаспия – «Даль» (1890). В 1890–1910-х годах издаются произведения, посвященные кавказским войнам: «Кавказские богатыри (Очерки жизни и войны в Дагестане)» (1902), «Вольный Шамхал» (1903), «Горные орлы» (1904), «Горе забытой крепости» (1904), «Разжалованный» (1912–1913), «Князь Селим» (1913). Их отличает стремление воссоздать картины местной природы, проникнуть во внутренний мир горцев, выделить черты самобытности, присущие разным народам: в его описании любой этнос уникален благодаря складывавшемуся веками традиционному жизненному укладу.

Картины природы, даются, как правило, в романтическом ключе; о М. Ю. Лермонтове заставляют вспомнить богатство красок пейзажных зарисовок, таинственный образ одушевленного величия Кавказа. Так, в романе «Горе забытой крепости» ревущий поток подобен неугомонному чудовищу, аул становится живой частью скалы:

> В потемках пропасти ворочалось и стонало неугомонное чудовище горного потока, и шум его доносился к саклям, словно выросшим из самого тела скалы. По крайней мере, нельзя было определить, где кончалась она, и начинаются те (*Вас. Немирович-Данченко. Горе забытой крепости*).

Тема судьбы, предназначения «рыцарей гор», составляет идейную основу романа, действие которого разворачивается на широком географическом пространстве, – не только в Дагестане, в окрестностях аварского аула Салта, но и

переносится в Санкт-Петербург. Судьба заявляет о себе в системе предсказаний, в ряде сюжетных поворотов, что подчеркивает неизменную вечность ее законов, распространяющих влияние как на цивилизованную, так и на «азиатскую» среду. С судьбой связан свойственный горцам кодекс поведения, вызывающий восхищение Николая I:

> Странные люди!.. Точно средневековые рыцари. И неужели всё это должно погибнуть!.. В их лице – легенда уходит из мира… (*Вас. Немирович-Данченко. Горе забытой крепости*).

Сюжет романов развивается, как правило, на живописном фоне того или иного региона, страны, края или местности, что привлекает внимание читателя, которого автор стремится держать в напряжении, иногда, впрочем, по той же причине обнаруживая склонность к преувеличениям и неожиданным, хотя и малоправдоподобным поворотам сюжета. В адрес писателя часто звучали упреки в склонности к орнаментальности, аффекту, картинности, искусственной театральности и многословию. Как и в наше время, подобная стилистика отвечала эстетическим запросам значительной части читательской аудитории, благодаря чему писатель смог занять в литературе свою, вполне определенную, нишу. В окружении героев кипят страсти, особо акцентируется драматизм происходящего, что относится в первую очередь к романам на итальянские и испанские темы, среди которых «Контрабандисты» (1892), «Кулисы» (1886), «Великий старик» (1898), «Исповедь женщины» (1889).

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ, ВОЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

Следует особо выделить другое важное направление литературной деятельности Вас. И. Немировича-Данченко, вошедшего в историю отечественной журналистики как корреспондент, освещавший события военных кампаний XIX – начала XX века. В его репортажах и очерках остались живые и вместе с тем документально точные описания сражений, солдатского быта и штабной службы. С годами сложилась отмеченная С. А. Новиковой оригинальная парадигма, включавшая набор приемов, шаблонов и образов, с помощью которых передавались знаковые детали, раскрывающие нравственную проблематику ведения войн [Новикова, 2014] . Следует отметить и то, что фронтовая публицистика Немировича-Данченко с ее ярко выраженным патриотическим пафосом объективно выполняла не только информационную, но и пропагандистскую функцию.

Став военным репортером газеты «Новое время» во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, Немирович-Данченко прежде всего стремился анализировать скрытые обстоятельства, определяющие успех военных действий. Не считая себя безучастным наблюдателем, военкор не раз попадал под обстрелы, его мужество отмечено командованием: являясь штатским участником войны, «за службу и храбрость» он получил боевую награду – солдатский Георгиевский крест. Немаловажно и то, что корреспонденции и очерки Немировича-Данченко способствовали укоренению в русском обществе представления о высоком смысле освободительной борьбы и ее справедливом характере. Воспоминания о героическом времени, образы людей, воевавших за независимость братского народа, легли в основу произведений, тематически связанных с Болгарией: «Гроза» (1879), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед!» (1883), «Сторожевые огни» (1896), «Семья богатырей» (1890).

На фронтовых дорогах Вас. И. Немирович-Данченко встретил М.Д. Скобелева, впоследствии, уже после его смерти, издал книгу «Скобелев. Личные воспоминания и впечатления» (1882), включавшую записи разного времени. Ее отличает документальность – благодаря сочинению Вас. И. Немировича-Данченко биографы генерала могут узнать, что он мечтал об объединении славянства, однако не считал себя последователем славянофильства в его вульгарном восприятии:

> …Я рисую себе в будущем вольный союз славянских племен. Полнейшая автономия у каждого – одно только общее – войска, монеты и таможенная система (*Немирович-Данченко. Скобелев*).

Отмечается и то, что М. Д. Скобелев вызывал восхищение современников чистосердечием и открытостью: в концептосфере традиционной культуры подобное качество составляет неотъемлемую черту образа народного героя:

> Доступность Скобелева была изумительна. <…> … каждый – от прапорщика, до генерала чувствовал себя с ним совершенно свободно… (*там же*).

Уже в эмиграции Амфитеатров оставил описание, отражающее характерные черты Немировича-Данченко в те годы:

> Ему тогда было 38 лет, и был он великолепен. Другого такого безупречно корректного франта не имела Москва. А в особенности писательский мирок ее… <…> На этом тусклом фоне Василий Иванович

> возблистал, можно сказать, ослепительно. Для Москвы он, петербуржец и скиталец по Европе, был человеком новым, и Москва набросилась на него с жадным любопытством. <…> Еще отнюдь не забыты были его блистательные корреспонденции с театра Русско-турецкой войны… (*Сегодня. 1935, № 6*).

Когда началась Русско-японская война 1904–1905 годов, Вас. И. Немирович-Данченко в качестве военкора «Русского слова» сразу же отправился на фронт, в Манчжурию, где в течение года остается в действующей армии. Нельзя не оценить свойственную ему писательскую «оперативность»: уже в 1904 году в Москве выходит книга «На войну. От Петербурга до Порт-Артура. Из писем с дороги». Его публикации в «Русском слове» становятся едва ли не главным источником «живой» информации о войне, на этот раз на Дальнем Востоке. Они отличаются образным языком и, несмотря на купюры военной цензуры, оказывают сильнейшее воздействие на общественное мнение. Вопреки официальной пропаганде, он стремится правдиво описывать войну с ее жестокостью и кровью, дезорганизованностью армии и горечью потерь, что было отмечено М. Горьким в письме к Е. Пешковой (Старая Русса. 25 июля – 7 авг. 1904): «…Немирович – вообще патриотически врет, но порою сообщает такие штучки, что сразу видно – плохо у нас всё, что только можно себе представить. И уход за ранеными, и обоз, и командование» [Горький, 1998, с. 112].

Уже после заключения Портсмутского мирного договора появилась книга «В Манчжурии. Картинки и сценки из войны с Японией» (1907) и роман «Братские могилы» (1907), действие последнего относится к периоду, предшествовавшему войне. Примечательно, что в романе отсутствует упомянутый Горьким патриотический пафос, отличающий фронтовые репортажи, – писатель, забегая вперед, рассказывает о неизбежности поражения и причину его усматривает в застое, царящем в империи:

> …Перед рабской, раздавленной Россией вырос такой враг, какого она до сих пор и не видела. Страну, убившую в себе душу живу, ждет война – неизбежная, страшная, беспощадная, безнадежная (*Вас. Немирович-Данченко. Братские могилы*).

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ, ДОРОГА В ЭМИГРАЦИЮ

После 1917 года, словно отвергая не оправдавшую надежды действительность, писатель обращается к памяти и, отправляясь в путешествие по минувшему, повествует о людях, с которыми когда-то его свела судьба. На этом пути автора ждут встречи, но не с реальными, живыми героями, а с их оставшимися в памяти образами. Так появился цикл очерков, собранных в книге «На кладбищах (Воспоминания)»:

> На них [т. е. мемуарах. – *Ю.А.*] поэтому отражаются впечатления так скоро минувших событий, – говорилось во вступлении, – великих облетевших надежд и ярких миражей, сменившихся суровою, беспощадною действительностью. <…> Бродя по полузабытым кладбищам, невольно воскрешаешь мертвецов, независимо от того, какие они играли роли – большие или малые. Ведешь с ними нескончаемые беседы, повторяешь прошлые (*Вас. Немирович-Данченко. На кладбищах*).

Очевидно, что у Вас. И. Немировича-Данченко была еще одна причина оставить Советскую Россию – он не мог смириться с барьерами для свободных передвижений по миру, установленных новой властью. Для него, олицетворявшего человека «открытого пространства», странничество неразрывно связано с чувством независимости, с духовным преодолением рутины и повседневности. Он всегда помнил Н. С. Гумилева – уже в эмиграции, получив известие о расстреле поэта, написал посвященный ему очерк. Между ними, казалось бы, столь разными (и не только по возрасту) людьми, существовало много общего. Погиб поэт – страстный путешественник, в котором «жил редкий у нас дар восторга и пафоса»:

> Он не только читателя, но и слушателя в длинные и скучные сумерки петербургской зимы уносил в головокружительную высь чарующей сказки (*там же*).

В очерке отчетливо звучит чувство безысходности, вызванное потерей близкого по духу человека:

> Невыразимою грустью на меня повеяло от небольшой, изящно изданной книжки Гумилева – «К синей звезде» [сборник с подзаголовком «Неизданные стихи 1918 г.» вышел в 1923 году в Берлине. – *Ю.А.*]. Точно из далекой, неведомо где затерянной могилы убитого поэта меня позвал его едва-едва различимый голос. <…> Мне перед этим два раза отказали в выдаче заграничного паспорта. <…> Он тосковал по яркому солнечному югу, вдохновлявшему его заманчивыми далями. По ним еще недавно он странствовал истинным конквистадором. Рассказывал мне о приключениях в Абиссинии. <…> Я хотел уходить через Финляндию, он через Латвию. Мы помирились на эстонской границе (*там же*).

В книге раскрываются обстоятельства, предшествовавшие отъезду в Берлин:

> Я задался целью написать ряд очерков «Народные трибуны, вожди и мученики». Комиссариат Просвещения дал мне для выполнения этого труда командировку… Комиссариат Иностр. дел постановил выдать мне с этой целью паспорт (*Вас. Немирович-Данченко. На кладбищах*).

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРАГУ

Переезд в 1922 году из Берлина в Чехословакию описывается в очерке К. П. Бельговского, одного из основателей местного Союза русских писателей и журналистов. Непосредственное знакомство началось со встречи на Масариковском вокзале, ранее они только переписывались. Отмечается, что существовало явное соответствие между обликом писателя и героями написанных им военных книг, что подтвердилось при встрече – не заметить бравого старика со знаменитой скобелевской бородой было просто невозможно. Его знали по книгам, прочитанным еще в детстве и юности:

> Чье молодое сердце не трепетало при чтении «Горя забытой крепости», повестей о Скобелеве и других героических произведений В. И. во время русско-японской войны, когда русское общество с напряжением следило за страшной трагедий, разыгрывающейся на маньчжурских полях и сопках… (*Для Вас. 1935. № 2 /55*).

В Праге ему оказали радушный прием – олицетворяя образ дореволюционной России, он будил у эмигрантских читателей ностальгические чувства. На родину писатель уже не вернулся, хотя ему, как и многим другим эмигрантам начала 1920-х годов, казалось, что странствие по зарубежью не продлится долго, а тем более растянется на всю оставшуюся жизнь. Он отличался живым умом и, несмотря на почтенный возраст, продолжал активно трудиться – как за письменным столом, так и на ниве общественной деятельности, путешествовал. Без его участия не могла обойтись ни одна крупная общественная организация, ни один творческий союз. «Небольшого роста, – вспоминал о пражском периоде студент Карлова университета Н. Е. Андреев, – тщательно, даже элегантно одетый, с тростью, в котелке он казался каким-то героем из собственных романов… от него веяло стилем эпохи Александра Второго. С ним здоровались многие чехи, знавшие его по частым фотографиям в чехословацкой прессе…» [Андреев, 1981, с. 343].

В эмигрантской судьбе Вас. И. Немировича-Данченко Прага сыграла особую роль, здесь написаны многие книги, среди которых «Рыцарь гор. Роман для детей старшего возраста» (1922), «Вольная душа: из воспоминаний художника» (1923), «Пленница гарема» (1935), «Две ночи перед казнью и другие рассказы» (1922), «Бедная Инес и другие рассказы» (1923), «Бобков и его сироты» (1923), «Край золотого заката. Очерки таинственного Магреба» (1923), воспоминания о жизни в Советской России «Иов на гноище» (не изданы).

Когда в октябре 1928 году в Королевстве сербов, хорватов и словенцев проходил Первый съезд русских писателей и журналистов за границей, в Белград в составе делегации от Чехословакии отправились Е. Н. Чириков и Вас. И. Немирович-Данченко. В работе съезда приняли участие 111 делегатов, в их число входили З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, А. И. Куприн, Б. К. Зайцев. В Белграде съезду придавали исключительное значение – король Александр I Карагеоргиевич, оказывавший покровительство эмигрантам, за заслуги в области развития славянской культуры наградил русских писателей орденами Святого Саввы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценивая творческое наследие Вас. И. Немировича-Данченко в целом (согласно обозначенной ранее типологии) [Азаров, 2018, с. 83], следует отметить разнообразие тематического и жанрового диапазона, включающего документальную и историческую прозу, стихи, книги для детей, святочные рассказы, путевые очерки, романы, которые относят к беллетристике, в том числе рассчитанной на вкусы невзыскательного читателя. Однако более всего писателя привлекают описания встреч, опыты странствий, жанр путевого очерка, содержащего географические и этнографические подробности, живописания региональных традиций, что находит отражение и в его многочисленных романах. Страсть к перемене мест сближает автора с вымышленными и невымышленными героями, а путешествие является одним из главных сюжетообразующих мотивов с характерным сочетанием художественной и документальной составляющих его творчества.

Литературная деятельность Вас. И. Немировича-Данченко продолжалась в течение 76 лет, жизненный путь эмигранта и «вечного странника» завершился 18 сентября 1936 году, на 92-м году жизни. Он был похоронен в православной части Ольшанского кладбища, рядом с церковью Успения Пресвятой Богородицы. В некрологе,

опубликованном рижской газетой «Сегодня», П. М. Пильский писал о том, чем запомнился Немирович-Данченко: «Он был и остался – певцом рыцарского долга, – романтик и мечтатель, экзальтированный поэт, неотдыхающий путешественник, влюбленный в блеск, в красоту и нарядность, смелое сердце и безупречный гражданин» (*Сегодня. 1936. № 260*).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Академический проект, 2001.
2. Ильин С. С. О концепте «странник» в истории русской культуры // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2012. № 11 (91). С. 37–45.
3. Быков П. В. Чуткий беллетрист – вечный странник. Творчество Вас. Ив. Немировича-Данченко // Природа и люди. 1915. № 51. С. 1–3.
4. Михайлов О. Н. От Мережковского до Бродского. Литература русского зарубежья. М.: Просвещение, 2001.
5. Бунин И. А. Сочинения: в 8 томах. Т. 8. М.: Московский рабочий, 2000.
6. Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2007.
7. Немирович-Данченко Вас. И. // Из воспоминаний о Некрасове. М.: Наука, 1949. Т. 49–50. С. 589–599. (Серия Литературное наследство).
8. Немирович-Данченко Вас. И. // Поэты-демократы 1870–1880-х годов. Л.: Советский писатель, 1968. С. 604–629.
9. Боград В. Э., Вильчинский В. П. «Песни о павших» Вас. Ив. Немировича-Данченко (Эпизод из редакторской практики Некрасова) // Некрасовский сборник, IV. Л.: Наука, 1967. С. 207–213.
10. Слонимский М. Л. Завтра: проза, воспоминания. Л.: Советский писатель, 1987.
11. Новикова С. А. Образ войны в военных корреспонденциях и публицистике Вас. И. Немировича-Данченко в период Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн: сюжеты и роль общественных стереотипов в его формировании. Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 1 (56). С. 84–95.
12. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1998. Т. 4 (ноябрь 1903–1904).
13. Андреев Н. Е. О русской литературной Праге (Отрывки из воспоминаний) // Русский альманах. Париж: [Б.и.], 1981. С. 332–350.
14. Азаров Ю. А. Голос русской истории: Вас. И. Немирович-Данченко. Жизнь и судьба (материалы к биографии) // Русская словесность. 2018. № 1. С. 79–86.

REFERENCES

1. Stepanov, Yu. S. (2001). Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniia = Constants. Dictionary of Russian culture. The experience of research. Moscow: Akademicheskii proekt. (In Russ.)
2. Il'in, S. S. (2012). On the concept"strannik" in the history of Russian culture. Vestnik RGGU, Seriya "Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie", 11 (91), 37–45. (In Russ.)
3. Bykov, P. V. (1915). Chutkii belletrist – vechnyi strannik. Tvorchestvo Vas. Iv. Nemirovicha-Danchenko = A sensitive novelist as an eternal wanderer. Creative work of Vas. I. Nemirovich-Danchenko. Priroda i liudi, 51, 1–3. (In Russ.)
4. Mikhailov, O. N. (2001). Ot Merezhkovskogo do Brodskogo. Literatura russkogo zarubezh'ia = From Merezhkovsky to Brodsky. Russian émigré literature. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
5. Bunin, I. A. (2000). Sobranije sochinenij = Collected edition (vol. 8): in 8 vols. Moscow: Moskovskii rabochii. (In Russ.)
6. Sviatopolk-Mirskii, D. P. (2007). Istoriia russkoi literatury s drevneishikh vremen po 1925 god = A history of Russian literature from Ancient times to 1925. Novosibirsk: Svin'in i synov'ia. (In Russ.)
7. Nemirovich-Danchenko, Vas. I. (1949). Iz vospominanii o Nekrasove (seriia Literaturnoe nasledstvo) = From the memories about Nekrasov (Literary heritage series, vols. 49–50, pp. 589–599). Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Nemirovich-Danchenko, Vas. I. (1968). Poety-demokraty 1870–1880-kh godov = Democratic poets of the 1870s–1880s (pp. 604–629). Leningrad: Sovetskii pisatel'. (In Russ.)

9. Bograd, V. E., Vil'chinskii, V. P. (1967). "Pesni o pavshikh" Vas. Iv. Nemirovicha-Danchenko (Epizod iz redaktorskoi praktiki Nekrasova) = "Songs about the Dead" by Vas. Iv. Nemirovich-Danchenko (Episode from Nekrasov's Editorial Practice). Nekrasovskii sbornik, IV (pp. 207–213). Leningrad: Nauka (In Russ.)
10. Slonimskii, M. L. (1987). Zavtra: proza, vospominaniia = Tomorrow: Prose, Memoirs. Leningrad: Sovetskii pisatel'. (In Russ.)
11. Novikova, S. A. (2014). Obraz voiny v voennykh korrespondentsiiakh i publitsistike Vas. I. Nemirovicha-Danchenko v period Russko-turetskoi (1877–1878) i Russko-iaponskoi (1904–1905) voin: siuzhety i rol' obshchestvennykh stereotipov v ego formirovanii = The Image of war in war correspondence and journalism of Vas. I. Nemirovich-Danchenko during the Russian-Turkish (1877–1878) and the Russian-Japanese (1904–1905) wars: Plots and the role of social stereotypes in its formation. Vestnik PSTGU II: Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 1(56), 84–95. (In Russ.)
12. Gorky, M. (1998). Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma = Complete collected edition. Letters (vol. 4, Nov. 1903–1904): in 24 vols. Moscow: Nauka. (In Russ.)
13. Andreev, N. E. (1981). O russkoi literaturnoi Prage (Otryvki iz vospominanii) = About Russian literary Prague (Fragments of memoirs). Russkii al'manakh (pp. 332–350). Paris: [s.n.]. (In Russ.)
14. Azarov, Yu. A. (2018). Golos russkoi istorii: Vas. I. Nemirovich-Danchenko. Zhizn' i sud'ba (materialy k biografii) = The Voice of Russian history: Vas. I. Nemirovich-Danchenko. His life and destiny (Materials for biography). Russkaia slovesnost', 1, 79–86. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Азаров Юрий Алексеевич
доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Azarov Yuri Alexeevich
Doctor of Philology (Dr. habil.)
Leading Researcher of A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 04.07.2022
одобрена после рецензирования 08.08.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 04.07.2022
approved after reviewing 08.08.2022
accepted for publication 14.09.2022

Научная статья
УДК 82
DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_142

Протофеминизм Маргарет Этвуд

Р. Р. Найденова
Литературный институт имени А. М. Горького, Москва, Россия
roksa-moon@yandex.ru

Аннотация. Протофеминизм, или до-феминизм, – это термин, характеризующий произведения, созданные до формирования феминизма либо вне основных волн феминизма, но затрагивающие важные для него темы. К протофеминизму относит себя и современная канадская писательница Маргарет Этвуд (р. 1939), объясняя это тем, что начала свой творческий путь до начала второй волны феминизма. В данной статье на основании книг и публичных высказываний М. Этвуд рассматривается ее отношение к протофеминизму и женскому вопросу в целом. Главной целью М. Этвуд в рамках протофеминизма становится слияние женского вопроса с общесоциальными проблемами и универсализация женских образов.

Ключевые слова: Маргарет Этвуд, канадская литература, женский вопрос, феминизм, протофеминизм, спекулятивная фантастика

Для цитирования: Найденова Р. Р. Протофеминизм Маргарет Этвуд // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 142–148. DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_142

Original article

Margaret Atwood's Proto-Feminism

Roksana R. Naydenova
Maxim Gorky Literature Institute, Moscow, Russia
roksa-moon@yandex.ru

Abstract. Proto-feminism or pre-feminism is a term that characterizes works created before the formation of feminism or outside the main waves of feminism, but touching on topics important to it. The contemporary Canadian writer Margaret Atwood (born 1939) refers to proto-feminism, explaining that she began her career before the start of the second wave of feminism. In the article, on the basis of books and public statements of M. Atwood, the author examines her attitude to proto-feminism and the women's issue in general. The main goal of M. Atwood, within the framework of proto-feminism, becomes the fusion of the female issue with general social problems and the universalization of female images.

Keywords: Margaret Atwood, Canadian literature, women's issue, feminism, proto-feminism, speculative fiction

For citation: Naydenova, R. R. (2022). Margaret Atwood's proto-feminism. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 142–148. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_142

ВВЕДЕНИЕ

Маргарет Этвуд (р. 1939) – современная канадская писательница, поэтесса и критик. На сегодня она является одной из самых известных англоязычных авторов в мире. Ее книги удостаивались многих наград и премий, в числе которых Букеровская премия, премия генерал-губернатора Канады, премия Артура Кларка и многие другие. А также М. Этвуд считается одной из главных претенденток на Нобелевскую премию. Первой опубликованной книгой автора стал сборник стихов «Двойная Персефона», выпущенный в 1961 году. Однако наибольшую популярность М. Этвуд получила благодаря своим прозаическим работам. Первый ее роман «Съедобная женщина» увидел свет в 1969 году, а первый сборник рассказов «Танцующие девушки» – в 1977 году.

Самой известной книгой М. Этвуд на сегодняшний день является «Рассказ служанки», вышедший в 1985 году. В 2019 году он получил продолжение – «Заветы».

Критики увидели в «Рассказе служанки» яркую феминистскую повестку, но правы ли они? Сама М. Этвуд никогда не называла свои произведения чисто феминистскими и на вопрос: является ли она феминисткой, отвечала, что придерживается скорее взглядов протофеминизма. А феминизм как таковой писательница считает слишком расплывчатым понятием, включающим в себя множество различных аспектов, с частью которых она может не согласиться:

> Feminist is now one of the all-purpose words. It really can mean anything from people who think men should be pushed off cliffs to people who think it's OK for women to read and write. All those could be called feminist positions [Brans, Atwood, 1983, с. 301]. – Сегодня *феминистка* – одно из многозначных слов. Им, действительно, можно называть кого угодно, начиная с людей, которые считают, что мужчин нужно сбрасывать с обрыва, заканчивая теми, кто полагает, что для женщин достаточно уметь читать и писать. Все эти мнения могут быть отнесены к феминизму.[1]

ПРОТОФЕМИНИЗМ

Протофеминизм, или до-феминизм, – это термин, характеризующий произведения, созданные до формирования феминизма, но затрагивающие важные для него темы. К протофеминизму относит себя и М. Этвуд:

> I'm pre-feminist, that is, I came of age before any of that happened. So my first twelve years of being a writer were not spent in that environment[2]. – Я – протофеминистка, то есть я выросла еще до того, как это движение вошло в силу. Таким образом, мои первые двенадцать лет в роли писательницы прошли вне феминизма.

Она начала свой путь в литературе в 1950-е г., и ее взгляды сформировались еще до второй волны феминизма, т. е. она начала писать о проблемах женщин в современном обществе еще до того, как эта тема стала вновь популярной в Канаде. Главный посыл протофеминизма М. Этвуд заключается в объединении женского вопроса с общемировыми задачами. Невозможно повлиять на один пол, не затронув другой. Невозможно улучшить жизнь женщин, не изменив жизнь мужчин, считает писательница:

> Women are human beings… Anything that affects the economy, the health of the planet, the availability of education, and so forth, will also affect women. They are not Apart: they are A Part. Gender definitions will be and have been affected by all of those things. You can only have relatively equal roles when there is relative affluence, and a consensus about fairness. Otherwise, it is very hard [Tolan, 2017, с. 462]. – Женщины – это люди … Всё, что отражается на экономике, состоянии планеты, доступности образования и т. д., будет также влиять и на женщин. Женщин нельзя считать вне игры, они – часть целого. Гендерные определения будут затрагиваться и всегда затрагивались подобными вещами. У вас может быть относительное равноправие лишь при относительно равном достатке и согласии в вопросах справедливости. Иначе это почти невозможно.

ПРОТОФЕМИНИЗМ И СПЕКУЛЯТИВНАЯ ФАНТАСТИКА

«Рассказ служанки», «Заветы» и трилогию «Безумный Аддам» принято относить к спекулятивной фантастике. Спекулятивная фантастика отличается от научной фантастики тем, что описывает и развивает уже существующие в мире политические и культурные тенденции, в то время как научная фантастика ставит во главу угла новые технологии, изобретения, которые возможны сегодня лишь в теории. Так спекулятивная фантастика интересуется в первую очередь современностью и ближайшим будущим, а научная

[1] Зд. и далее перевод наш. – *Р. Н.*

[2] URL: https://therumpus.net/2013/01/20/the-sunday-rumpus-interview-margaret-atwood/

фантастика может затрагивать совершенно далекие, внеземные сферы. Считается, что спекулятивная фантастика зародилась в русле американской фантастики в середине прошлого века: «Впервые словосочетание speculative fiction было использовано известным американским фантастом Робертом Ханлайном в 1947 году» [Ризванова, Хрущева, 2020].

Феминизм, женский вопрос в данном случае, является одной из острых современных тенденций. Он освещается писательницей не только в ее фантастических романах, но также и в произведениях, написанных в духе реализма. Однако начнем разбор с всемирно известного «Рассказа служанки», ведь именно он принес М. Этвуд славу одной из самых феминистских писательниц современности. «Рассказ служанки» множество раз переиздавался, по нему сняли полнометражный фильм в 1990 году, а недавно (2017) был выпущен сериал. «Рассказ служанки» неоднократно ставился на сцене, существует даже одноименная опера и балет. «Рассказ служанки» описывает мир будущего, где после глобальной экологической катастрофы снизилась рождаемость. На месте нескольких бывших штатов США образуется тоталитарное государство Галаад, в котором все граждане поделены на касты. Мужчины делятся на богатых и влиятельных командоров, следящих за порядком хранителей и простых обывателей. У женщин иерархия сложнее: среди них есть жены – бесплодные супруги командоров, марфы – домработницы, эконожены – простолюдинки, тетки – надсмотрщицы и, наконец, служанки, чья функция сводится к рождению детей. Служанки лишены постоянного имени и носят своеобразные прозвища-псевдонимы, образованные от имени своего настоящего владельца. Например, главную героиню зовут Фредова. С переходом к новому командору ее имя должно было бы поменяться. В этом обществе не действуют социальные лифты, а доступ к любой информации строго ограничен. Но страшен даже не сам Галаад, а факт его возникновения. Главная героиня, погружаясь в свои воспоминания из прошлой жизни, часто задается вопросом: как и почему окружающие не замечали приближающейся катастрофы. История Фредовой служит предупреждением о том, как хрупок мир и цивилизация. То, что нам кажется незыблемым, может рухнуть в один момент.

Мир протофеминизма М. Этвуд амбивалентен и многогранен. Он не предлагает конкретного решения, а скорее стремится задавать правильные вопросы. С приходом и развитием феминизма М. Этвуд продолжила развивать принятую ранее позицию, в рамках которой женский вопрос рассматривался как общесоциальный, без выделения в особую категорию.

ПРОТАГОНИСТКИ И АНТАГОНИСТКИ МАРГАРЕТ ЭТВУД

Многогранны и многолики и героини М. Этвуд. В них всегда заключено и доброе, и злое. Так, например, в «Невесте-разбойнице» (1993) три главные героини Тони, Роз и Харис противостоят зловещей Зении, отобравшей их возлюбленных. Зения олицетворяет в этом противоборстве темную сторону, приписываемую женскому началу. Она – суккуб, вампир, разлучница. Тони, Роз и Харис, наоборот, отображают светлую сторону женского характера. Они – добрые, ранимые, любящие девушки. Но смысл этого противостояния не в победе одной из сторон, а в понимании того, что женщины могут быть и добрыми, и злыми, а также в умении извлечь из этого понимания жизненный урок. Так отношение к хитрой Зении по мере развития романа постепенно меняется. Из разлучницы она превращается в наставницу, указавшую трем незадачливым подругам на их ошибки. Отгадывая загадки Зении, три героини вступают в борьбу с собственными внутренними противоречиями. «М. Этвуд дает в романе подробный психологический анализ личности каждой из них. Все они были травмированными с детства существами, у каждой был сильнейший комплекс неполноценности» [Комаровская, 2017а, с. 288].

В подтверждении двойственного взгляда на антагонистку и весь конфликт романа в эпиграф «Невесты-разбойницы» выведено следующее высказывание американской писательницы Джессамин Уэст «Змея, которая не кусается, не может ничему научить».

ЖЕНСКИЙ И ДЕВИЧИЙ МИР В ТВОРЧЕСТВЕ МАРГАРЕТ ЭТВУД

Еще одна черта протофеминизма М. Этвуд – это пристальный взгляд на взаимоотношения между самими женщинами. М. Этвуд исследует, как формируется и развивается женская дружба, в поисках ответа: существует ли настоящая женская дружба или нет. Это приводит писательницу в мир детства.

> In her novels, almost all dwell on their childhood years in flashback or in the chronological telling of their stories. Many of her protagonists' early days are situated in a virtual Garden of Eden setting, replete with untamed natural environments. Exploring shorelines, gazing at stars, gathering rocks, and listening to waves, they are solitary souls, but not lonely

> individuals: innocent, curious, and affable creatures [Goldblatt, 1999, с. 275]. – В ее романах почти все герои вспоминают свое детство во флешбэках или перемежают детскими воспоминаниями рассказ о настоящем. Мир детства многих героев М. Этвуд расположен в виртуальном Эдемском саду, изобилующем дикой природой. Изучая морские берега, созерцая звезды, собирая камни и слушая волны, герои М. Этвуд предстают уединенными душами, но не одинокими людьми: они невинные, любопытные и приветливые создания.

Автор изучает и описывает девичьи надежды и переживания. До М. Этвуд в западной литературе можно отыскать довольно небольшое количество художественных книг о женском детстве, не позолоченных идеализацией и ностальгией. В детских компаниях М. Этвуд царит своя скрытая от взрослых иерархия, плетутся интриги и происходят предательства и перевороты. Автор описывает основные различия между девичьим и мальчишеским миром и приходит к выводу, что взаимоотношения между женщинами базируются более на словах и намеках, чем на прямых поступках, они более таинственные, и как выразилась сама М. Этвуд, более «византийские». Так, в романе «Кошачий глаз» (1988) М. Этвуд описывает образование и медленное разрушение дружеской девичьей компании. Для главной героини Элейн ее добрые подруги медленно превращаются в преследовательниц.

М. Этвуд не боится затрагивать многие острые и сложные темы, такие как детское насилие, внутренняя мизогиния, боязнь двойника, сороро-фобия – боязнь сестры и др. В уже упомянутом романе «Кошачий глаз» главная героиня Элейн, испытав на себе издевательства бывших подруг, превращается в женоненавистницу. «Она научилась отстаивать себя, она научилась быть жесткой, но детский опыт наложил отпечаток на всю ее взрослую жизнь: она, женщина между сорока и пятьюдесятью годами, боится женщин, не умеет вести себя с ними, не уверена в себе. У нее нет подруг. Всё нехорошее в жизни Элейн связано с Корделией» [Комаровская, 2017б, с. 57].

Выход из этого тупикового положения она будет искать уже во взрослой жизни. В романе «Слепой убийца» (2000) главные героини – сестры Айрис и Лора становятся соперницами в любви. Конкуренция за сердце одного мужчины, который умело пользовался расположением и той, и другой, открыла сестрам глаза на бездну между ними. «Этическая составляющая – очень важная часть романов Маргарет Этвуд. В каждом из своих романов писательница разрабатывает какую-либо нравственную проблему. В чем же нравственный посыл «Слепого убийцы»? Тема романа: предательство, ответственность за свои действия, тема искупления. Конфликт романа – конфликт между долгом и желанием жить в комфорте, между максимализмом и конформизмом. Сестры различаются по отношению к жизни – компромисс, приспособление – с детства жизненная линия Айрис. Бескомпромиссность – отсутствие гибкости, inflexibility – основа личности Лауры» [Комаровская, 2020, с. 105].

Два самых близких человека в мгновение сделались друг для друга чужими. Любовь для них оказалась не спасением, а катализатором всех затаенных за годы детства и юности обид и подозрений.

УНИВЕРСАЛИЗАЦИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ

Погружаясь в женский и девичий мир, писательница вовсе не стремится его отделить от общего пространства. Одной из главных задач автора остается универсализация женского персонажа. М. Этвуд, следуя объединяющей традиции протофеминизма, старается показать основу, фундамент общечеловеческих отношений, откуда берут свое начало деление на «мужское» и «женское». Отсюда особое внимание писательницы к мифу и его репрезентации в современной литературе. Так, в романе «Постижение» (1972) М. Этвуд пытается проанализировать и воспроизвести мономиф Джозефа Кэмпбелла, описанный в его самой известной книге «Тысячеликий герой» (1949). Опираясь на миф о нисхождении и возвращении героя мономифа, писательница стремится создать «тысячеликую героиню».

> Heroine of the thousand faces, she descends, like Persephone, into the world of the dead; she tests, like Perseus, the extreme limits of human endurance … [du Plessix Gray, 1977, с. 29]. – Героиня тысячи лиц, она спускается в мир мертвых, подобно Персефоне, она испытывает, подобно Персею, пределы человеческой силы…

Главный посыл подобной метаморфозы – продемонстрировать, что женские персонажи могут олицетворять не только специфически женские модели, но и служить выражением универсальных идей. Стремление к глобализации прослеживается уже в первом романе автора «Съедобная женщина». Главная героиня Мэриен – человек во власти общества потребления. Развиваясь, общество потребления постепенно начнет потреблять самих людей. Так Мэриен заболевает душевной болезнью: она отказывается от любой пищи, потому что в самой себе видит такой же продукт потребления.

Мысли М. Этвуд о будущем общества потребления отражены в ее трилогии «Безумный Аддам», где люди и впрямь начали питаться людьми.

ГЕРОИНИ-ТВОРЦЫ МАРГАРЕТ ЭТВУД

Особого внимания заслуживают героини-творцы М. Этвуд. Не редко персонажами ее книг становятся творческие девушки. И тут вновь нужно обратиться к двойственному взгляду писательницы: женщина способна творить, творческие силы заложены в ней самой природой, но, чтобы выйти с результатами своих трудов в мир, им необходим псевдоним, двойная личность. Так, в романе «Леди Оракул» главная героиня Джоан меняет один образ за другим. Под одним псевдонимом она пишет бульварные романы, под другим – сложные, визионерские поэмы и т. д. Главная героиня романа «Ущерб тела» (1981), журналистка Ренни, которая, пользуясь своим авторитетом в модных изданиях, иногда подшучивает над читателями, рекламируя им выдуманные ею самой модные тенденции. Так псевдоним в творчестве М. Этвуд воплощает невидимую защиту, волшебный покров, который может уберечь девушку от суровой реальности.

> ...Имя героини выступает как своего рода талисман, оберегающий целостность ее личности, связующий ее с прошлой жизнью, индикатор доверия и искренности в общении с близкими людьми в настоящем и возможность восстановления связи с миром в будущем, если она снова обретет свободу, а вместе со свободой и свое имя [Хайруллин, 2020, с. 130].

Но у ложного имени есть и обратная сторона. Иногда их становится слишком много, и они начинают преследовать свою владелицу, как в романе «Леди Оракул» или как в «Рассказе служанки», псевдоним может символизировать страх и неволю.

КАНАДСКАЯ ОСНОВА ПРОТОФЕМИНИЗМА МАРГАРЕТ ЭТВУД

Описание протофеминизма М. Этвуд не было бы полным без упоминания о его канадской природе. Писательница в начале своего творческого пути не столько сталкивалась с недоверием к женскому творчеству, сколько с недоверием к канадской культуре:

> So the focus of my young writing career was not "I can't do this because I'm a woman," but "this is rather daring for me to be doing as a Canadian; will I be able to get away with this? [Hengen, Meier, 1986, c. 5] – Так, в юности камнем преткновения в моей профессиональной деятельности было не «Я не справлюсь, потому что я женщина», а: «Это довольно сложно для меня, как для канадки. Справлюсь ли я?»

Поколение М. Этвуд не изучало отечественных авторов в школах, понятия канадской литературы в те годы не существовало. И каждый канадский автор в начале и середине XX века мечтал о контракте с американским издательством. В пику сложившемуся мнению о легковесности канадской литературы М. Этвуд в 1972 году выпустила книгу «Выживание: тематический путеводитель по Канадской литературе», посвященную непризнанной Канадской словесности.

> The lure of the Canadian past, for the writers of my generation, has been partly the lure of the unmentionable – the mysterious, the buried, the forgotten, the discarded, the taboo [Atwood, 1998, c. 1509]. – Интерес к прошлому Канады был для писателей моего поколения отчасти интересом к невыраженному – загадочному, погребенному, забытому, выброшенному, табуированному.

Во многих художественных книгах писательницы тема борьбы за женские права тесно сплетается с борьбой за канадскую идентичность. Показательным в этом отношении является роман «Она же Грейс» (1996), основанный на реальных событиях, имевших место в середине XIX веке. Главная героиня Грейс Маркс, реально существовавшая личность, оказывается замешана в двойном убийстве. М. Этвуд пытается распутать клубок разрозненных свидетельств давнего преступления. Ее исследования – это попытка не только доискаться до истины, но и разобраться в мировоззрении тех лет. Грейс Маркс, приехавшая вместе с семьей из Ирландии в Канаду, сталкивается в новой стране с прежней бедностью, которая побудила их отправиться в Новый Свет за лучшей долей. Ее тяжелая жизнь – это история становления, в которой отражена и судьба ее новой родины. Медленно и незаметно Грейс Маркс превращается в канадку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует отметить, что какие бы стороны женского вопроса не затрагивала М. Этвуд, главной ее целью оставался поиск путей сближения и взаимопонимания, а не новых поводов для обид. Несмотря на то, что книги М. Этвуд периодически становятся объектом критики за внешний

излишне консервативный подход к теме, ее героини намного современнее и смелее, чем может показаться на первый взгляд. Их главное преимущество – реалистичность и продуманность. Они живут сейчас и сегодня. М. Этвуд не рисует некое идеальное общество всеобщего равенства, которое, возможно, никогда и не наступит (вспомним вторую часть «Рассказа служанки» и «Заветов»), но описывает возможные пути развития, доступные уже в наши дни. Так взгляд писательницы на будущее феминизма глубоко оптимистичен:

> I'm defining my feminism as human equality and freedom of choice [Brans, Atwood, 1983, с. 303]. – Я определяю мой феминизма как равенство между людьми и свободу выбора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Brans J., Atwood M. Using What You're Given: An Interview with Margaret Atwood // Southwest Review. Vol. 68, no. 4. Southern Methodist University, 1983. P. 301–315.
2. Tolan F. I could say that, too: An Interview with Margaret Atwood, Contemporary Women's Writing. November 2017. Volume 11, Issue 3. P. 452–464.
3. Ризванова Д. И., Хрущева О. А. Спекулятивная фантастика как жанр современной литературы // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности / под общ. ред. С. В. Беспаловой: материалы V Международной научной конференции. Донецк, 17–18 ноября 2020 года. Донецк: Донецкий национальный университет, 2020. С. 227–229.
4. Комаровская Т. Е. Авторские стратегии в романе М. Этвуд «Похитительница женихов» // Антропология времени: сборник научных статей. Гродно: Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, 2017а. С. 287–292.
5. Goldblatt P. F. Reconstructing Margaret Atwood's Protagonists // World Literature Today. 1999. Vol. 73, no. 2. P. 275–282.
6. Комаровская Т. Е. Художественное исследование феномена школьной травли в романе Маргарет Этвуд «Кошачий глаз» // Северные грани: международный альманах. Москва: МАКС Пресс, 2017б. С. 54–61.
7. Комаровская Т. Е. Аксиологические и художественные аспекты романа М. Этвуд «Слепой убийца» // Аксиологический диапазон художественной литературы: Сборник научных статей / под научной редакцией В. Ю. Боровко, Е. В. Крикливец. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2020. С. 103–106.
8. Plessix Gray F. du. Nature as the nunnery. The New York Times Book Review. 1977. July 17.
9. Хайруллин Р. З. Роман Маргарет Этвуд «Рассказ служанки» как антиутопия // Россия и Канада: возможности для сотрудничества: сборник научных материалов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. С. 125–133.
10. Hengen S., Meier J. Interview with Margaret Atwood. Iowa Journal of Literary Studies. 1986. Vol. 7. P. 1–12.
11. Atwood M. In search of Alias Grace: On writing Canadian historical fiction. The American Historical Review. 1998. Vol. 103, no. 5. P. 1503–1516.

REFERENCES

1. Brans, J., Atwood, M. (1983). Using what you're given: An interview with Margaret Atwood. Southwest Review, 68(4), 301–315.
2. Tolan, F. (2017). I could say that, too: An Interview with Margaret Atwood. Contemporary Women's Writing, 11(3), 452–464.
3. Rizvanova, D. I. (2020). Spekulyativnaya fantastika kak zhanr sovremennoy literatury = Speculative fiction as a genre of modern literature. Donetsk: Donetsk National University. (In Russ.)
4. Komarovskaya, T. Ye. (2017a). Avtorskiye strategii v romane M. Etvud "Pokhititel'nitsa zhenikhov" = Author's strategies in M. Atwood's novel "The Robber Bride". Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno. (In Russ.)
5. Goldblatt, P. F. (1999). Reconstructing Margaret Atwood's Protagonists. World Literature Today, 73(2), 275–282.
6. Komarovskaya, T. Ye. (2017б). Khudozhestvennoye issledovaniye Khudozhestvennoye yavleniye shkol'noy travli v romane Margaret Etvud "Koshachiy glaz" = An artistic study of the phenomenon of school bullying in the novel "Cat's Eye" by Margaret Atwood. Moscow: MAKS Press. (In Russ.)

7. Komarovskaya, T. Ye. (2020). Aksiologicheskiye i khudozhestvennyye aspekty romana M. Etvud «Slepoy ubiytsa» = Axiological and artistic aspects of the novel by M. Atwood "The Blind Assassin". Vitebsk: Vitebsk State University. (In Russ.)
8. Plessix Gray, F. du. (1977). Nature as the Nunnery. The New York Times Book Review, 29.
9. Khayrullin, R. Z. (2020). Roman Margaret Etvud «Rasskaz sluzhanki» kak antiutopiya = Margaret Atwood's novel "The Handmaid's Tale" as a dystopia. St. Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics. (In Russ.)
10. Hengen, S., Meier, J. (1986). Interview with Margaret Atwood. Iowa Journal of Literary, 7(1), 1–12.
11. Atwood, M. (1998). In search of Alias Grace: On Writing Canadian Historical Fiction. The American Historical Review, 103(5), 1503–1516.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Найденова Роксана Романовна
аспирант Литературного института имени А. М. Горького

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Naydenova Roksana Romanovna
Post-graduate student of the Maxim Gorky Literature Institute

Статья поступила в редакцию 04.07.2022
одобрена после рецензирования 08.08.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 04.07.2022
approved after reviewing 08.08.2022
accepted for publication 14.09.2022

Научная статья
УДК 821.111
DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_149

Готический контекст в творчестве Р. Д. Харриса: рецепция мотивов тайны и пространственной изоляции в сюжетной организации постмодернистского романа («Помпеи», «Очищение»)

Е. Б. Щемелева

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
schemeleva2018@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема рецепции готического наследия западноевропейской литературы XVIII века в творчестве современного британского автора Р. Д. Харриса. В результате анализа были выявлены специфические особенности мотивов тайны и пространственной изоляции, унаследованных автором от классиков жанра, определена их доминантная роль в сюжетной организации текста, вызванная интеллектуальными потребностями эпохи постмодерна, определяющей героя как дезориентированную, преисполненную скептицизма личность.

Ключевые слова: Роберт Харрис, постмодернизм, исторический роман, готическая традиция, рецепция, мотив, тайна, пространственная изоляция

Для цитирования: Щемелева Е. Б. Готический контекст в творчестве Р. Д. Харриса: рецепция мотивов тайны и пространственной изоляции в сюжетной организации постмодернистского романа («Помпеи», «Очищение») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 149–156. DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_149

Original article

The Gothic Context in the Work of R. D. Harris: Reception of the Motives of Mystery and Spatial Isolation in the Plot Organization of the Postmodern Novel (“Pompeii”, “Lustrum”)

Elena B. Schemeleva

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
schemeleva2018@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of reception of the Gothic heritage of the Western European literature of the 18th century in the work of the modern British author R. D. Harris. As a result of the analysis, some specific features of the motives of mystery and spatial isolation inherited by the author from the classics of the genre were revealed, their dominant role in the plot organization of the text was determined, caused by the intellectual needs of the postmodern era, which defines the hero as a disoriented, skeptical personality.

Keywords: Robert Harris, postmodernism, historical novel, Gothic tradition, reception, motive, mystery, spatial isolation

For citation: Schemeleva, E. B. (2022). The Gothic context in the work of R. D. Harris: reception of the motives of mystery and spatial isolation in the plot organization of the postmodern novel (“Pompeii”, “Lustrum”). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. 11(866), 149–156. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_149

ВВЕДЕНИЕ

Современная литература, выстраивая отношения с потенциальным читателем, использует комплекс готических архетипических мотивов, со временем претерпевших множество интерпретаций. В связи с тем, что понятие «мотив» является объектом исследования в данной статье, представляется целесообразным обратиться к толковательному аспекту данного структурно-семантического компонента, выступающего конструктом художественного текста. Впервые понятие «мотив» с последующей трактовкой, определяющей его сюжетообразующую функцию, вытекающую из формулы, «отвечавшей на первых порах общественности на вопросы, которые природа ставила человеку, либо закреплявшей особо яркие, казавшиеся важными или повторявшиеся впечатления действительности», прозвучало в труде А. Н. Веселовского [Веселовский, 1940, с. 494]. Б. Н. Путилов, приписывая мотиву программирующую сюжетное действие функцию, утверждает, что «семантическая нагрузка типового эпического мотива не исчерпывается его непосредственным содержанием», «в типовых ситуациях и эпизодах содержится как бы в скрытом виде определенный знаковый смысл, отнюдь не покрываемый прямым текстовым выражением», и воздействующий «на самый характер повествования» [Путилов, 1975, с. 147]. Б. М. Гаспаров вводит понятие *лейтмотивного* построения изложения художественного материала, указывая, что в роли мотива может выступать любое «смысловое пятно», и «единственное, что определяет мотив», по мнению исследователя, – «это его репродукция в тексте» [Гаспаров, 1993, с. 30]. Литературоведческие интерпретации И. В. Силантьева, характеризующего мотив как «эстетически значимую повествовательную единицу», «интертекстуальную в своем функционировании», представляются прежде всего перспективными в контексте научных исследований, построенных на сравнительно-сопоставительном анализе разножанровых произведений [Силантьев, 2004]. Обзор сюжетных инвариантов готического романа позволяет выявить обширный, устойчивый комплекс мотивов, таких как мотив таинственного и мистического, мотив заключения героя в замкнутое пространство, в который вплетаются мотивы похищения, бегства и преследования, мотив одержимости, страсти, роковой неизбежности и т. д. Цель настоящего исследования состоит в выявлении доминирующих архетипических мотивов, присущих классической готической литературе, в частности, в творчестве Х. Уолпола, А. Радклиф, М. Г. Льюиса, У. Бекфорда, Ч. Р. Метьюрина, У. Коллинза, М. Шелли, и их интерпретации в исторических романах Р. Д. Харриса, относящихся к античному циклу, – «Помпеи» («Pompeii», 2003) и «Очищение» («Lustrum», 2009) с последующим определением функции мотивов в сюжетной организации текста. Поскольку материалом для исследования служат исторические романы Харриса, то неизбежно возникает проблема взаимодействия готической литературы с исторической прозой. Данный вопрос подробно освещен в работах по литературоведению, посвященных в основном конкретным англоязычным авторам, пишущим в жанре исторического романа. На этот факт указывает В. Я. Малкина в своем диссертационном труде «Поэтика исторического романа: проблема инварианта и типология жанра; на материале русской литературы XIX – начала XX века» в параграфе «Готическая традиция в историческом романе», ссылаясь на таких исследователей, как В. Фрай, Р. Хартланд, Е. А. Бэйкер, Ф. де Ла-Барт, В. Л. Кросс, Е. Беркхед, К. Меротра, А. Киллен, А. Уитен, Д. Варма, П. Франкл, Б. Г. Реизов, А. А. Елистратова, обращавшихся прежде всего к творчеству Вальтера Скотта и Виктора Гюго и усматривающих прямое происхождение исторического романа из готического, уделяющих внимание текстуальным совпадениям и заимствованиям из литературы страшного жанра [Малкина, 2001]. Эдит Биркхед, рассуждая о преломлении готических мотивов в исторической прозе, цитирует «оправдательные» рассуждения самого Скотта в ответ на обвинения Роберта Майкла Баллантайна «в подражании миссис Радклиф», признающего подражательный характер своих рассказов, в которых исторический фон романов миссис Радклиф, туманный и мистический, становится в романах Скотта захватывающим и существенным [Birkhead, 1921]. Сам В. Скотт утверждает, что цель автора, черпающего «мистицизим из мира реальных вещей», в данном случае состоит не в том, чтобы возбудить страх от сверхъестественных явлений в своем читателе, а в том, чтобы показать влияние такого страха на историческую личность, раскрывая истинную сущность героя в экстремальной ситуации, вскрывая психологический подтекст романа, в результате чего перед читающим предстают совершенно различные типажи героев: один человек – здравомыслящий и твердый, другой человек – терзаемый угрызениями совести, третий – невежда, никчемный паяц, третий – образованный и достойный, но суеверный богослов [там же].

МОТИВ ТАИНСТВЕННОГО

Жанровый канон готического романа включает в себя как один из ведущих признаков – элемент тайны, содержащей нераскрытые преступления, таинственные происхождения героев, чье-то

странное исчезновение и т. п. В. А. Луков указывал на тот факт, что предромантики используют тайну «для утверждения важной для них философской идеи: мир непознаваем, судьба человека непредсказуема, в нее всегда могут вмешаться некие внешние силы, добрые или злые, рациональные или – чаще – иррациональные» [Луков, 2008, с. 240]. Представители англоязычной готической традиции, стоящие у истоков эксперимента, связывали мотив тайны с загадочным происхождением героев, куда впоследствии вплетались родовые проклятья, инцесты, неминуемое возмездие за грехи семьи и свои собственные (Х. Уолпол «Замок Отранто» («The Castle of Otranto», 1764), М. Г. Льюис «Монах» («The MonK», 1796), А. Радклиф «Удольфские тайны» («The Mysteries of Udolpho», 1794 и др.) Готическим лейтмотивом в детективе Харриса «Помпеи», продолжающего традицию «школы катастроф» английского исторического романа Э. Бульвер-Литтона, является мотив тайны, репрезентированный в соответствии с идейно-художественным замыслом романа: тайное исчезновение бывшего аквария Экзомния, ставшее сюжетной завязкой романа, а позднее и надсмотрщика Коракса и последующие поиски предшественника новоиспеченным служителем акведука, сравнимы, по выражению Аттилия, «с погоней за призраком»[1] (*Харрис, Помпеи*). В романе четко очерченная детективная линия, сопряженная с аналитическими суждениями в процессе поиска человека, предположительно подозреваемого в «грязных» махинациях, снижает читательскую восприимчивость к принятию сверхъестественного.

> Что ж, хотя бы одна вещь прояснилась. Что бы ни случилось с Экзомнием, он не планировал исчезать. Он явно был скуп и никогда бы не стал платить за комнату, в которой не собирался жить (*Харрис, Помпеи*).

Размышляет Аттилий Прим, подозревая, «что за ним могут следить, и время от времени оглядывался». В финальных главах романа, связанных с сюжетной линией Экзомния, исчерпывающего объяснения его таинственному исчезновению, имеющему вполне реальную подоплеку, читатель так и не получает. Сопровождая суждения аквария соответствующими репликами, придающими заключениям оттенок вероятности, автор ставит под сомнение окончательное раскрытие тайны:

> Очевидно, он уже не вернется. По правде говоря, никто ничего не знает (*Харрис, Помпеи*).

Разгадывание обстоятельств исчезновения человека, спрятавшего на дне резервуара четверть миллиона сестерциев, напоминает квест, где «театральность повествования связана с метафоризацией мира как иллюзии, фикции, что соответствует пониманию автора как режиссера-манипулятора» [Тан Ши, 2019, с. 401], в конкретном случае вовлекающего читателя в качестве участника каждый раз совершать вместе с Аттилием восхождение на новый уровень игры:

> Ему представилась та странная цепочка событий и совпадений, что привела его сюда именно в этот момент (*Харрис, Помпеи*).

Финальная сцена романа – момент спасения Аттилия и его возлюбленной, оказавшихся зажатыми между двух огней – пламенем факелов вооруженных людей Амплиата, отца Корелии, и пламенем Везувия (мотив бегства и преследования также является одним из готических лейтмотивов), – демонстрация прохождения последнего уровня «квеста-головоломки», когда игрок должен вывести героя из помещения, пользуясь различными предметами (в готическом романе, как правило, таким «предметом» выступают различные знамения): аквариий, переводя взгляд с одного врага на другого:

> заметил слабое свечение на вершине горы… И в этот отчаянный момент на него снизошло озарение <…> Быть может, это и есть его судьба (*там же*).

Ю. В. Локшина отмечает, что «тайна в неоготическом романе – это всегда элемент игры с читательскими ожиданиями, без которой не существует постмодернистский текст» [Локшина, 2015, с. 133], в котором «читатель невольно воспринимает происходящее через призму сознания рассказчика, попадая в расставленные ему ловушки и следуя за ложными поворотами» [там же, с. 134]. Исследователь приводит историю Элизабет из романа Мердок «Время ангелов» («The Time of the Angels», 1966), чей «образ – невинной девушки, живущей в мире фантазий – в финале оказывается фальшивой уловкой» [там же, с. 133]. В романе Харриса «Очищение» мотив тайны выступает элементом, моделирующим сюжетную линию, связанную с образом Цицерона: метафора жизненного пути, отсылающая к образу оратора, раскрывается посредством категории таинственного, символизирующего неясность, неопределенность предстоящих испытаний для героя, завершающихся непредсказуемой развязкой. Роман начинается с событий, предшествующих инаугурации провозглашенного

[1] Зд. и далее перевод романа «Помпеи». – О. М. Степашкиной.

консулом Римской империи Марка Туллия Цицерона: недалеко от стоянки Республиканского военного флота было выловлено распотрошенное, мертвое тело двенадцатилетнего мальчика с перерезанным горлом, со следами золотой краски на лице и с красной ленточкой, завязанной в волосах, с признаками, указывающими на ритуальное жертвоприношение.

> Однако в этом трупе было нечто столь гротесковое и потому угрожающее спокойствию граждан, что магистрат Октавий, отвечающий за поддержание порядка в городе, послал за Цицероном и попросил того немедленно прибыть на место происшествия[1] (*Харрис, Очищение*).

Метафоризация обезображенного трупа придает событию театральную постановочность, одновременно усиливая провидческий характер таинственного ритуала – предвестника кардинальных перемен в Древнем Риме: от движения Октавия, взявшего голову ребенка в руку и повернувшего его шею:

> ...рана на шее бесстыдно открылась и закрылась, как будто это был второй рот, который пытался нас о чем-то предупредить (*там же*).

«Таинственное» на протяжении всего повествования романа проявляется то в зловещих предзнаменованиях накануне консульства, то сопровождается криками толпы о том, что *этот город проклят* и *консульство проклято*, то сменяющими друг друга знамениями в виде тревожного крика птицы и огненных небесных вспышек. Наряду с этим, в художественную ткань постмодернистского романа контрастным фоном вплетены сцены с профессиональными плакальщиками, представлявшимися *довольно забавной процессией*, провожающей громкими стенаниями в последний путь безвестного мальчика в надежде на хорошие чаевые, в комбинации с оживленными диалогами сильных мира сего, содержащими элементы пародийности и черного юмора. Таким образом, в «Очищении» мотив таинственного, за которым скрывается политический заговор против Цицерона во главе с Цезарем, становится структурным элементом, средством стилизации игры политических элит, маркером социальных настроений в Древнем Риме и, наконец, выступает средством создания психологического портрета героя, а готический компонент, в свою очередь, оставаясь привлекательным для современного читателя, формирует при этом особое восприятие прошлого, предоставляя возможность пересмотреть античное наследие в соответствии с современными реалиями, раскрывая при этом авторский замысел.

МОТИВ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИЗОЛЯЦИИ

Одним из доминантных готических мотивов в творчестве Харриса также является мотив заключения и последующей за ним изоляции героя, локализующийся в неоготической литературе особым образом: субъект, вынужденный по стечению непреодолимых обстоятельств пребывать в замкнутом как реальном, так и метафизическом пространстве, приобретает знаковый для героя постмодернистской литературы статус, связанный с утратой личностной идентичности. «Хронотоп замка», переработанный в новоанглийской готике «в хронотоп нехорошего дома при сохранении изначального мотивного комплекса» [Васильева, 2020, с. 91], сохраняет специфику пространственных топосов, используемых авторами произведений, продолжающими традиции готического романа. В более поздних произведениях, относящихся к готической традиции, заточение и попытка выбраться из замкнутого пространства, ловушки времени, становится для героя романа, сюжетное разрешение которого наполняется иным смыслом, определенной формой преодоления кризисных состояний, приобретения духовно-нравственного опыта (Д. Фаулз «Коллекционер» («The Collector», 1963), Дафна Дюморье «Птицы» («The Birds», 1952), Стивен Кинг «Зеленая миля» («The Green Mile», 1996),«Мизери» («Misery», 1987) и т. п. Сюжетный архетип, основанный на том, что главный герой – заложник обстоятельств, попадает в замкнутое пространство, становится художественным конструктом и для «Помпей». Необходимо отметить, что у Харриса место изоляции не всегда обладает основным свойством «нехорошего дома», в котором герой классического готического романа удерживается насильственным образом: двери дома, комнаты, внешнее покрытие подвала и туннеля представляют собой открытую, не ограничивающую свободу структуру, предоставляющую возможность в любой момент покинуть его. Автор таким образом снижает функциональную значимость, ограничивает сферы влияния готического злодея, в роли которого в «Помпеях» выступают надсмотрщик Коракс, Луций Попидий Секунд, являющийся потенциальным женихом Корелии, и, конечно, Амплиат, рабовладелец с темным прошлым. Подобная открытость пространства символична в постмодернистском романе: автор несколько раз меняет дислокацию

[1] Здесь и далее перевод романа «Очищение». – А. М. Петухова.

Аттилия, «помещая» его то в тесную комнату предшественника, то в заполненный водой туннель, то в дом Попидия, создавая ощущение постоянного движения героя, находящегося «на грани», подчеркивая его деятельное начало, снабжая искания внутренними монологами-размышлениями философского характера. Переживший утрату (при родах погибает его жена) Аттилий, вынужденный покинуть родной город и отправиться в Мизены, – жертва череды обстоятельств: пропажи его предшественника Экзомния, сильной засухи и того, что *половина сенаторов отправилась в свои виллы на берегу Неаполитанского залива*. Описывая пребывание аквария «по официальному делу, связанному с починкой императорского акведука», в доме Попидия, романного антипода Аттилия, автор прибегает к художественно-стилистической атрибутике, воссоздающей классическую модель готического места заключения героя.

> Двустворчатая, обитая гвоздями, подвешенная на бронзовые петли [дверь] <…> за ним тут же захлопнулась <…> уличный шум стих… (*Харрис, Помпеи*).

Дом словно поймал героя в ловушку, захлопнув замок… Такие синтаксические конструкции, как слабая освещенность в калладариуме (*единственным источником света были два факела, укрепленные на стене*), *раскаленные угли жаровни*, от которой исходил пар (автор использует игру в ассоциации, в данном случае подразумевая выражение «жарко, как в преисподней», «адская жара», придавая месту статус мистического), фантомность образа готического злодея Попидия (*призрачная фигура, окруженная клубами пара*) поддерживают в предлагаемом фрагменте готическую атмосферность «нехорошего дома». За его закрытыми дверями шагнувший в узкий коридор (признак сужающегося пространства для героя готического романа) Аттилий становится свидетелем «театрализованного» действа с участием городских чиновников, организованного по случаю Вулканалии:

> …здесь пахло деньгами – давними, привычными, дающими возможность купить покой и уединение даже посреди шумного города (*там же*).

Соблазны архитектурного великолепия в сочетании с духовной ограниченностью присутствующих побуждают героя задуматься о проблемах высшего порядка, определении структуры властвования в Древнем Риме: проходя сквозь таблиниум, мимо погребальных масок клана Попидия, он наблюдает «изображения мертвых», соединенных между собою красными лентами, «показывающими, кто с кем состоит в родстве», отмечая при этом, что «паутина власти тянется через поколения». В завершении фрагмента Харрис приводит экспрессивную речь Корелии, обращенную к акварию и побуждающую душевно сломленного героя к активному диалогу:

> Не позволяй, чтобы он поймал тебя в ловушку, как поймал всех нас! (*там же*)

Примечательно, что героиня романа – это своеобразное переосмысление мифологического образа Ариадны из мифа о Тесее, и прямым указанием на это служит высказывание самого Аттилия, ставшего впоследствии возлюбленным Корелии и сравнившего себя с «Тезеем в лабиринте», спасенным благодаря нити Ариадны. Так, аллюзия на древнегреческую героиню в «Помпеях» способствует созданию определенной установки на соответствующие действия Корелии по отношению к акварию, активизирует в нем скрытые возможности, помогающие, в свою очередь, в принятии верного решения.

Необходимо отметить, что замкнутое готическое пространство для аквария в романе то сужается (признак безвыходности положения), когда он попадает в тесное жилище своего предшественника в Мизенах со *спертым воздухом*, с *запахами несвежего постельного белья*, *кожи*, *испортившейся еды* или в подземный резервуар после внезапно обрушившегося мощного завала, ставший для героя местом заточения, где он *брел*, *словно немощный старик*, чувствуя *себя в двойном плену – под гнетом земли*, *окружающей его со всех сторон*, *и под давлением воды, текущей ему навстречу*, то вновь расширяется (открываются новые возможности для решения проблемы). Иногда топос – место заключения, представляет собой метафизическую модель пространства, замкнутость которого создается автором условно, посредством передачи особенностей психофизического состояния героя. Так, лежа без сна на узкой кровати, пребывая «в панике нахлынувшего кризиса», Аттилий размышлял о том, что у него нет выбора.

Образ Корелии, классической жертвы готического злодея, также является средством реализации мотива заключения, связанного с ограничением свободы и нахождением в реальном замкнутом пространстве – вилле отца, Амплиата, богатого рабовладельца и жестокого тирана, ожидавшего от нее *лишь безоговорочного повиновения*, в доме, где любое нарушение запретов приводит к наказанию – пребыванию в закрытой на ключ комнате. Примечательно, что первым британским автором, при формировании сюжетной линии обратившимся к теме судьбы разлученной со своим

возлюбленным юной девушки, оказавшейся в ловушке готического злодея, стала А. Радклиф. В контексте анализа одного из самых распространенных готических мотивов – мотива заключения и изоляции героя (на примере Корелии), Харрис предлагает читателю свою интерпретацию семантики «нехорошего дома»: уголок на Вилле Гортензия, служит для Корелии как местом заточения и отгороженности от внешнего мира, так и «тайным убежищем», обладающим особым свойством:

> ...стены и колонны подхватывают голоса и направляют их вверх, так что даже шепот, едва слышимый там, внизу, здесь, на балконе, звучал ясно и отчетливо, словно речи, которые произносили ораторы на площади в день выборов (*там же*).

Харрис, выводя в романе поместье Гортензия как самостоятельный персонаж, одушевленное лицо, вносит коррективы в семантику мотива пространственной изоляции: расположенный на морском побережье, на окраине Мизен, под лучами палящего солнца, дом, помимо негативной коннотации, обусловленной характерной функцией места изоляции в готическом романе, наделен способностью «влиять», «сострадать», «предупреждать», выступая модулятором сознания, корректирующим судьбоносные решения (подслушанный таким образом разговор помогает Корелии предотвратить реализацию тайной сделки отца и Попидия, не допустить запланированного брака по расчету):

> В доме воцарилась тишина... Корелия всегда могла точно определить, когда отца не было дома. Казалось, что дом сразу же переводит дух (*там же*).

Создав свое «собственное окошко» во взрослый мир, Корелия могла без труда «заглянуть в мир взрослых», научилась *разгадывать таинственный язык отцовских дел*, *предугадывая* таким образом последствия событий, влияющих на будущее. Характерно, что аллюзивные отношения, связывающие героиню Харриса с Ариадной, выступают в романе средством распознавания таких личностных качеств Корелии, как самоотверженная любовь, помогающих ей в дальнейшем избавиться от отцовского плена (Ариадна в мифе о Тесее ради мужчины, в которого была влюблена, предает Миноса), умение анализировать и контролировать ситуацию, располагая к себе людей. «Девушка потянула его за руку, и Аттилий подчинился. Ей трудно было сопротивляться, этой Корелии Амплиате», – отмечает автор. Характер Корелии, бесспорно, показан в динамике: на протяжении всего повествования героиня чувствует себя заложницей обстоятельств, но не пассивной и инертной, а проявляющей активное участие во всех событиях. Вынужденное заточение предоставляет героине возможность эволюционировать и в конечном итоге обрести свободу. Важно отметить, что для усиления актуализации мотива пространственной изоляции в романе Харрис обращается к разнообразным средствам иносказательной выразительности. Ощущение псевдосвободы, женской хрупкости и марионеточность главной героини подчеркнута автором образом *деревянной куклы с подвижными руками и ногами*, игрушки, позволяющей над собой различного рода манипуляции, символично подаренной Корелии отцом. Неоднократно возникающий в романе образ клетки с щеглами, появившейся у Корелии вскоре после переезда в этот дом, аллегорически выражает мысли автора о духовной и физической несвободе находящейся в заключении героини, метафоризируя ее мечту: внезапный порыв отпустить щеглов из вольера на волю предваряет побег Корелии из отцовского дома и из Помпей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в ходе исследования нами выявлены специфические особенности функционирования мотивов тайны и пространственной изоляции в сюжетной организации текста (на материале романов «Помпеи» и «Очищение»). Доминантность указанных готических мотивов как художественных категорий в исторической прозе вызвана прежде всего интеллектуальными потребностями эпохи постмодерна, определяющей героя как дезориентированную, преисполненную скептицизма личность: романные герои (Аттилий, Корелия, Цицерон) демонстрируют проявление кризисности сознания на всех уровнях существования (душевный надлом, невозможность полноценной самореализации, попытка преодоления замкнутости существования и поиск своего предназначения). Введение автором мотивов заключения, тяготеющего над романным персонажем, и таинственного, являющегося частью основного события, представляется универсальной и единственной возможностью «вывести» героя из кризисного состояния посредством погружения в экстремальную, требующую незамедлительных действий и принятия решений ситуацию. Таким образом, мы отмечаем, что «предложенная» Харрисом репрезентация комплекса готических мотивов, демонстрирует семантико-стилистическую проницаемость границ этих художественных категорий, обусловленную различными факторами, включая особенности формулировки авторской позиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, 1940.
2. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетообразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975. С. 141–155.
3. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. М.: Наука, 1993.
4. Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: Языки славянских культур, 2004.
5. Малкина В. Я. Поэтика исторического романа: Проблема инварианта и типология жанра; на материале русской литературы XIX – начала XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
6. Birkhead E. The tale of terror: a study of the Gothic romance. London: Constable & Company ltd., 1921. P. 153–156. URL: https://archive.org/details/cu31924027195183/page/n173/mode/2up (дата обращения: 1.11.2020).
7. Луков В. А. История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. 5-е изд., стереотип. М.: Академия, 2008.
8. Тан Ши. Театрализация в постмодернистском романе «Квест» Б. Акунина // Вестник РУДН. 2019. Т. 24. № 3. С. 390–403.
9. Локшина Ю. В. Традиции готического романа в творчестве Айрис Мердок и Джона Фаулза: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
10. Васильева Э. В. Особенности хронотопа в новоанглийской готике: «Дом о семи фронтонах» Н. Готорна и «Призрак дома на холме» Ш. Джексон // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 87–92.

REFERENCES

1. Veselovsky, A. N. (1940). Istoricheskaya poetika = Historical poetics. Leningrad: Goslitizdat. (In Russ.)
2. Putilov, B. N. (1975). Motiv kak syuzhetoobrazuyushchiy element = Motive as a plot-forming element. Tipologicheskiye issledovaniya po fol'kloru (pp. 141–155). Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Gasparov, B. M. (1993). Literaturnyye leytmotivy = Literary leitmotives. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Silantyev, I. V. (2004). Poetika motiva = Poetics of motive. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ.)
5. Malkina, V. Ya. (2001). Poetika istoricheskogo romana: Problema invarianta i tipologiya zhanra; na materiale russkoy literatury XIX – nachala XX veka = Poetics of the historical novel: The Problem of Invariant and typology of the genre; based on the material of Russian literature of the 19th – early 20th century: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
6. Birkhead E. (1921). The tale of terror: a study of the Gothic romance. London, Constable & Company ltd. https://archive.org/details/cu31924027195183/page/n173/mode/2up (date of access 2020, November 1).
7. Lukov, V. A. (2008). Istoriya literatury. Zarubezhnaya literatura ot istokov do nashikh dney = History of literature. Foreign literature from its origins to the present day: textbook for students of higher educational institutions. 5th ed., stereotypical. Moscow: Academia. (In Russ.)
8. Tang Shi. (2019). Theatricality in the postmodern novel “Quest” by B. Akunin. Vestnik of Peoples’ Friendship University of Russia, 24(3), 390–403. (In Russ.)
9. Lokshina, Yu. V. (2015). Traditsii goticheskogo romana v tvorchestve Ayris Merdok i Dzhona Faulza = Traditions of the Gothic novel in the works of Iris Murdoch and John Fowles: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
10. Vasilyeva, E. V. (2020). On the peculiarities of chronotope in New England Gothic: The House of Seven Gables by N. Hawthorne and The Haunting of Hill House by S. Jackson. Vestnik of Kostroma State University, 26(1), 87–92. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щемелева Елена Борисовна
стажер кафедры всемирной литературы
Московского педагогического государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Schemeleva Elena Borisovna
Intern at the Department of World Literature,
Moscow Pedagogical State University

Статья поступила в редакцию 13.07.2022
одобрена после рецензирования 15.08.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 13.07.2022
approved after reviewing 15.08.2022
accepted for publication 14.09.2022

Научная статья
УДК 008 + 81.139
DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_157

Содержание понятия «Work-Life-Balance» в немецкой лингвокультуре

А. И. Хлопова
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
chlopova_anna@mail.ru

Аннотация. Целью статьи является установление содержания понятия «Work-Life-Balance» в немецкой лингвокультуре. Исследование строится на сопоставлении определений, данных социологами, и результатов ассоциативного эксперимента, проведенного автором в 2021 г. в форме Google-анкет, а также на сопоставлении ассоциативных полей ценностей *Leben* (*жизнь*) и *Arbeit* (*работа*). Полученные результаты показали, что в сознании носителей немецкого языка нет однозначных интегративных признаков, соответственно, нет и четкого представления об исследуемом понятии. «Work-Life-Balance» как ценность находится в процессе своего формирования.

Ключевые слова: ценность, ассоциативные поля, ассоциативный эксперимент, немецкая лингвокультура, баланс

Для цитирования: Хлопова А. И. Содержание понятия «Work-Life-Balance» в немецкой лингвокультуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 157–164. DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_157

Original article

Content of the Concept of "Work-Life-Balance" in German Linguoculture

Anna. I. Khlopova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
chlopova_anna@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to establish the content of the concept of Work-Life-Balance in German linguistic culture. The study is based on a comparison of definitions given by sociologists and data from an associative experiment conducted by the author in 2021 in the form of google questionnaires, as well as on a comparison of the associative fields of values *Leben* (*life*) and *Arbeit* (*work*). The results obtained showed that in the minds of German speakers there are no clear integrative features, and, accordingly, a clear idea of the concept under study. Work-Life-Balance is in the process of its formation as a value.

Keywords: value, associative fields, associative experiment, German linguistic culture, balance

For citation: Khlopova, A. I. (2022). Content of the concept of "Work-Life-Balance" in German linguoculture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 157–164. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_157

ВВЕДЕНИЕ

Гармоничное распределение между работой и жизнью является одной из животрепещущих проблем, которые интересуют социологов, психологов и других ученых, занимающихся исследованием общества. Рассмотрение этого вопроса становится особенно актуальным в последнее время, когда рынок труда модернизируется, появляются фрилансеры, самозанятые, когда популярным стал формат дистанционной работы. С одной стороны, это дает возможность распределять время в соответствии со своей социальной ролью и социальной активностью. С другой стороны, люди не удовлетворены распределением собственного времени, соотношением затрат времени на работу и оплаты занятости, отсутствием свободного времени в целом. Привычной стала доступность сотрудника 24/7, что может свидетельствовать о его полной вовлеченности в работу, профессиональном совершенствовании и в то же время о размывании границ между работой и личной жизнью, что приводит к недовольству членов семьи, провоцирует конфликты и непосредственным образом приводит, по мнению психологов, к депрессиям, профессиональному выгоранию и другим отрицательным последствиям в социально-профессиональном и личном пространстве. Соотношение потраченного времени на работу и личную жизнь ставит человека перед выбором, подталкивает его к расстановке приоритетов. Поэтому стремление к оптимальному балансу между работой и личной жизнью является одним из ключевых вопросов современного общества.

Рассмотрением баланса между работой и личной жизнью – Work-life-balance – стали заниматься в 70–80-х годах XX века в США. «Work-life-balance» как понятие впервые было использовано для обозначения проблемы совмещения женщиной нескольких ролей. Однако и сегодня соотношение работы и личной жизни интересует отечественных и зарубежных ученых. И. А. Монахова рассматривает проблему дисбаланса среди фрилансеров в возрасте от 24 до 35 лет. Она приходит к выводу, что высокий заработок компенсирует неудовлетворенность от чрезмерной нагрузки работника [Монахова, 2016]. Исследования компании «HeadHunter» также свидетельствуют о дисбалансе между работой и личной жизнью у 50 % опрошенных респондентов. Респонденты в возрасте от 18 до 35 лет отмечают, что работа занимает время, которое можно было бы уделить семье, друзьям и любимому занятию.

Португальский социолог П. Афонсо анализирует баланс личного и рабочего времени среди врачей [Afonso, 2019]. 40 % опрошенных отмечают неудовлетворенность и дисбаланс. Э. Кокемер обращается к рассмотрению Work-Life-Balance с точки зрения влияния ИКТ. Опрошенные им респонденты в возрасте от 20 до 30 лет указывают на стирание границ между рабочим и нерабочим пространством, что приводит к конфликту между работой и личной жизнью [Koekemoer, 2016].

Целью настоящего исследования является установление содержания понятия «Work-Life-Balance» лингвистическими методами. Для достижения цели сопоставляются данные социологов, лексикографические данные и результаты свободного ассоциативного эксперимента.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве материала исследования мы обращаемся к данным толковых словарей немецкого языка, а также к данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями немецкой лингвокультуры в 2021–2022 годах. Свободный ассоциативный эксперимент проводился в электронном формате. От респондентов требовалось дать первую пришедшую в голову реакцию на слова-стимулы, означающие одноименные базовые ценности. Респонденты получали анкету, в которой были представлены 28 слов-стимулов, репрезентирующих одноименные базовые ценности. Среди слов-стимулов также было представлено слово-стимул *Work-Life-Balance*. В эксперименте приняли участие 200 респондентов в возрасте от 17 до 23 лет. Вслед за Ю. Н. Карауловым, мы считаем, что, во-первых, к этому периоду завершается становление «языковой личности» и «в ассоциациях находит отражение сформировавшаяся языковая способность участника эксперимента» [Караулов, 1981, с. 230]. Во-вторых, анализ такой группы испытуемых может служить «основой для характеристики массового сознания в обществе на ближайшие 20–30 лет, т.е. на период, когда нынешние испытуемые будут составлять активное ядро общества» [там же].

ПРОВЕДЕННЫЙ АНАЛИЗ

Понятие «Work-Life-Balance» означает баланс между работой и жизнью вне работы. В немецкой лингвокультуре существует идентичное понятие «Vereinbarkeit von Familie und Beruf», а в американской культуре – «quality time», то есть время, которое следует посвятить партнеру, семье, друзьям. На наш взгляд, Work-Life-Balance представляет собой не конкретную ценность, а

скорее гармоничную связь между двумя базовыми ценностями: работой и жизнью. Следует также отметить, что это понятие не является окончательно сформированным в лингвокультуре, а также недостаточно логичным, так как работа является частью жизни и не должна отграничиваться от нее. Подтверждение этой гипотезы можно найти в сжатом виде в толковом словаре немецкого языка DUDEN[1], в котором понятие «Work-Life-Balance» определяется как «ausgewogenes Verhältnis zwischen beruflichen Anforderungen und privaten Bedürfnissen einer Person» (сбалансированное соотношение между профессиональными требованиями и личными потребностями человека). Стоит обратить внимание на то, что работа связана в данном определении с требованиями, а жизнь, напротив, с потребностями, желаниями. Современные социологи по-разному трактуют понятие «Work-Life-Balance», однако во всех определениях можно выделить сходные черты. С. М. Хитфилд определяет Work-Life-Balance как ежедневную работу, после которой остается время на друзей, семью, общественную, духовную жизнь, личный рост и др. [Heathfield, 2022]. Дж. Кофодимос понимает под Work-Life-Balance результат осознанного структурирования собственной жизни личностью с учетом своих потребностей, ценностей и внешних требований [Kofodimos, 1993]. В. А. Штроо и А. А. Козяк представляют исследуемое понятие как соотношение ценностей *работа* и *жизнь*, удовлетворенность этими сферами и представление об их идеальном соотношении, задаваемое в том числе и социальными нормами [Штроо, Козяк, 2015]. По мнению И. А. Монаховой, Work-Life-Balance – это глобальная оценка того, являются ли имеющиеся ресурсы достаточными для удовлетворения рабочих и семейных обязанностей, т. е. является ли участие человека в обеих сферах эффективным [Монахова, 2016]. Из определения Е. А. Кольцовой следует, что Work-Life-Balance – это возможность найти оптимальное решение, при котором человек будет удовлетворен своей работой и текущей жизнью [Кольцова, 2014]. Важным является также определение П. Блайтона: Work-Life-Balance – это выполнение нескольких ролей при сохранении высокого качества жизни [Blyton, Bacon, 2006]. Таким образом, понятие «Work-Life-Balance» указывает не просто на взаимосвязь между работой и личной жизнью, а на удовлетворение собственных потребностей в обеих сферах, на комфорт, гармонию, сосуществование работы и жизни. При этом под личной жизнью ученые понимают прежде всего семью, собственные интересы, саморазвитие и т. д. Понятие «Work-Life-Balance» объединяет в себе не только ценности *работа* и *жизнь*, но и такие моральные ценности, как гармония, удовлетворение, семья, счастье и т. д. При этом гармоничное сочетание всех ценностей приводит к высокому качеству жизни в целом.

На основе приведенных выше определений можно выделить следующие ядерные признаки исследуемого понятия:

- потребности;
- удовлетворение;
- семья;
- эффективность;
- высокое качество жизни.

Для решения поставленных задач ядерные признаки исследуемого понятия необходимо сопоставить с данными свободного ассоциативного эксперимента. Полученные в результате ассоциативного эксперимента реакции были распределены в соответствии с моделью ассоциативного значения В. А. Пищальниковой, а также были выделены признаки ассоциирования [Пищальникова, 2007].

Понятия (всего 34 реакции):

- ausgeglichen / сбалансированный (13)
- Gleichgewicht / равновесие, баланс (9)
- Gleichgewicht zwischen Arbeit und Privatleben / баланс между работой и личной жизнью (6)
- Ausgeglichenheit / баланс
- ausgewogen / сбалансированный
- Ausgewogenheit / баланс
- Ausgleich / выравнивание
- Hälfte / половина
- muss ausgewogen sein / должно быть сбалансировано
- Waage / весы

Понятийные реакции свидетельствуют о том, что респонденты имеют определенное представление об исследуемом понятии. Однако стоит отметить, что понятийные реакции не соответствуют ядерным признакам, выделенным на основе анализа определений, сформулированных учеными [Heathfield, 2022; Kofodimos, 1993; Штроо, Козяк, 2015; Монахова, 2016; Кольцова, 2014; Blyton, Bacon 2006], а следовательно, не связаны с сутью этого понятия. Респонденты не принимают понятие «Work-Life-Balance», не осознают его как ценность, не указывают на смысл и содержание этого понятия, не воспринимают его как средство на пути к высокому уровню жизни, удовлетворению, счастливой семье, что было отмечено в дефинициях. Респонденты скорее определяют само понятие

[1] DUDEN. Universalwörterbuch. 2022, April 19. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung

«баланса», нежели баланса между работой и личной жизнью. Понятийные реакции как таковые не связаны с определением, а значит, в сознании респондентов нет четких интегративных признаков исследуемого понятия.

Представления

- сложность, невозможность достижения баланса (36 реакций):

  schwer / тяжело (13)
  schwierig / сложно (9)
  unrealistisch / нереалистично (7)
  Augenauswischerei / очковтирательство
  Deutsche haben keine / у немцев нет
  habe ich nicht / у меня нет
  Herausforderung / испытание
  nicht leicht zu finden / нелегко найти
  ungleich / неравный
  unmöglich / невозможно

- важность Work-Life-Balance (29 реакций):

  wichtig / важно (15)
  super wichtig / супер важно (5)
  Notwendigkeit / необходимость (4)
  immer wichtiger / всё важнее (3)
  absolut wichtig / абсолютно важно
  unbedingt / обязательно

- баланс как путь к здоровому состоянию (21 реакция):

  Gesundheit / здоровье (9)
  gesund / здоровый (4)
  Psyche / психика
  Schlaf / сон
  schlafen / спать
  Selfcare / забота о себе
  Smoothie / смузи
  Sport / спорт
  stressfrei / без стресса
  Yoga / йога

- отрицание содержания ценности / искусственный характер ценности (18 реакций):

  falsch / неверно (9)
  Anglizismen / англицизмы
  falscher Ansatz / неправильный подход
  Forschungsfrage / вопрос для исследования
  Instagram / инстаграм
  Lüge / ложь
  Modewort / модное слово
  Was / что
  Wissenschaft / наука

- дисбаланс (17 реакций):

  Burn out / выгорание (14)
  Leben vorab / жизнь авансом
  Stress / стресс
  verkehrt herum / вверх ногами

- баланс как средство достижения иных ценностей (15 реакций):

  Arbeit / работа (8)
  Erfolg / успех (4)
  Harmonie / гармония
  Leben / жизнь
  Zufriedenheit / удовлетворение

- баланс как желаемое (11 реакций):

  erstrebenswert / желаемый (7)
  wäre schön, wenn es alle haben / было бы хорошо, если бы у всех был
  Wunsch / желание
  wünschenswert / желательно
  Ziel / цель

- отдых как достижение баланса (7 реакций):

  3 Tage Wochenende / три дня выходных
  Ausruhen / отдых
  Auszeit / тайм-аут
  Entspannung / расслабление
  Freizeit / свободное время
  Pausen / перемены, паузы
  Urlaub / отпуск

- баланс как индивидуальное, как личный выбор (3 реакции):

  Ansichtssache / спорный вопрос, вопрос личного восприятия
  Berufsauswahl / выбор профессии
  Eigenverantwortung / личная ответственность

- чувства, возникающие при достижении баланса (2 реакции):

  frei / свободный
  stabil / стабильный;

- возможность достижения баланса (1 реакция):

  machbar / осуществимо

- культурные реакции (4 реакции):

  Ikea / ИКЕА
  Kapitalismus / капитализм
  Oslo / Осло
  Sweden / Швеция

Наибольшее количество реакций (18 % от общего количества) объединены интегративным признаком «сложность, невозможность достижения баланса». Респонденты признают, что достижение баланса между двумя важными сферами: работой и остальными сферами жизни практически невозможно. Соответственно, одна из социальных ролей индивида ущемляется за счет другой. В результате происходит дисбаланс, о котором свидетельствуют 7,5 % от общего количества реакций. Дисбаланс проявляется в неудовлетворенности на работе и/или в личной жизни. Такая неудовлетворенность может приводить, с одной стороны, к быстрому профессиональному выгоранию, потере интереса к работе в целом. Кроме того, дисбаланс может повлечь за собой психическое и физическое переутомление и проблемы со здоровьем. С другой стороны, дисбаланс может приводить к стрессу, отсутствию понимания со стороны близких людей, подмене работой личных интересов, сокращению времени, проведенному с семьей. Отметим, что ядерному признаку «сложность, невозможность достижения баланса» противопоставлен признак «возможность достижения баланса», который представлен единичной реакцией. Такой перекос свидетельствует о том, что в сознании опрошенных респондентов достижение баланса рассматривается как маловероятное и недостижимое.

О противоречивом характере понятия «Work-Life-Balance» свидетельствуют двоякие реакции респондентов. Они представляют баланс как нечто желаемое и поощряемое в обществе, но в то же время не полностью признанное индивидуумами. 5,5 % реакций свидетельствуют о Work-Life-Balance как об определенной цели, достижение которой приведет к удовлетворению респондентов, гармоничному состоянию. Однако Work-Life-Balance не представляет собой и не может представлять ценность, это может быть определенной жизненной стратегией, средством достижения других ценностей. 7,5 % указывают на частичное пересечение ассоциативного поля Work-Life-Balance с ассоциативными полями таких ценностей, как *Arbeit / работа*, *Erfolg / успех*, *Harmonie / гармония*, *Leben / жизнь*, *Zufriedenheit / удовлетворение*. Следует отметить, что согласно ранжированию, такие ценности, хотя и являются базовыми, однако, за исключением ценности *Leben / жизнь*, не занимают первые позиции. Ассоциативные поля ценностей, занимающих первые позиции, и ассоциативного поля Work-Life-Balance не пересекаются. Попутно отметим, что в проведенном с теми же респондентами обратном ассоциативном эксперименте ценность *Work-Life-Balance* не проявилась, что может указывать как на отсутствие значимости этого концепта для респондентов, так и подтвердить идею о несформированности Work-Life-Balance как ценности в сознании опрошенных респондентов. Work-Life-Balance является средством на пути достижения человеком удовлетворенности своей жизнью благодаря идеальному соотношению разных сфер.

Постоянное включение в работу и отсутствие здорового отдыха приводит к психическим проблемам, стрессу, отсутствию сна. 10 % от общего количества реакций указывают на то, что Work-Life-Balance является средством на пути к здоровой в эмоциональном плане жизни.

13,5 % от общего количества реакций свидетельствуют об искусственном характере этой ценности, о навязывании ее обществу. Респонденты воспринимают Work-Life-Balance как нечто ложное, неестественное, называют исследуемое понятие модным словом, англицизмом, которое не принимается обществом и воспринимается только на уровне варваризма. Базовые ценности являются жизненными установками для общества, воспринимаются членами этноса в качестве характерных и важных и являются специфической базой существования индивида и этноса. Реакции респондентов показывают обратное: понятие «Work-Life-Balance» не сложилось в немецком обществе, а потому не может быть воспринято как ценность. О несформированности такой ценности свидетельствуют также реакции, относящиеся к признаку «баланс как индивидуальное, как личный выбор». Work-Life-Balance не воспринимается как коллективное, это понятие не встроено в типичную речевую деятельность носителей лингвокультуры. О несформированности и навязывании ценности *Work-Life-Balance* говорит также тот факт, что ядерные признаки, установленные на основе анализа определений, не проявляются в ассоциативном эксперименте. Work-Life-Balance не является сформированным понятием в сознании респондентов, а своеобразным симулякром.

Известный французский мыслитель Ж. Бодрийяр говорил о том, что в современном обществе происходит унификация личности, информатизация и «театрализация» общественной жизни, из которой исчезает сама жизнь, а реальность подменяется симулятивной реальностью [Бодрийяр, 2015]. Ж. Бодрийяр определяет социальную

реальность как симулятивную, современное общество как общество симуляции и спектакля, что связано с тем, что в нем отсутствует соотнесенность с действительностью – общество удовлетворяется искусственными системами знаков, заменой реальности знаниями о реальном. На наш взгляд Work-Life-Balance также выступает в качестве симулякра, желаемой ценности, которая на самом деле таковой не является. Несмотря на отторжение понятия обществом, ему навязывается ценностное содержание, которое имеет манипулятивный характер.

Культурные реакции, полученные в ходе эксперимента, связаны со скандинавскими странами. Жители Норвегии, Дании, Исландии, Швеции и Финляндии считаются самыми счастливыми в мире ввиду того, что умеют проживать жизнь на полную мощность, соблюдая баланс между работой и отдыхом. Представители скандинавских стран отличаются низким уровнем стресса, возможностью уделять большое количество времени любимым занятиям. Такого баланса позволяют добиться определенные жизненные принципы скандинавов: умеренность во всем (лагом), наслаждение, чувство, связанное с расслабленностью, счастьем, удовлетворением и гармонией с самим собой (хюгге), поиск собственного жизненного пути (люкке), постоянство и целеустремленность (сису). Скандинавы считают, что такие жизненные принципы помогают поддерживать гармоничное эмоциональное состояние, улучшить качество жизни, позволяют сделать жизнь приятнее и проще и прожить ее осмысленнее. Они полагают, что нельзя быть лучшим в работе, если у человека нет ничего кроме работы.

Отметим, что большинство реакций единичные, что свидетельствует о незначительной включенности понятия в культуру немецкого общества. В сознании носителей немецкого языка нет четких интегративных признаков, и, соответственно, четкого представления об исследуемой ценности. Ценность *Work-Life-Balance* находится в процессе ее формирования, так как стереотипное представление о ней отсутствует. Восприятие сходных реалий, поведения, смыслов в типичных ситуациях постепенно становится не только стереотипным, но и операциональным – неосознаваемым. И чем более стереотипно содержание мышления, тем более частотно оно репрезентируется сходными лексемами. А ввиду того, что базовые ценности – это, по сути, стереотипы, в основе формирования которых лежит эмоциональный компонент, то признание Work-Life-Balance в качестве ценности ставится под сомнение. Следует также отметить, что ценности всегда формируют положительную основу для их восприятия, а потому должны иметь положительную коннотацию. В нашем эксперименте респонденты дали в двух случаях негативные реакции.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Ввиду того, что понятие «Work-Life-Balance» сочетает в себе две важные ценности – работу и жизнь, мы полагаем, что ассоциативные поля ценностей будут пересекаться. Сопоставляя признаки ассоциирования, можно выделить совпадающие. Такие признаки должны соответствовать признакам ассоциирования, выделенным на основе анализа понятия «Work-Life-Balance».

В предыдущих исследованиях нами были выделены интегративные признаки в ассоциативных полях *Leben* (*жизнь*) и *Arbeit* (*работа*). Приведем их для сравнения в таблице (с. 163). Сопоставив признаки ассоциирования, отметим совпадающие:

- реализация иных ценностей;
- развитие, самореализация;
- увлечения;
- качество жизни, образ жизни.

Несмотря на то, что работа является частью жизни, и, согласно нашим исследованиям, становится скорее средством для достижения и реализации определенных целей, ассоциативные поля ценностей *Leben* (*жизнь*) и *Arbeit* (*работа*) пересекаются. Баланс между жизнью и работой способствует собственному развитию и реализации, появлению в жизни иных увлечений нежели работа, что в целом должно привести к улучшению качества жизни. Признак «высокое качество жизни» был отмечен на основе анализа определений исследуемого понятия, данных учеными. Однако признаки, по которым пересекаются ценности *Leben* (*жизнь*) и *Arbeit* (*работа*), не реализуются в ассоциативном поле Work-Life-Balance. Респонденты не признают *Work-Life-Balance* как ценность, не видят ее в одном ранге с общечеловеческими ценностями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует отметить, что несмотря на важность понятия «Work-Life-Balance» в жизни респондентов, оно не осознается ими в качестве ценности и находится скорее в стадии становления. Work-Life-Balance воспринимается респондентами как нечто новое и навязанное в противовес ценностям *Leben* (*жизнь*) и *Arbeit* (*работа*), которые, напротив, являются ценностями базовыми, что также подтверждается пересечением ассоциативных полей базовых ценностей.

Таблица

СОПОСТАВЛЕНИЕ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ «LEBEN» («ЖИЗНЬ»), «ARBEIT» («РАБОТА»), «WORK-LIFE-BALANCE» (БАЛАНС МЕЖДУ РАБОТОЙ И ЖИЗНЬЮ»)

Leben (жизнь)	Arbeit (работа)	Work-Life-Balance
– **реализация иных ценностей*** – борьба за жизнь – многообразие жизни – продолжительность жизни – Вселенная – уникальность жизни – новая жизнь, этапы жизни – символы жизни – **развитие, самореализация** – ощущение жизни – смысл жизни – абстрактность, нереальное существование – любовь к жизни – **увлечения** – **качество жизни, образ жизни**	– поиск работы – **реализация иных ценностей** – перенос на какой-либо вид деятельности – временная форма работы – результат работы – характер рабочей деятельности – **развитие, самореализация** – перенос на конкретный вид деятельности – **увлечения** – **качество жизни, образ жизни** – организация рабочего процесса	– сложность, невозможность достижения баланса – важность Work-Life-Balance – баланс как путь к здоровому состоянию – отрицание содержания ценности / искусственный характер ценности – дисбаланс – **баланс как средство достижения иных ценностей** – баланс как желаемое – отдых как достижение баланса – баланс как индивидуальное, как личный выбор – чувства, возникающие при достижении баланса – возможность достижения баланса

*Жирным шрифтом выделим совпадающие признаки.

В сознании респондентов, носителей немецкого языка, нет четких интегративных признаков, и, соответственно, четкого представления об исследуемой ценности. Респонденты осознают важность этого понятия, которое должно быть направлено на гармоничное сосуществование двух разных сфер: в дополнение к карьере необходимо уделять время семье, друзьям, увлечениям, своей реализации, духовному росту. Однако для современных респондентов такое равномерное существование двух ценностей представляется невозможным, а сама ценность *Work-Life-Balance* размытой. Ценности *Leben* (*жизнь*) и *Arbeit* (*работа*) существуют равноправно, но не создают третью ценность. Однако тенденции мирового рынка направлены на формирование Work-Life-Balance в качестве ценности и на навязывание ее обществу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Монахова И. А. Факторы удовлетворенности балансом между работой и семейной жизнью: на примере фрилансеров // Экономическая социология, 2016. С. 30–61.
2. Afonso P. Conciliação Trabalho-Família na Profissão Médica: Um Estudo Exploratório. Work-family balance within the medical profession: an exploratory study. Acta Med Port, 2019. P. 697–706.
3. Koekemoer E. The increased use of information and communication technology (ICT) among employees: implications for Work-life interaction // School of Human Resource Sciences. North-West University. Department of Human Resource Management. University of Pretoria, 2016. P. 264–281.
4. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981.
5. Heathfield S. M. How to write a Cover Letter for a Job. 2022, April 19. URL: https://www.thebalancecareers.com/get-your-cover-letter-noticed-2060153
6. Kofodimos J. R. Balancing act: How managers can integrate successful careers and fulfilling personal lives. San Francisco: Jossey-Bass, 1993.
7. Штроо В. А., Козяк А. А. Личностный смысл баланса между работой и личной жизнью // Мир психологии. 2015. № 3 (83). С. 253–267.
8. Кольцова Е. А. Представления работников российских организаций о балансе между работой и личной жизнью // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. С. 160–168.

9. Blyton P., Bacon N. The effects of co-operating or conflicting over work restructuring: evidence from employees // The Sociological Review. 2006. Vol. 54, № 1. P. 1–19.
10. Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики: курс лекций: в 3 ч. М.: МГЛУ, 2007. Ч. 2. Этнопсихолигвистика.
11. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: ПОСТУМ, 2015.

REFERENCES

1. Monakhova, I. A. (2016). Faktory udovletvoryonnosti balansom mezhdu rabotoj i semejnoj zhizn'yu: na primere frilanserov = Factors of satisfaction with the balance between work and family life: the example of freelancers. In Economic sociology (pp. 30–61). (In Russ.)
2. Afonso, P. (2019). Conciliação Trabalho-Família na Profissão Médica: Um Estudo Exploratório. Work-family balance within the medical profession: an exploratory study (pp. 697–706). Acta Med Port.
3. Koekemoer, E. (2016). The increased use of information and communication technology (ICT) among employees: implications for Work-life interaction. In School of Human Resource Sciences (pp. 264–281). North-West University. Department of Human Resource Management. University of Pretoria.
4. Karaulov, Yu. N. (1981). Lingvisticheskoe konstruirovanie i tezaurus literaturnogo yazyka = Linguistic construction and textbook literature. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Heathfield, S. M. (2022, April 19). How to write a Cover Letter for a Job. https://www.thebalancecareers.com/get-your-cover-letter-noticed-2060153
6. Kofodimos, J. R. (1993). Balancing act: How managers can integrate successful careers and fulfilling personal lives. San Francisco: Jossey-Bass.
7. Shtroo, V. A., Kozyak, A. A. (2015). Lichnostnyj smysl balansa mezhdu rabotoj i lichnoj zhizn'yu = Personal sense of balance between work and pivate life. Mir psihologii, 3(83), 253–267. (In Russ.)
8. Koltsova, E. A. (2014). Predstavleniya rabotnikov rossijskih organizacij o balanse mezhdu rabotoj i lichnoj zhizn'yu = Representations of workers of Russian organizations on the balance between work and private life. In Psychology. Journal of the Higher School of Economics (pp. 160–168). (In Russ.)
9. Blyton, P., Bacon, N. (2006). The effects of co-operating or conflicting over work restructuring: evidence from employees. The Sociological Review, 54(1), 1–19.
10. Pishchal'nikova, V. A. (2007). Istoriya i teoriya psiholingvistiki: kurs lekcij = History and theory of psycholinguistics: a course of lectures (part 2. Etnopsiholigvistika): in 3 parts. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)
11. Bodrijyar, Zh. (2015). Simulyakry i simulyacii = Simulacra and simulations. Moscow: POSTUM. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хлопова Анна Игоревна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khlopova Anna Igorevna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics,
Faculty of the German language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 13.07.2022
одобрена после рецензирования 15.08.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 13.07.2022
approved after reviewing 15.08.2022
accepted for publication 14.09.2022

Научная статья
УДК 008
DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_165

Культурный аспект брендинга территорий в китайских соцсетях

А. В. Челнокова-Щейка
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
annie.che.89@mail.ru

Аннотация. Территориальный брендинг в китайских соцсетях за последнее десятилетие превратился в неотъемлемую часть общей национальной стратегии развития регионов Китая, для многих из которых культурная и туристическая составляющая стала одним из ключевых элементов построения соответствующего имиджа. Китайский опыт использования различных локальных особенностей территорий для позиционирования и визуализации геобрендов, применение современных медиаинструментов для их продвижения в виртуальном пространстве представляют особенный интерес в контексте мировой цифровизации. В данной статье на основе анализа китайских соцсетей будет рассмотрен культурный брендинг китайских территорий.

Ключевые слова: культурный брендинг, территориальный брендинг, культура, соцсети, геобрендинг

Для цитирования: Челнокова-Щейка А. В. Культурный аспект брендинга территорий в китайских соцсетях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 165–172. DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_165

Original article

Cultural Aspect of Territory Branding in Chinese Social Media

A. V. Chelnokova-Siejka
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
annie.che.89@mail.ru

Abstract. Territory branding in Chinese social media over the past ten years has become an integral part of the overall national strategy for the development of Chinese regions, for many of which the cultural and tourism component has become one of the key elements in building an appropriate image. The Chinese experience of using various local features of territories for positioning and visualization of geobrands, the use of contemporary media tools for their promotion in the virtual space are of particular interest in the context of global digitalization. In this article, based on the analysis of Chinese social media, we will research cultural branding of the Chinese territories.

Keywords: cultural branding, territory branding, culture, social media, geobranding

For citation: Chelnokova-Siejka, A. V. (2022). Cultural aspect of territory branding in Chinese social media. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 165–172. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_165

ВВЕДЕНИЕ

Национальный образ, имидж страны и региона, государственная и региональная символика, а также сам процесс позиционирования различных территорий существуют в истории давно, однако понятие территориального брендинга, или геобрендинга, и изучение инструментов его эффективного и систематизированного осуществления как в национальном, так и в международном масштабе пришло к нам недавно и уже успело стать одной из ключевых повесток регионального развития. В западных странах одними из первых, кто обозначил необходимость стратегического маркетинга территорий в качестве движущей силы социально-экономического развития регионов, были Ф. Котлер, Д. Хайдер и Рейн [Kotler, Haider, Rein,1993], разработка теоретической и практической основы для формирования бренда территории принадлежит С. Анхольту [Anholt , 1998; Anholt, 2010]. Среди российских специалистов, занимающихся теорией и практикой геобрендинга с учетом специфики российских регионов представлены в работах Д. В. Визгалова [Визгалов, 2011], И. В. Логунцовой, А. В. Зайцевой [Логунцова, Зайцева, 2019], А. В. Стася [Стась, 2009] и др. Культурный аспект брендинга в Китае и в отечественных, и в западных работах рассматривается в первую очередь в контексте осуществления «мягкой силы» и процессов межкультурного взаимодействия, исследования лишь частично затрагивают некоторые теоретические аспекты и практически не касаются особенностей формирования внутренних геобрендов. В работах китайских специалистов тема брендинга китайских территорий как направления теоретических исследований существует относительно недавно и представлена прежде всего в области медиа и коммуникаций, маркетинга и экономики. Например, Вэнь Чуньин, профессор Китайского университета коммуникаций, одна из первых в Китае начала заниматься изучением различных аспектов геобрендинга [Вэнь Чуньин, 2014].

Геобрендинг представляет собой процесс стратегически подготовленной и целенаправленной трансляции информации о какой-либо территории или регионе, в результате систематически формируя имидж, основываясь на географическом положении, культурной идентичности и локальных особенностях. В брендинге территорий выделяют национальный брендинг, региональный брендинг, брендинг города, а также других более мелких территориальных единиц и конкретных туристических регионов. С. Анхольт выделил шесть основных элементов, влияющих на формирование имиджа государства:

- развитие в стране индустрии туризма и тот уникальный опыт, который люди получают в процессе посещения;
- экспортная продукция, произведенная в данной стране;
- политический курс страны и решения ее руководства;
- сигналы, получаемые представителями международных кругов и способы привлечения зарубежных инвестиций;
- культурная деятельность, в том числе мероприятия, турне и продвижение этих мероприятий;
- народ, проживающий в данной стране, прежде всего выдающиеся личности, как-то политические лидеры, спортивные звезды, талантливые певцы и актеры и т. д. [Анхольт, Хильдрет, 2010].

Эти же аспекты и в основе формирования имиджей регионов и более мелких территориальных единиц. С точки зрения геобрендинга можно особо отметить важность туризма, культуры и уникальной экспортной продукции – именно интеграция этих трех аспектов получила значительное развитие в последние годы и стала движущей силой развития многих регионов в Китае.

Культурный аспект присутствует практически на всех уровнях геобрендинга и играет ключевую роль в формировании идентичности каждой конкретной территории. Например, Д. В. Визгалов, определяя факторы формирования городской идентичности выделяет стабильные (местоположение, климат и история города), изменчивые (площадь и численность жителей города, его внешний облик, благосостояние его жителей, культурные традиции) и символические (городская символика, городской климат, культурные коды поведения жителей, знаковые события, знаковые личности, мода на отдельные товары и услуги, характер коммуникаций внутри общества) факторы, в каждом из которых присутствует культурная составляющая [Визгалов, 2011].

В Китае процесс внутреннего территориального брендинга сопутствовал активному развитию соцсетей, поэтому исследование культурного аспекта китайского территориального брендинга будет строиться прежде всего на анализе пространства китайских соцсетей и процессов использования культурных особенностей для позиционирования и продвижения в них имиджа территорий. В России эти процессы и механизмы еще слабо изучены, поэтому рассмотрение китайского опыта является крайне важным как в качестве примера осуществления брендинга территорий, так и для дальнейшей успешной культурной и

туристической репрезентации России в зарубежном виртуальном пространстве.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ ГЕОБРЕНДОВ В КИТАЙСКИХ СОЦСЕТЯХ

В настоящий момент китайский Интернет насчитывает более миллиарда пользователей[1]. Западные соцсети, такие как Instagram, Facebook, Youtube и Twitter, заблокированы на территории континентального Китая из-за несоответствия требованиям цензуры, в связи с этим начиная с 2009 года в Китае начали активно развиваться собственные соцсети, и в настоящий момент количество активных пользователей китайских соцсетей превысило 1 млрд[2].

Усиление роли новых медиа (新媒体) как инструментов продвижения брендов, привело к переходу бизнеса и правительства в эту сферу. В отличие от традиционных медиа, которые не позволяют аудитории получить обратную связь, соцсети дают возможность пользователям быть активными участниками процесса, выражать свое мнение и делиться своей точкой зрения. Китайские региональные правительства начали использовать соцсети для продвижения геобрендов еще в 2010-х годах. Образ города или какого-либо региона – это прежде всего имидж локального правительства, поэтому соцсети для них являются инструментом для публикации официальной информации, источником мониторинга общественного мнения, мостом, соединяющим конечного потребителя городских услуг с поставщиком этих услуг, а также формой публичной демонстрации достижений в развитии региона. Для геобрендинга в первую очередь используются платформы 微信 (WeChat[3]) и 微博 (Weibo), а также 抖音 (Douyin, версия Tiktok для китайского рынка) и小红书 (RED)

По данным на 2019 года 297 местных правительств уже открыли аккаунты на платформах Wechat и Weibo[4] . В Китае развитие городов уже перешло из фазы быстрого строительства в высококачественное развитие через инновации и креативную экономику, и в настоящий момент развитие городов невозможно без формирования целостного бренда, включающего прежде всего уникальную культурную составляющую. Необходимо отметить, что продвижение культуры и туризма в Китае не стоит обособленно, а интегрировано в общее развитие под эгидой Министерства по культуре и туризму. В «Плане четырнадцатой пятилетки по развитию культуры и туризма» среди задач стоит «содействие координированному развитию культурной индустрии регионов, городов и деревень»[5] и «расширение и руководство культурного и туристического потребления»[6], которые направлены на комплексное развитие региональной культуры и туризма. Эта особенность отражается и на продвигаемом контенте, в котором часто нет яркого разделения на два сектора. Фактически, контент на региональных аккаунтах можно условно подразделить на несколько составляющих: кухня, транспорт, проживание, само путешествие и достопримечательности, покупки и развлечения, новости о регионе. В некоторых случаях, наряду с культурой и туризмом на том же самом аккаунте происходит и продвижение уникальной локальной продукции.

Одним из первых региональных правительств, открывших свои официальные аккаунты в соцсетях, стал г. Чэнду в провинции Сычуань. Геобренд получил название 微成都 (WeChengdu, «Вэй Чэнду»), став успешным примером налаживания связи между местной администрацией и народом. В качестве его визуализации[7] была выбрана панда (рис. 1), так как Чэнду знаменит на весь Китай

Рис. 1

[1] 我国网民规模达10.32亿.= Количество интернет-пользователей в нашей стране достигло 1,032 млд. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-0 2/25/content_5675643.htm

[2] 2022年第一季度全球社交媒体数据 = Данные по соцсетям за первый квартал 2022 URL: https://zhuanlan.zhihu.com/p/526580520

[3] Далее по тексту будут использоваться английские названия приложений.

[4] CNNIC发布第44次《中国互联网络发展状况统计报告》= Администрация по киберпространству Китая публикует 44-й статистический отчет о развитии Интернета в Китае. URL: http://www.cac.gov.cn/2019-08/30/c_1124939590.htm?ivk_sa=1023197a

[5] "十四五"文化和旅游发展规划 = Планы по развитию культуры и туризма в 14-ю пятилетку. URL: http://www.ctnews.com.cn/paper/content/202106/03/ con tent_57065.html

[6] Там же.

[7] Зд. и далее рисунки взяты с соответствующих официальных Wechat-аккаунтов.

Рис. 2

своим уникальным заповедником для этих животных. Позднее у города появились отдельные официальные аккаунты для продвижения культурного туризма (Wechat- и Weibo-аккаунты под названием 文旅成都), на изображениях которых также присутствует панда.

Одним из успешных кейсов построения геобренда на основании культурно-исторического наследия является портовый город Цюаньчжоу, который известен как торговый центр Морского шелкового пути. В иностранной литературе он фигурирует под названием Зайтон, получивший его среди арабских и европейских стран в период активной торговли. Китайское правительство продвигает этот геобренд в соцсетях под названием 海丝泉州 («Морской шелковый путь г. Цюаньчжоу»). В комментариях к официальному Wechat-аккаунту, посвященному туризму, 海丝泉州文旅之声 (*букв.* 'Голос культурного туризма Цюаньчжоу Морского шелкового пути') подписано, что «Цюаньчжоу – центр мировой морской торговли в Китае при Династии Сун и Юань». «Древний город мира! Живой Древний Город приветствует Вас!» На логотипе города изображено две пагоды, расположенные в Храме Кайюань (рис. 2). Первая из них называется Чжэньго (镇国), вторая Жэньшоу (仁寿), «жэньшоу» на китайском языке обозначает «обретать долголетие благодаря человеколюбию», что связано с одной из главнейших ценностей китайской культуры. Эти пагоды еще называют восточной и западной, по месту расположения в храме. Они были выбраны в качестве символа города, так как являются знаковыми каменными архитектурными сооружениями периода Династии Сун (960–1279), которые сохранились до настоящего времени.

Ключевым концептом геобрендинга города Цюаньчжоу является позиционирование во взаимосвязи с культурой Морского шелкового пути, именно на этом основании он был включен в списки Всемирного наследия и Нематериального культурного наследия[1]. Весь продвигаемый контент можно разделить на несколько направлений: морская навигация и торговля, история самого города, многогранность культуры в контексте мирного сосуществования нескольких религий. Эти аспекты направлены прежде всего на укрепление в сознании людей исторического облика «Морского восточного порта № 1», как его еще называли в древности. На аккаунтах большая часть контента рассказывает о развитиии г. Цюаньчжоу в период династии Сун: театр «Грушевый сад» (梨园戏), возникший позднее под влиянием прежних эпох, уникальные виды народного искусства, такие как вырезание из бумаги, вышивание и др. Все они раскрывают патенциальные возможности развития туристической отрасли в регионе. Огромную роль играет форма подачи контента. Например, ярким примером может служит недавно запущенная серия об истории города в форме анимированных картинок и схем, которые способствуют восприятию информации (рис. 3).

Другой успешный кейс построения территориального бренда в соцсетях – пример провинции Шаньдун. Это приморский регион, где расположена гора Тайшань, колыбель китайской цивилизации – река Хуанхэ, Великий канал, а также удивительные ущелья, т. е. он весьма разнообразен с точки зрения природы. Провинция Шаньдун также имеет богатую историю и культуру, что в первую очередь связано с конфуцианской традицией, это место в народе получило название "孔孟之乡，礼仪之邦" («Родина Конфуция и Мэнцзы, край вежливости и этикета»). Провинция также известна своей особой шаньдунской кухней, которая входит в одну из восьми великих кухонь Китая. Самые известные блюда шаньдунской кухни: цыпленок по-дэчжоуски, чжоуцуньские

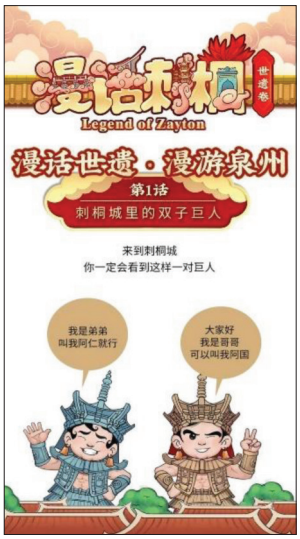

Рис. 3

[1] Цюаньчжоу – основной порт на восточном Морском шелковом пути. URL: https://ru.unesco.org/silkroad/content/cyuanchzhou-osnovnoy-port-na-vostochnom-morskom-shelkovom-puti

Рис. 4

лепешки, мясо по-цзинаньски. В регионе много туристических дестинаций, и основная задача геобрендинга провинции состояла в объединении всех уездов и городов под единым концептом. В результате появился туристический бренд 好客山东 («Гостеприимный Шаньдун», рис. 4).

Гостеприимство как основная черта шаньдунцев имеет прямую отсылку к конфуцианской культуре и крайне популярной и часто цитируемой фразе из «Бесед и суждений», главного произведения этого морально-этического течения: «Встретить друга, прибывшего из далекой стороны, разве это не радостно!» [Беседы и суждения «Лунь Юй», с. 34]. Кроме того, шаньдунцы с древности славились почитанием традиционных ценностей: «возвышением долга и пренебрежением выгоды» [重义轻利], преданностью императору и сыновьей почтительностью, в результате чего сформировался имидж щедрых и открытых, доброжелательных и гостеприимных людей. Геобренд «Гостеприимный Шаньдун» отобразил эту особенность местных жителей, таким образом сблизив их с потенциальными «потребителями». Под этим логотипом активно продвигаются столица провинции г. Цзинань (Цюаньчэн), древний город Великого канала, родственный Имэншань, безмятежный Вэйфан, культурный Цзинин и др. Эти города совместно организуют ежегодные празднования китайского Нового года и разнообразный досуг, таким образом продвигая культуру и туризм в регионе, они также открыли магазин на всех электронных площадках, популяризируя свою продукцию под единым брендом.

Интересно рассмотреть и то, как геобрендинг в соцсетях способствует улучшению имиджа региона. Например, Синьцзян-Уйгурский автономный район, в котором проживают представители 47 нацменьшинств, исповедующих различные религии, исторически был «проблемным» регионом, где на первое место выходили вопросы безопасности, а культурные особенности региона оставались недостаточно освещенными. В 2017 году властями был открыт Wechat-аккаунт, который должен был показать другой облик региона и, используя новую концепцию, способствовать развитию и росту его туристической привлекательности. Для названия аккаунта и лозунга была выбрана фраза из известной народной песни – 新疆是一个好地方 («Синьцзян – это хорошее место»), написанная милым «детским» шрифтом и разноцветными иероглифами, позволяющими сформировать позитивные ассоциации (рис. 5). Слоган дополнен картинкой смеющегося осла, который позиционируется как символ региона. Это животное фигурирует во многих уйгурских легендах о Ходже Насреддине. Начиная с III века осел – это одно из основных транспортных средств в регионе и вьючное животное, которое в отличие от лошадей менее прихотливо в еде, меньше болеет и более выносливо, что актуально в климатических условиях Синьцзян-Уйгурского автономного района. Образ осла отражает культурную самобытность территории, он стал важной частью визуализации региона.

В контент на официальном Wechat-аккаунте размещена информации о гастрономических деликатесах, отличающихся от блюд традиционных китайских кухонь, малых народностях и их уникальной культуре, особое внимание уделяется высококачественным фотографиям природных объектов Синьцзян-Уйгурского автономного района, привлекающих внимание потенциальных туристов.

В июне 2022 года Wechat-аккаунт «Синьцзян – это хорошее место» занял первое место в рейтинге 10 самых влиятельных аккаунтов Китая,

Рис. 5

связанных с продвижением культуры и туризма[1]. Под этим же геобрендом были открыты и снискали большую популярность аккаунты и на платформах Weibo, Toutiao (今日头条), Penguin (企鹅) и Douyin. Еще одним подтверждением успеха ребрендинга региона стали стабильные показатели роста туристического потока даже в пандемийный период. По данным газеты «Жэньминь жибао», за первые 10 месяцев 2021 года регион посетило 170 млн туристов[2], в то время как за весь 2020 год турпоток составил 158 млн[3].

Одной из популярных практик продвижения геобренда является сотрудничество с «ванхунами»[4] и блогерами. Интересным кейсом территориального брендинга в китайских соцсетях стал случай с Дин Чжэнем, молодым тибетским парнем, случайное видео с которым за одну ночь набрало миллионы просмотров. Интернет-пользователей покорили его ясные глаза и застенчивая улыбка, кроме того молодой человек был одет в тибетский костюм, что делало его еще более привлекательным. Вместе с Дин Чжэнем популярность приобрела и его малая родина – уезд Литанг Гардзе-Тибетского автономного округа провинции Сычуань, правительство которого сразу подписало с контракт с новоиспеченным «селебрити». Литанг называют «самым высоко расположенным городом мира», но в самом регионе крайне тяжелые условия проживания и суровый климат, лишь в феврале 2020 его исключили из списка беднейших регионов, и правительство использовало популярность Дин Чжэня, чтобы добавить туристической привлекательности региону. На Weibo появился хэштэг «Дин Чжэнь из Литанга». Спустя несколько дней региональные власти подготовили ролик «Мир Дин Чжэня», в котором демонстрировались уникальные природные виды уезда Литанг, а Дин Чжэнь вскоре стал послом туризма на своей родине. В результате, запросы в поисковике на уезд Литанг Гардзе-Тибетского автономного округа увеличились на 620 % [Ай Цзия, Ли Янань, 2021]. Случай с Дин Чжэнем стал показательным и для других регионов, указывая на новые возможности продвижения регионального туризма и культуры в эру цифровизации.

В период пандемии и локдаунов продвижение территориальных брендов в Китае получило новое развитие, и одним из способов развития культурной и туристической отрасли в сложный период стали онлайн-трансляции видео в режиме реального времени (так называемые стриминги) с подарками на различных платформах с участием блогеров. Одним из успешных кейсов проведения такого мероприятия стал гастрономический онлайн-фестиваль на официальном туристическом Wechat-аккаунте уезда Наньхай, провинции Гуандун (南海旅游). Данное мероприятия было организовано в мае 2020 года в целях поддержания региональной экономики. Во время онлайн-трансляции проводилась лотерея, раздавались купоны на покупку локальной продукции или местных туристических продуктов: билетов на осмотр достопримечательностей, проживание в гостинице и др., общее число участников достигло 1,8 млн человек. В результате этого мероприятия официальный туристический аккаунт уезда Наньхай занял лидирующую позицию среди топовых уездных Wechat-аккаунтов [Чэнь Сяоцзин, 2022].

Пандемия COVID-19 вывела продвижение туризма и культуры в Китае на новый уровень, широкое распространение получил «облачный» туризм, подразумевающий использование мобильных устройств и платформ с функцией онлайн-трансляций для развития отрасли и поддержания интереса к путешествиям. Во время недавней серьезной вспышки COVID-19 в крупных городах Китая на Первое мая правительство настоятельно рекомендовало не отправляться в традиционные путешествия, а остаться дома. В этих целях гидами были многократно проведены прямые эфиры, например Шанхайский парк с дикими животными привлек более 10 млн онлайн-туристов менее чем за месяц[5].

В «Плане четырнадцатой пятилетки по развитию культуры и туризма» ставится задача по улучшению системы современной туристической индустрии, в которую среди прочих входит активное развитие «умного» туризма, где значится «укрепление строительства информационной туристической инфраструктуры, углубление [слияния] «интернет + туризм», ускорение развития умной туристической отрасли на основе цифровизации, нетизации и смартизации»[6], ставится задача «культивировать облачный туризм, облачный стриминг, распространять онлайн-продукцию цифрового опыта»[7], что говорит о том, что тенденции

[1] 2022年6月省级文旅新媒体传播力指数TOP10发布 = В июне 2022 года был опубликован рейтинг ТОП-10 провинциальных культурных и туристических аккаунтов в соцсетях. URL: https:// finance. eastmoney. com/a/ 202207072437801367.html

[2] С января по октябрь 2021 года доходы от туризма в Синьцзяне увеличились почти на 17 процентов. URL: http://russian.people.com. cn/n3/2021/1210/c31518-9930819.html

[3] Синьцзян будет в дальнейшем способствовать развитию туризма. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2021/0202/c31518-9815274.html

[4] Известные личности, селебрити, которые стали популярными в Интернете благодаря какому-то событию или особенностям своего имиджа.

[5] Across China: "Cloud tourism" a new fad amid COVID-induced travel restrictions. URL: http://english.news. cn/20220516/01ee1f068ffb4b6e9dc634c2ae10aebe/c.html

[6] Новостной портал Sohu 《"十四五"文化和旅游发展规划》. URL: https://www.sohu.com /a/47 0238845_121106991

[7] Там же.

к цифровой глобализации в Китае будет только набирать обороты увеличивая и расширяя инструментарий для позиционирования и продвижения территориальных брендов в виртуальном пространстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Геобрендинг китайских территорий в соцсетях является ярким примером коллективного взаимодействия центральных и территориальных органов, социальных соцсетей, туристического и культурного бизнеса и самой целевой аудитории. Описанные выше кейсы локального геобрендинга в Китае показывают разноплановость оснований, по которым происходит позиционирование и продвижение культурно-исторического наследия; символический образ региона; культурные ценности и национальный характер жителей региона; имидж, сформированный ранее; взаимосвязь территорий с селебрити и др. Все эти аспекты позволяют раскрыть наиболее привлекательные стороны территорий, закрепить позитивный образ и привлечь конечного потребителя услуг. Описанные кейсы показывают не только процессы интеграции культуры и туризма в процессах геобрендинга, но и участие уникальной локальной продукции в формировании культурной идентичности региона при эффективном применении инструментов цифрового маркетинга. Правительственный план по региональному развитию культуры и туризма говорит о том, что региональная конкуренция за эффективный геобрендинг будет расти и что стоит ожидать расширение и усложнение механизмов продвижения в китайских соцсетях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анхольт С., Хильдрет Дж. Бренд Америка: мать всех брендов. М.: Добрая книга, 2010.
2. Визгалов Д. В. Брендинг города. М.: Институт экономики города, 2011. URL: https://urbaneconomics.ru/sites/default/files/3467_import.pdf
3. Беседы и суждения «Лунь Юй»/ науч. пер. А. Е. Лукьянова ; поэт. перелож. В. П. Абраменко ; Институт Дальнего Востока РАН ; Исследовательское общество «Тайцзи». М.: ФОРУМ, 2011.
4. 艾吉亚、李亚楠、姜笑君. 社交媒体时代网红助力区域形象传播路径探析–以丁真爆红为例，《新闻研究导刊》，15，2021: 54-56 = Ай Цзия, Ли Янань, Цзян Сяоцзюнь. Анализ пути продвижения регионального имиджа с помощью интернет знаменитостей в эпоху социальных сетей – на примере популярности Дин Чжэня // Синьвэнь яньцзю даокан. 2021. Вып. 15. С. 54–56.
5. 陈晓静.浅析疫情下政务新媒体线上带货的传播策略—以“南海旅游”微信公众号为例，《新闻传播》，1，2022: 9-16= Чэнь Сяоцзин. Краткий анализ стратегии продвижения с онлайн покупками на правительственных аккаунтах в соцсетях в условиях эпидемической ситуации – на примере публичного аккаунта в Wechat «Туризм в Наньхае» // Синьвэнь чуаньбо. 2022. Вып.1. С. 9–16.
6. Across China: “Cloud tourism” a new fad amid COVID-induced travel restrictions. URL: http://english.news.cn/20220516/01ee1f068ffb4b 6e9dc634c2ae10aebe/c.html

REFERENCES

1. Anholt, S., Hildret, G. (2010). Brend Amerika: mat’ vseh brendov = Brand America: the mother of all brands. Moscow: Dobraya kniga. (In Russ.)
2. Vizgalov, D. V. (2011). Brending goroda = Branding of the city. Moscow: Insitut ekonomiki goroda. https://urbaneconomics.ru/ sites/default/ files/3467_import.pdf (In Russ.)
3. Besedy I suzhdeniya «Lun Yuj» (2011) = Lun Yu, transl. by A. E. Lukjanov; poetic arrangement by V. P. Abramenko; Institute of Far East, Russian Academy of Sciences; «Taiji» Research Society. Moscow: FORUM. (In Russ.)
4. 艾吉亚、李亚楠、姜笑君. 社交媒体时代网红助力区域形象传播路径探析—以丁真爆红为例，《新闻研究导刊》，15，2021: 54-56 = Ai Jiya, Li Yanan, Jiang Xiaojun. (2021). Analysis of the way to promote the regional image with the help of Internet celebrities in the era of social networks – on the example of Ding Zhen’s popularity. Xinwen Yanjiu Daokan, 15, 54–56.
5. 陈晓静.浅析疫情下政务新媒体线上带货的传播策略—以“南海旅游”微信公众号为例，《新闻传播》，1，2022: 9-16 = Chen Xiaojing. (2022). A brief analysis of the promotion strategy with online shopping on government

social media accounts in an epidemic situation – using the example of the Wechat public account "Tourism in Nanhai". Xinwen Chuanbo, 1, 9–16.
6. Across China: "Cloud tourism" a new fad amid COVID-induced travel restrictions. http://english.news.cn/20220516/01ee1f068ffb4b 6e9dc634c2ae10aebe/c.html

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Челнокова-Щейка Анна Витальевна
кандидат исторических наук
старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета,
преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных наук
Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chelnokova-Siejka Anna Vitalievna
PhD (History), Senior Lecturer at the Department of Foreign Area Studies in the Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University,
Lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Humanitarian and Applied Sciences in the Institute of Humanitarian and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.07.2022
одобрена после рецензирования 08.08.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 04.07.2022
approved after reviewing 08.08.2022
accepted for publication 14.09.2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 11 (866)

Ответственные за выпуск
Анищенко Алла Валерьевна,
кандидат филологических наук, доцент
Хитина Марина Викторовна,
доктор филологических наук, доцент

Редактор Н. Г. Павлова
Верстка: Ю. Л. Герасимова
Разработка макета: А. Алымов

Подписано в печать 10.12.2022
Усл. печ. л. 21,6. Формат 60x90/8
Заказ № 90/22

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

Network electronic scientific publication

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 11 (866)

Editors
Anischenko Alla Valerievna,
PhD, Associate Professor
Khitina Marina Viktorovna,
Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Editor N. G. Pavlova
Layout: Yu. L. Guerassimova
Layout design: A. Alymov

Signed for print: 10.12.2022
Conventional printed sheets: 21,6. Layout format 60x90/8
Order 90/22

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© FSBEI HE MSLU, 2022

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».